

Андрей Соболев

16+

ЗАЩИЩАЯ ГОРИЗОНТ

ТОМ 2

Андрей Соболев

Защищая горизонт. Том 2

«Автор»

2020

Соболев А.

Защищая горизонт. Том 2 / А. Соболев — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-05164-5

Куда приводят мечты? Пытаясь спастись от ужасов погибающей планеты, остатки человечества прячутся под землю и запирают свои разумы в машину виртуальной реальности. Так люди хотят начать всё заново, построить новый идеальный мир и отречься от ошибок прошлого. На защиту мечты о светлом будущем встаёт специальная служба Стражей, призванная следить за любым отступлением от идеалов, вплоть до устранения нарушителя. Но что если все мечты оборачиваются кошмаром, от которого уже не сбежать, как от покинутой когда-то реальности? Одному из Стражей по имени Стил предстоит ответить на этот вопрос.

ISBN 978-5-532-05164-5

© Соболев А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 4. Сон длиною в жизнь	5
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Андрей Соболев

Защищая горизонт. Том 2

Глава 4. Сон длиною в жизнь

А вы что-нибудь ищете? Хотя нет, не отвечайте, время вопросов прошло, пора, наконец, найти ответы. Присмотритесь к себе, к тому, кто рядом с вами, взгляните на него новым и свежим взглядом. Что вы видите? Из чего состоит вся его жизнь, что наполняет её смыслом, что течёт сквозь него, заполняя всё естество, и тянет идти вперёд, жить? Всё существование человека наполнено бесконечными поисками чего-либо. Каждый его вздох, любой мимолётный взгляд наполнены им – желанием найти свою цель. С самого рождения ребёнок занят беспрестанными поисками. Только открыв глаза, он начинает познавать первые образы, первые звуки, он ищет себя, своё место в этом мире. Затем он начинает искать свою маму, забытые где-то игрушки, друзей. Он идёт по восходящей лестнице и никогда не перестаёт бросать свой мечущийся взгляд на всё подряд, выискивая что-то, чего не понимает, но его к этому принуждает сама жизнь. Жить в движении, жить в бесконечном танце, быть в гармонии с Вселенной и не останавливаться ни на минуту. Он ищет новых друзей, формулы в учебнике, свою первую любовь, деньги на скромный букет из красных роз. Он ищет те немногие, но такие важные в эти в минуты слова, что скромно прячутся за появляющимся от страсти и стыда румянцем. Когда ему покажется, что он нашёл своё счастье, то оно сразу растает, небрежно кольнув его на прощание, и всё начнётся вновь, эта бесконечная карусель из мыслей, образов и мечтаний. Он ищет и находит, теряет и плачет, и приобретает вновь – бесконечный цикл из человеческих смыслов. Поиск работы, своей собственной гавани, пульта от телевизора или номера нужного автобуса, а может даже смысла всей жизни – вот из чего состоит наше существование. Поиски – это сама жизнь во всех её проявлениях. Мы не замечаем этого, но каждая мысль, каждый взгляд сделан с одной целью: найти ответ на нужный вопрос, поставленный сознанием. Миллионы вопросов рождаются в гигантском взрыве сверхновой звезды человеческого разума, всполохи гаснут, найдя свой ответ, чтобы затем вновь взорваться светом новых устремлений. И так каждую секунду, каждый вздох, всю жизнь...

Но есть одна опасность, которая подстерегает на этой дороге каждого из нас. Это сбиться с пути, уйти в неверном направлении в поисках ответа, усыпить свой разум под сладкоголосые пения сирен, увлечься этими лжепророками, что обещают простые ответы и лёгкую жизнь. Так просто, сделав шаг, уйти не туда и утонуть навсегда в этой трясине из лжи и заблуждений. Бесцельные и пустые поиски ведут к таким же пустым и бесполезным ответам и оставляют за собой лишь напрасно прожитую жизнь, наполненную не красотой сияния звёзд, а мёртвым космосом, пустышкой, кашей из неверных суждений. Люди похожи на слепых котят в картонной коробке, они безостановочно ищут что-то, ответы на все вопросы жизни, но они слепы к себе и миру. Они тычутся во все углы коробки и не видят целой Вселенной за её пределами.

Время – хороший пример бесплодных поисков и людских заблуждений, где один шаг в неверном направлении способен увести в тёмный лес, в котором можно долго блуждать, не разбирая пути. Обыденное и поверхностное суждение ищет в неизведанном давно понятные и простые формы, представляет время как стрелу, пущенную из прошлого, как цепь событий, картинок, застывших моментов истории и хочет отыскать возможность ими управлять, изменять и подчинять одной только человеческой воле. Человек тратит всю свою жизнь на погоню за иллюзорной мечтой, пытается приобнять вечно ускользающий мираж и не замечает, что давно сбился с пути. У Вселенной нет начала и конца, нет момента зарождения и смерти, не существует некой временной шкалы, на которой запечатлены события, словно отпечатки,

снимки каждого мгновения нашего мироздания. Не существует прошлого и будущего, как его представляет себе человек, есть только настоящее. Вся наша история, все события отражены только в сознании человека и передаются из поколения в поколение.

Но есть время как форма существования Вселенной, живущей в одном-единственном моменте, в виде бесконечного океана материи, который дышит, постоянно движется и изменяется, не останавливаясь ни на секунду. Динозавр, живший миллионы лет назад, римский легионер и философ древней Греции, каждый объект – это особая форма организации материи; и все молекулы, всё вещество, из которого они состояли, не исчезло, не растворилось где-то в прошлом, а находится здесь и сейчас, рядом с нами, но в виде новых соединений и новых веществ. Всего один шаг из мира субъективных фантазий на дорогу объективности способен перевернуть всю Вселенную внутри разума человека, но наш мир всего лишь коробка с голодными и заблудшими котятками. Немногие из них готовы не хищно смотреть в сторону своих собратьев, а методично грызть стены своей тюрьмы.

Вы, должно быть, спросите меня: «Откуда ты знаешь, что нашёл истинный путь?» На это я могу ответить только...

* * *

– Я просто знаю это, – спокойно ответил Кукольник, явно замечая всё моё раздражение, ярость и испуг. – О жизни в Системе, о каждом происшествии и трагедии я осведомлён гораздо лучше вас, Стражи. О смерти вашего друга мне сообщили пару дней назад. Уверяю, что к его гибели я не имею никакого отношения. Это был его выбор.

– Пару дней? – возмутился я, наблюдая за тёмной фигурой на тротуаре перед моим домом. – И только сейчас ты решил связаться со мной и сказать это?

– Успокойся! – решительным тоном скомандовал он. – Ты должен был увидеть это собственными глазами, иначе наш разговор мог закончиться совсем на другой ноте. У нас нет времени на пререкания, если готов к встрече, то приходи в то место, где я спас твою жизнь. Будь там через час. Для твоего удобства я уже вызвал такси, оно скоро прибудет.

– Подожди! – крикнул я в телефонную трубку. – Зачем тебе всё это? Зачем тебе я? Что мне мешает вызвать туда остальных Стражей?

Кукольник замолчал на краткий миг, затем поднял свой взор из-под капюшона и посмотрел в моё окно. Его холодный и пронизывающий взгляд я отчётливо ощущал даже здесь, за четыре этажа от него.

– Ты волен поступать так, как захочешь, Страж...

На этих словах таинственный мужчина в чёрном плаще оборвал связь, трубка в моих руках дрогнула в воздухе, затем мгновенно распалась на множество фрагментов и исчезла в закоулках системного кода. Кукольник быстро покинул свет фонаря и моментально растворился во тьме дождливой ночи, будто его разом смыло потоком ливня. Я прислонился лбом к холодному стеклу, продолжая пристально наблюдать за круглым пятном света по другую сторону автомобильной дороги, внимательно вглядываясь в бурлящую под дождём брусчатку тротуара и всеми силами пытался сохранить самообладание, понять, что мне делать дальше. Почему сейчас? Почему он не пришёл раньше? Зачем он выбрал именно этот день и этот момент? Вероятно, он играет со мной, моими чувствами, это всё какой-то хитрый и затейливый план, обман. Он манипулирует мной и прекрасно знает, что в таком подавленном состоянии последнее, о чём я буду думать, – это работа, исполнение долга. Но что же мне делать, что ему от меня нужно?

Дождь за окном продолжал усиливаться, превращаясь в настоящий тропический ливень. Тяжёлые потоки воды сплошной стеной обрушивались на нашу Систему, бились в моё окно, затем бурным водопадом стекали вниз и падали с карниза. Ветер немного окреп, почувствовал

свою силу, свою безнаказанность и сильными порывами сливался с дождём, кружил с ним в диком вальсе, выл и стучался в окна. С каждым днём ситуация становилась всё хуже, Система стонала под напором неостановимой стихии и неминуемо катилась к последней черте, за которой уже не будет места нам всем. Техники, Хранители – никто не знает, что творится вокруг, они не видят выхода и мечутся как крысы в лабиринте. Возможно, это всего лишь обман и Кукольник играет со мной, возможно, это всё его рук дело, но я должен узнать, что ему нужно, прежде чем сдать его Хранителю или прежде, чем недалёковидные костоломы из «Харона» проломают ему череп.

За окном сверкнула молния, довершая эту композицию, кем-то написанный реквием, а за ней последовала раскатистая дробь грома. Это громогласный набат войны, что идёт уже давным-давно, но мы не замечали её, пока звук барабанов не донёсся из-под стен наших домов. Тяжело наблюдать, как в муках умирает мечта, как истекает кровью прямо на твоих глазах и сочится сквозь пальцы, ты ощущаешь это ускользящее тепло, видишь жаждущее жизни сердце, что бьётся всё реже день ото дня. Но больше всего осознавать, что ты бессилен, и это сводит с ума, эта неизвестность, неопределённость давит всё сильнее, вызывая лютую злобу, жесточённость и ненависть.

Струйки воды постепенно превратились в бурный поток перед моими глазами, закрывая улицу мутной пеленой. Свет фонаря, где стоял Кукольник, стал размытым и скривился под напором дождя. Я закрыл на минуту глаза, чтобы ощутить приятный холод от стекла и немного отогнать нарастающую боль в голове. Простые люди – безумны! Они безумны в своей простоте, наивности и податливости, я часто не понимал их, о чём они думают, что желают и чего хотят от этой жизни. Их бьёт, швыряет о борта жизни, некоторых сносит в бушующее море вселенского забвения, но они молчат, привыкают, принимают как должное. Почему? День за днём я вижу, как люди на улицах перестают замечать этот дождь, как затихают вопросы, прекращаются споры в подворотнях у местных мальчишек, даже телевидение делает вид, что ничего не происходит. Будто все разом сошли с ума. Неужели они действительно любят жизнь такой, какая она есть, или это просто отчаяние, и они сдались, сломались под давлением обстоятельств? С каждым дождливым днём они всё больше привыкают к такой жизни, а я, наоборот, всё больше злюсь от этого ужаса и от собственного бессилия, перестаю держать себя в руках. Всё, что я видел за последнее время, что пережил, эти смерти, погони, убийства, бесконечные тайны и загадки, неиссякаемые литры крови – всё поглотил проклятый дождь. Он своими хлёткими раскалёнными струями обжигал меня, оставлял глубокие раны, которые разъедали душу и вызывали дикий зуд где-то глубоко внутри сознания. Я день за днём растирал эти раны, расчёсывал и злился всё больше. Меня всего переполняет ненависть, и пусть я продолжаю сохранять личину напускного спокойствия, беспристрастности и безразличия, но внутри бушует настоящий котёл, куда ежеминутно падают новые угли раздора.

Не знаю, что меня пугает сильнее всего в данный момент: этот бесконечный дождь, таинственный злодей, что так жаждет встречи со мной, моя беспрекословная покорность его зову, знаменующее начало моего отступничества или то спокойствие, смирение и отсутствие эмоций, с которыми я вспоминаю о смерти Икарова всего час спустя. Безусловно, во мне ещё сжимался комок ярости, выпускающий с каждым биением сердца свои острые шипы, и я не лукавил, говоря об урагане в своей метушейся душе, я имел в виду несколько иное. Все события последних недель превратили меня в то, к чему я стремился все эти годы, чему меня тщетно пытались научить в школе Стражей. Теперь, заглядывая внутрь себя, я испытывал страх и огромное презрение, я видел чудовище, готовое на всё ради спасения Системы, даже на предательство тех, кому поклялся в верности. Смерть Икарова стала для меня последней каплей, она сломила меня, пошатнула мою уверенность и любовь к людям, я словно выгорел изнутри, оставив после себя обугленные кости, неспособные чувствовать боль. Я не ощущал больше ничего, кроме внутренней пустоты, она поглотила все мои чувства, эмоции, мне стали безраз-

личные люди и их куцые жизни. Икаров всегда относился к нам с большой заботой и теплотой, а иногда со строгим отеческим наставлением. Его показная серьёзность и командирский тон могли быстро смениться мягкой улыбкой, добрым напутствием или житейским вопросом. Но теперь Икарова нет, а в моей душе пустота, неспособная больше скорбеть. Возможно, именно этого хотели мои учителя и об этом говорил Наставник: преданность делу без лишних эмоций, холодный расчёт и чёткое выполнение инструкций, безликая машина, конвейер человеческого счастья. Таким меня воспитало и желало видеть общество? Но с внутренней пустотой пришла ненависть. Она, как та густая Тьма из моих ночных кошмаров, стремится заполнить собой всё свободное пространство, она наполняет лёгкие, поглощает всё тело и обглаживает до костей, оставляя за собой выжженную пустыню из человеческих страхов. Вселенная не терпит пустоты. Там, где умирают чувства, чахнут эмоции и проходит любовь, там непременно поселяется ненависть ко всему вокруг: к людям, событиям, даже самому себе. Сейчас я не чувствовал горечь от утраты, вероятно, единственного человека, которого безмерно уважал, и это ещё сильнее возбуждало мою злобу. Это замкнутый круг – я ненавидел себя за то, кем стал, и от этого ненависть внутри меня только росла, питалась и крепла. Я чувствовал, как начинаю терять связь с реальностью, как перестаю быть защитником общества и выразителем его чаяний, кем я мечтал когда-то стать. Теперь я хотел только одного: чтобы весь этот хаос, наконец, прекратился и чтобы все извращённые порождения Системы были уничтожены. Я должен добраться до истины любой ценой.

На улице грозно сверкнула молния, освещая собой весь залитый ливнем двор. За окном не было ни души, и только редкие всполохи света в окнах соседних домов немного оживляли эту мёртвую картину мрачной ночи. С новым раскатом грома к дому подъехал чуть заметный легковой автомобиль. Это оказалась небольшая пузатая машина местной службы такси, иссиня-чёрного цвета, благодаря которому она тонула в черноте буйной ночи, а шум двигателя растворялся в шуршании дождя и звуках грозы. Только горящие огнём глаза выдавали присутствие железного зверя, да широкая полоса белого цвета, протянутая по всему его боку. Она таинственно сияла от слабого света ближайших фонарей, помогая разглядеть моего незваного извозчика.

Машина остановилась у края дороги прямо под моими окнами и пару раз моргнула передними фарами. «Пора!» – подумал я, затем сделал пару шагов от окна и решительно развернулся к двери. По ночному небу вновь промчался рычащий зверь, огрызаясь, он сверкнул своим ветвистым хвостом и на краткий миг озарил собой всё вокруг. Мне показалось, что я увидел тень посреди комнаты, чьё-то бездыханное тело, подвешенное к потолку и медленно раскачивающееся в такт ударам грома. Я испуганно отскочил, хватаясь за рукоять меча, но в этот момент в голову ударила новая вспышка боли, от чего я зажмурился и склонился над полом, обхватывая виски руками. Спустя пару секунд приступ так же внезапно отступил, а сознание прояснилось. Когда я поднял глаза, то призрачного силуэта в комнате уже не оказалось, только всё та же привычная лачуга, которую я привык видеть каждый день. Разум играл со мной в жуткие игры, слишком свежи ещё были воспоминания от шока, полученные всего час назад. А может, уже два? Кажется, я совсем потерял счёт времени. Но задерживаться дома больше не стоило.

Я выскочил из квартиры, на ходу открывая окно Консоли и проверяя время. Почти час ночи. Когда же я вернулся домой? Не помню. И пока спускался по лестнице, быстро перебирая ногами по ступенькам, я подумал, что панически боюсь встретить Киру. Только не сейчас. Я со страхом встречал каждый пролёт этажа, вглядывался в мелькающие тени, вслушивался в топот своих ног, пытаюсь уловить кого-то ещё. Я боялся увидеть во тьме её глаза, её уккоризненный взгляд. У неё будет столько вопросов, на которые у меня нет ответа и, главное, нет времени на них отвечать. Прости меня, Кира! Прости, что сбежал и бросил тебя одну в квартире Икарова, но я не мог иначе.

Я выбежал на улицу под всепоглощающий ливень, с грохотом отворяя входную дверь. Скорее в машину, нужно покинуть это место. Я ринулся к ожидавшему меня такси, уже почти ощущая тяжёлое дыхание напарницы за спиной. Я знал, что она скоро будет здесь. Но не сейчас, Кира, прости. Прежде, чем вы заберёте Кукольника, мне нужно с ним поговорить.

* * *

Всю дорогу мы ехали молча. Я сидел на заднем сидении такси и был настолько поглощён своим состоянием, полной прострацией от происходящего, что не сразу смог как следует рассмотреть своего водителя. Невысокий мужчина средних лет в стандартной для таксиста чёрной кепочке с небольшим козырьком, над которым виднелась такая же светоотражающая полоска белого цвета, как на боку автомобиля. Из-под головного убора во все стороны выбивались всклокоченные выющиеся волосы, уже серьёзно охваченные сединой. Он сидел тихо, смиренно, ровно дышал и смотрел только на дорогу, лишь изредка переключая скорость. Иногда свет от мелькающих перед нами фонарей проникал в салон, отражался от полоски над козырьком водителя, отскакивал и, попав на зеркало заднего вида, игриво заглядывал в мои глаза. Я щурился от внезапных вспышек, бросал взгляд навстречу прыгающим на меня, надоедливым солнечным зайчикам и иногда ловил на себе испуганный взор таксиста, быстро отводившего глаза в сторону. Тогда я снова отворачивался к боковому окну, где за водопадами жестокого дождя мелькали серые коробки домов и пустынных улиц. Именно сейчас мне стало по-настоящему грустно и одиноко. Только здесь, в гуще бурной людской жизни, феерии ночных красок и в каскаде цветных огней, можно в полной мере ощутить одиночество. Я давно отдалился от людей и избрал этот путь, в тот самый момент, когда решил стать Стражем.

За окном показались неясные очертания шоссе к центральной части города, а вдалеке светились расплывчатые пятна разноцветных огней. Вскоре мы промчались мимо знакомого места, где совсем недавно каждый день нёс свою службу Наблюдатель Павел. Он скромно стоял на своём посту у обочины дороги, впитывал потоки ливня ради призрачного шанса последовать за мной по этой дороге лишений и одиночества, но зато с яркой мечтой в своём сердце, что когда-то зажглась и во мне. Я позволил себе небольшую улыбку, когда вспомнил свой недавний поступок, ведь я помог его мечте осуществиться, по крайней мере, я дал ему шанс её обрести. Всё дальнейшее зависело только от его собственного рвения. Я представил на мгновение, с каким восхищением этот юноша выслушивает лекции Наставника, как горят его глаза и пылают наивное сердце, как дрожит рука под тяжестью пистолета и своего первого опыта. Можно ли удержать мечту, хоть раз прикоснувшись к ней? Я задрал рукав куртки, рассмотрел полосы на своём запястье и провёл по ним большим пальцем. Некоторые мечты должны оставаться мечтами, иначе они рассыпаются в пыль при малейшем прикосновении, оставляя за собой только пустоту. Большинство из них – призрачные миражи нашей жизни, и при попытке их схватить оборачиваются сухим песком и осыпаются с ладони, опадая к нашим ногам. Дальше лишь новый мираж и новое отчаяние. Но сейчас меня полностью поглотили мысли о школе Стражей, о счастливом лице Павла, и только это смогло затронуть что-то в моей душе, заставило дрожать заржавевшие струны и не дало пасть духом. Иногда чужие мечты становятся нашими, чужое счастье – нашими целями и только улыбки других приносят радость, даже когда сам на грани полного отчаяния. С этими мыслями я закрыл глаза и с грустной улыбкой на губах прислонился лбом к холодному стеклу боковой двери, и под шуршащие порывы грозового ливня провалился во тьму. Это был тяжёлый вечер...

...Я очнулся от того, что мой водитель долго и делано кряхтел, кашлял, пытаясь привлечь моё внимание. Машина сбавляла ход и сворачивала на тёмную и пустынную Техническую улицу.

– Простите, что бужу, но мы почти на месте, – хриплым голосом произнёс водитель и снова бросил мимолётный взгляд в зеркало заднего вида.

– Я не спал, – тихо ответил я.

Но, похоже, таксист меня не услышал за шумом двигателя и дождя.

За окном медленно проплывала Техническая улица с её забытыми и опустевшими коробками домов, грязными и пустыми тротуарами, поддёрнутыми слабой дымкой от пузырящегося ливня, и редкими вкраплениями тусклых фонарей, которые, казалось, и вовсе не разгоняли тьму, а только привлекали её, словно мошкарку. Вскоре показался знакомый до боли в плече высокий бетонный забор, увенчанный колючей проволокой и массивными железными воротами с приоткрытой маленькой дверцей. Автомобиль, тихо шурша по асфальту, съехал на обочину и остановился прямо у входа.

– Приехали, Техническая, 20, – хрипя пробормотал водитель заложенным горлом и оттого немного прокашлялся. – Ваш друг уже оплатил проезд, не волнуйтесь.

Я без особого восторга кивнул водителю в зеркало заднего вида и вылез из машины. Холодные и противные струи дождя били мне по куртке, весело отскакивали от водоотталкивающего слоя и продолжали свой полёт дальше. И почему я не носил такую одежду раньше? Жаль только, голову мне нечем защитить: у этой куртки не оказалось капюшона. Мои волосы моментально промокали, наливались тяжестью и чёрными сосульками свисали со всех сторон, а холодный дождь то и дело стремился проникнуть за шиворот и отыскать во мне любую брешь. Я почувствовал, как начинаю замерзать, всё тело пробил озноб, а зубы негромко набивали бравадный марш, стуча друг об друга. Я поёжился, обхватил себя и захлопнул дверь автомобиля. Как только она закрылась, машина такси сразу же сорвалась с места и поспешно скрылась за первым поворотом, куда однажды ушла Кира искать кафе и где так удачно сорвала планы Отступников. Я проводил взглядом своего странного извозчика и вдруг осознал, что водитель был одним из них. Тени окружали меня со всех сторон, следили за каждым шагом. Я догадывался об этом, даже знал, но внутренне смирился с происходящим, отдался на волю течения. Я видел смятение в мимолётном испуганном взгляде таксиста, чувствовал страх, его молчаливый упрёк, он знал, кого везёт, и был напряжён до предела. Это был Кукловод? Или Призрак?

И тут я оторопел. Внезапно я почувствовал, как весь мир обвинил меня, подобно удаву, и жестоко сдавил, выдавливая страх наружу. Таксист, продавец за прилавком, простой рабочий или крупный бизнесмен, а может, даже Техник или... Страж? Кто они? Что представляют собой? Мы каждый день встречаем сотни лиц, имён, характеров и профессий, мы взаимодействуем с ними, дружим и общаемся, но кто они вне своих ролей? Что творится у них внутри, какие потаённые мысли они скрывают под покровом ночи, когда остаются наедине с собой? Я мог встретить этого таксиста раньше, смотреть в его глаза, ловить фальшивые улыбки или даже мило беседовать о погоде, проблемах, проклятых банкирах и народных кровопийцах. Я мог смеяться вместе с ним над шутками, мог даже подружиться и каждый день с радостью встречать его у дома, жаждать приятельского общения по пути на работу, но совершенно не знать его настоящего. Никто не заметит за чередой дежурных улыбок и расплывшихся в приветствии уголков хитрых глаз его истинное отношение, злобу, обиду и ненависть ко мне и другим людям. Он мог смотреть в мои глаза, называть другом и ободряюще хлопать по плечу в трудные минуты жизни, а сам в это время точить кинжал в своём сердце и мечтать воткнуть его в спину, когда я потеряю бдительность. Мы не видим мир таким, каков он есть на самом деле, а он лжив, лицемерен и погружён в перманентную войну всех против всех. Каждый из нас враг другим, себе и всему человечеству, эта неназванная война идёт прямо здесь, сейчас, каждый день и каждую секунду. Я ощутил на себе весь груз презрения, что молчаливо копил и посылал на меня угрюмый водитель, я чувствовал все его грязные, воинственные мысли, всю скопившуюся ненависть, облепившую меня с ног до головы. Меня передёрнуло от этих мыслей.

Да и кто такие эти Кукловоды? Кто этот Кукольник? Я смотрел в небо, ловил на лице хлёсткие и болезненные удары ливня, жмурился от редких вспышек молний, пытаясь смыть со своего лица налёт этих мыслей. Разве важно, кто на самом деле кукловод? Все люди – куклы, и каждый подчиняется тому, чего не понимает, каждый заложник своих идей и пороков, каждый думает, что он властен над своей жизнью и судьбой, а на деле не более чем кукла в чужих руках. Если присмотреться к любому человеку, то можно увидеть эти незримые нити, что тянутся из его души и вздымаются ввысь, к тем, кто руководит его мыслями и чувствами, указывает, что делать и как поступать, кого любить, а кого ненавидеть, что покупать и как жить. Каждый его выбор – не более чем чья-то воля. Кто-то дёрнул за ниточку – и человек уже со злобой в глазах готов разорвать глотку тому, кто ещё вчера был лучшим другом. Нужно ли быть кем-то другим, быть кем-то одержимым, чтобы стать такой куклой? Хотя что и говорить, я сам не лучше остальных, я такая же кукла, ведомая простым любопытством, страхом и перипетиями человеческих чувств. Кукольник дёрнул за нужную ниточку, надавил в нужный момент – и я тут же прибежал. Моей цифровой оболочкой никто не завладел и не перехватил сигнал, но нужно ли это, чтобы подчиниться чужой воле?

Я грустно улыбнулся жестокому небу. Больше всего не понять истоки своих решений, что тебя, возможно, ведут в ловушку неверных выводов, а осознать, что теперь ты не можешь поступить по-другому и остаётся только смиренно наблюдать, как вся твоя жизнь стремительно мчится к неминуемому финалу.

Я отогнал от себя навязчивые мысли и направился в приоткрытую дверь на территорию склада, где меня ждала судьбоносная встреча. Внутри всё осталось по-прежнему, будто и не было этих недель и череды безумных событий. Двор склада всё также утопал в грязи, в бурокоричневой каше из глины, пузырившейся под жестокими ударами тяжёлых капель. Она хлюпала под ногами при каждом шаге, я тонул в этой трясине, скользил и норовил упасть. Здесь было темно и страшно, и только яркая молния, изредка вспыхивающая где-то в неведомой вышине, на время освещала весь двор, оголяя от вечной тьмы бурлящее грязное море, раскинувшееся передо мной, а также большое количество всевозможных ящиков, оставшихся стоять на своих местах с нашей последней встречи. Рядом показалось моё бывшее укрытие, ставшее для меня единственным спасением в том противостоянии.

Я взмахнул рукой, рассекая тяжёлый, пропитанный влагой воздух, и открыл окно Консоли, чтобы своим слабым оранжевым мерцанием она хотя бы немного разогнала тьму и освещала мне путь. В этом блеклом свете я разглядел своё испещрённое дырами укрытие, и армия ярких осколков памяти разом обрушилась на меня. Картинки из прошлого, звуки выстрелов рождались в моей голове и гасли, растворяясь в равномерном шуме дождя. Сейчас он напоминал мне тот «Белый шум», которым я воспользовался в момент полной безнадёги, он монотонно шумел в ушах, и казалось, что в Системе нет больше ни единого звука, кроме этого ливня. Мне вспомнился крик Киры сквозь толщу нахлынувших воспоминаний, её расплывчатый образ, а ведь тогда она прощалась со мной, приняла свою судьбу и ждала смерти. Я поморщился от давящей тяжести, внезапно сдавившей мою грудь. Я вспомнил резкую боль в плече, и старая рана вновь дала о себе знать, запульсировала как прежде, отдаваясь мерзким жаром. Я помотал головой, отгоняя от себя вереницу бесполезных мыслей, и прибавил шаг к зданию склада. Здесь ничего не изменилось, только вновь вернулись тьма и одиночество, следовавшие за мной по пятам везде, где бы я ни появился. Но почему здесь до сих пор остались все эти коробки, всё так же брошенные на произвол судьбы и отданные на растерзание бесконечному ливню? Техники просто оставили это место. Даже после того, как его разграбили, никто не подумал повесить замок на дверь, привести всё в порядок или вывезти оставшееся.

По небу вновь прокатилась молния, освещая серое здание склада, которое мёртвым бетонным стен бесстрашно приближалось ко мне. Дверь в него также оказалась приоткрыта и как будто услужливо приглашала меня войти. Как можно тише я подошёл к входу, прислонился

к стене рядом с ним и прислушался к звукам внутри. Но до меня упрямо доносились только шелест дождя и встревоженное биение собственного сердца. Тогда я создал через Консоль свой стандартный пистолет Стража, крепко обхватил его двумя руками, потом закрыл на мгновение глаза, глубоко вдохнул и на резкий выдох вошёл внутрь, угрожающе выставив вперёд оружие. Склад встретил меня удушливым сырým воздухом с неприятным запахом недавних событий. Внутри было темно, тихо и безжизненно, в какой-то момент до меня донеслась шальная мысль с ноткой облегчения, что я ошибся местом или Кукольник решил не приходить на наше рандеву. Я даже обрадовался этой мимолётной фантазии, мне нестерпимо захотелось вернуть всё назад, открутить все события хотя бы на месяц в прошлое, забыть обо всём, как о страшном сне, вернуть себе ту меланхолично тягучую жизнь, казавшуюся теперь бесконечно далёкой и нереальной. Каждый мой шаг в огромном и полупустом пространстве склада отзывался громким эхом, которое вихрем вздымалось под высокий потолок, звонко отскакивало от стен и убегало вглубь помещения. Я старался идти как можно тише, мягко переставляя ноги и озираясь по сторонам, но звук шагов всё равно предательски возвещал всему свету о моём присутствии. Я прошёл немного вглубь, обошёл стороной то место, где моё почти бездыханное тело осталось лежать несколько недель назад, постоянно ловил в прицел мелькающие тени от вспышек молнии и держал себя в постоянном напряжении. Я миновал какие-то заграждения из деревянных ящиков, хаотично разбросанные повсюду, и, по ощущениям, вышел в центр этого склада. Это место оказалось расчищено от местного хлама и представляло собой чистую и широкую поляну среди местного квадратного леса. Неожиданно в глубине помещения что-то громко щёлкнуло и над моей головой зажглись яркие лампы тёплого жёлтого цвета. Они свисали с потолка на пару метров при помощи обычных кабелей и немного раскачивались под лёгкими порывами сквозняка, что просачивался сквозь заколоченные широкие окна в стенах. Внезапный удар света ослепил меня после долгого пребывания в темноте, я отшатнулся назад, прикрывая рукой глаза, а другой продолжал размахивать пистолетом по сторонам.

– Брось эти шутки, Кукольник, выходи! – крикнул я в пустоту и зазвучал громогласным рёвом во всех углах, сливаясь с эхом.

– Так вот как вы меня называете, да? – прозвучал насмешливый голос, и в десяти метрах передо мной возник тёмный силуэт.

Из-за рези в глазах я не мог разглядеть собеседника, щурился, прятаясь за собственной рукой и пытаюсь нацелить на него оружие.

– Стой, не шевелись! – скомандовал я.

Тем временем глаза немного привыкали к свету, я даже позволил себе опустить вторую руку и обхватить покрепче пистолет.

– Скажи, почему именно Кукольник? Что это значит? – спокойно и даже с интересом спросил уже более чёткий силуэт.

– Почему я здесь? – Я проигнорировал его вопрос и даже посмел грубо перебить на последней фразе. – Почему ты был уверен, что я приеду, что не привезу с собой всех Стражей города? Что мне сейчас мешает пустить тебе пулю в голову? Отвечай!

Моё зрение полностью привыкло к местному освещению, и я увидел на другом конце расчищенного от коробок центра склада высокого мужчину в длинном плаще и с надвинутым на глаза капюшоном.

Кукольник в ответ покачал головой.

– Эти вопросы ты задаёшь мне или себе? – спокойно и уверенно спросил мой собеседник. – Я думаю, ты пришёл за ответами, как бы банально это ни звучало. Поэтому ты здесь, поэтому ты один, а я всё ещё жив. Ты прекрасно понимаешь, что как только я окажусь в их руках, тебе уже вряд ли представится такая возможность.

Его голос с нашей последней встречи стал очень мягким, но уверенным, он чуть заметно менял тембр, разноголосно мурлыкал и напевал слова, от этого я ощущал странное спокойствие,

просыпалось доверие, и усыплялась бдительность. Каждое слово, слетавшее с его губ, звучало очень осторожно, выверено до каждой ноты, он мягко ступал по струнам, натянутым между нами, но при этом не казалось, что он чего-то боится или смущён, скорее он знал, что делал, и это приносило ему удовольствие.

– Зачем ты это делаешь? – в сердцах выкрикнул я, чуть не сорвавшись на панику. – Всё это?! Зачем ты играешь со мной? Тебя ищут все Стражи Системы, ты враг номер один, и всё, что сейчас происходит, завязано на тебя одного! Каждый день нам усердно вторят, как важно поймать тебя, как важно остановить твои злодеяния. Всё закончится, говорят они, вот это всё закончится. – Я раскинул руки по сторонам, перестав держать его на мушке. – Нужно сделать всего одну мелочь – поймать тебя и остановить Кукловодов! И после всего этого ты заявляешься и хочешь поговорить? Зачем ты так со мной поступаешь? Зачем?!

Кукольник выждал пару секунд, смотря на меня пристальным взглядом из тёмного провала своего капюшона, затем схватил его и медленно стянул со своей головы. Передо мной оказался обычный молодой мужчина, на вид не больше тридцати пяти лет, но его лицо выглядело невероятно уставшим, измождённым и не по годам постаревшим. Большие мешки под глазами и немного обвисшая кожа на скулах говорили о тяжёлых испытаниях, выпавших на его долю. Его тёмные, не особо длинные волосы казались грязными, неухоженными и комковатыми, они небрежно собирались в сосульки и торчали в разные стороны. А ещё этот взгляд, полный боли и отчаяния, глаза, преисполненные усталостью от несовершенства мира и смотрящие куда-то в пустоту. Нет, он вовсе не выглядел страшным или пугающим, вполне обычный парень, как сказали бы многие. Скорее он был полон грусти, оставившей значительный след на всём его образе, и это несмотря на то, что при разговоре он использовал вполне игривые и мягкие оттенки своего голоса. Сначала это вызвало у меня недоверие и страх, он казался слегка ненормальным или психически нездоровым, но потом пришло понимание, что это всего лишь ещё одна маска, его сценический образ в этой жизни. Он пытался сохранить в себе что-то живое, позитивное, произвести правильное впечатление на людей, показать свою уверенность и целеустремлённость. Это особенно важно, когда имеешь дело с подчинёнными людьми. Только вот тело не обманешь, даже если оно цифровое. По лицу человека можно сказать очень многое, даже то, что он сам о себе не подозревает. Может, именно поэтому он стремился спрятаться от мира за бездонно глубокой темнотой своего капюшона?

Мужчина смотрел на меня печальными глазами, в задумчивости поджимал губы и в таком виде вовсе не походил на те образы и описания страшного злодея из детских сказок, что так заботливо рассказывал нам по утрам Хранитель. Он был похож всего лишь на... человека.

Кукольник не ответил на мой гневный пассаж и только чуть заметно отрицательно покачал головой.

– У нас мало времени, Стил, – внезапно сказал Кукольник. – Они знают, где я, и скоро будут здесь.

– Они? – сильно удивившись, спросил я и даже посмотрел по сторонам. – Кто они?

– Я позвал тебя не для того, чтобы выяснять отношения или вести пустые беседы, – вновь проигнорировал мой вопрос Кукольник. – С тобой кое-кто хотел встретиться. Я лишь исполняю его волю.

К моей голове потоком прильнула кровь, я встрепенулся, перехватил удобнее пистолет и чуть приподнял его. Только я немного расслабился под переливами речи Кукольника, только стал чувствовать себя в безопасности, как выяснилось, что мы не одни. Я вновь почувствовал на себе внимательный взгляд из темноты, чьё-то незримое присутствие. Глупо было надеяться, что он придёт один. Я окинул взглядом всю видимую часть склада, всматривался в каждую тень, в каждую щель между рядами из ящиков и одновременно едва раскачивался на месте, переминался с ноги на ногу, разминая заиндевевшие мышцы. Я всегда должен быть готов к рывку, всегда...

Кукольник, безусловно, заметил мои метания и напряжённость и успокаивающе выставил вперёд ладонь.

– Это излишне, – мягко сказал он и показал глазами на мой пистолет. – Тебе ничто не угрожает.

– Кто он?! – вновь требовательно выкрикнул я.

Тонкие струны моих нервов напряглись до предела, в любой момент я был готов сорваться и исполнить свой долг – отключить всех Отступников в этом здании. В моменты опасности, страха и смятения остаются только простейшие инстинкты, заложенная кем-то программа.

– Вы же хотели узнать, кто стоит за всем этим? – Кукольник загадочно улыбнулся, развёл руки в стороны, показывая всё вокруг, и специально сделал акцент на последнем слове. – Хотели увидеть лицо коварного злодея, жаждали его поймать и наказать. Вот он, прошу!

Мой собеседник снова таинственно улыбнулся, развернулся вполоборота и демонстративно указал куда-то рукой, словно приглашая меня пройти. В этот же момент из-за ящика, стоящего в пяти метрах позади Кукольника, показалась невысокая мужская фигура и осторожно вышла к нам на свет. Я молниеносно среагировал и за долю секунды поднял свой пистолет, направив его в сторону неизвестного гостя. Его странный образ совсем не соответствовал моим ожиданиям и не выглядел угрожающим. Худощавый мужчина в ярко отбеленной и накрахмаленной рубашке, в тёмных, заботливо выглаженных брюках и блестящих чёрных ботинках. Он был очень молод, с простодушным и наивным лицом, как у ребёнка, а на голове смешно расположилось целое гнездо из перекинутых набок волнистых волос. С его губ не сползала добродушная улыбка, даже когда в его лицо смотрела сама смерть, с нетерпением лаская мои пальцы на спусковом крючке и нащёптывая в уши злорадные помыслы. Он будто пришёл из другого мира, менее мрачного и жестокого, где ещё не процветало насилие и не распадалось на части человеческое общество. Он похож на пришельца из далёкого будущего, того самого, что мы так желали, и о котором бредим до сих пор. Его наряд напоминал униформу обычного офисного клерка, но при этом мужчина источал такой мощный поток внутреннего света, что затмевал им всю тьму моего жалкого образа. Он был там, за спиной Хранителя, на вечно ускользающем горизонте, издевался надо мной, дразнил и обидно махал рукой, приглашая туда, где мне никогда не быть. И поэтому уже сейчас я ненавидел его всеми фибрами души и готов спустить курок, раздробить его голову и стереть эту нахальную улыбку с его лица.

Мужчина опустил руки, сомкнул их пальцами перед собой и медленно направился в мою сторону. Он, словно застенчивый юноша, шёл на своё первое и, возможно, последнее свидание, на встречу, где должна решиться вся его жизнь, но которую он жаждал так долго. Кукольник продолжал стоять на своём месте и с улыбкой взирая на нового гостя. Юноша приблизился к нему, встал рядом и замороженно посмотрел в мои глаза. Я ответил ему презрительным и осторожным взглядом, отступил немного, готовый ко всему, и не выпускал свою цель из вида. Периферийным зрением поймал на себе довольную ухмылку Кукольника, ему это всё доставляло какое-то извращённое удовольствие.

Но тут загадочный гость окончательно разрушил хрупкую грань между реальностью и безумием, которую я упрямо подтачивал всё это время. Я перестал понимать, что происходит вокруг, мир превратился в страшный сон наяву, откуда невозможно сбежать. Застенчивый юноша в белой рубашке открыл рот, и из него полился приятный женский голос, говоривший с таким сладостным придыханием, будто источал собой полноводные реки любви.

– Привет, милый, – тонким голосочком протянул юноша, совершенно не изменившись в лице, всё тот же наивно-глуповатый вид и смущённая поза.

Я подпрыгнул на месте от такой неожиданности и сделал ещё один шаг назад, уже попеременно переводя ствол своего оружия с юноши на Кукольника и обратно.

– Кто это, чёрт возьми? Что тут происходит? – рявкнул я на весь склад.

Но Кукольник продолжал довольствоваться представлением и насмешливо улыбался, а неизвестное создание передо мной вновь открыло рот:

– Не бойтесь, господин Немов, это всего лишь царापина.

Юноша продолжал нести полную околесицу, а его тонкий голосок резко изменился, погрубел, он произнёс эти слова очень твёрдо и уверенно, голосом взрослого мужчины. При этом он никак не выражал свои слова внешне: ни особыми жестами, ни движениями или эмоциями на лице. Он выглядел живым, но в то же время очень искусственным, лишённым всякой основательности и глубины личности, он был пуст, словно... кукла. Он открывал рот, произносил странные слова, обращённые к кому-то другому, будто кто-то дёргал за верёвочку – и кукла оживала, говорила со мной. Это было очень странно и страшно одновременно. Подобное оцепенение я ощущал совсем недавно, в том доме со старой богатой парой, где мы встретили необъяснимые вещи, но с тех времён я научился контролировать этот страх перед неизвестным, и если целью Кукольника было посеять во мне смятение и ужас, то он просчитался. Кем бы ни было это чудовище, оно ужасно, отвратительно и противоестественно. То, что сейчас смотрело на меня своим невинным взглядом, вовсе не человек, а скорее некое извращённое подобие, нелепая поделка неумелого таксидермиста, воздвигшего этот памятник современному человеку. Всё это было неправильно.

В моих глазах потемнело, нахлынули угасшие воспоминания, старые трюки и навыки, проснулись заблудшие в темноте последних дней отточенные рефлексy. Теперь я видел отчётливо одну только цель, скрытую за бесконечным мраком наших дней, и в мушке прицела я наблюдал перед собой помеху... нет, не так – ступень на пути к этой желанной цели, ещё одну, на которую нужно взойти, несмотря ни на что. И в этот момент я сделал то, что у меня получалось лучше всего, для чего ковались эти руки в долгих боях и тренировках. Глядя в глаза своей жертве, я нажал на спусковой крючок. Громкий хлопок раздался под высокими сводами старого склада, вспышка призрачного света, жадно протянувшего свои обжигающие языки из разгорячённого ствола пистолета, и испуганный взгляд Кукольника, который пришёл на смену глупой насмешке. Он боялся, они все боятся. Теперь настала моя очередь злорадствовать. Но оказалось, что моё воодушевление было преждевременным. Пуля с силой громового молота врезалась прямо в лоб улыбчивому парню, но тот даже не сдвинулся с места, только немного пошатнулся на месте и поджал в расстройстве губы. Его цифровая оболочка пошла волнами, замерцала и пару раз порывалась разрушиться, но спустя мгновение она снова пришла в норму.

– Ты что творишь? Зачем ты это сделал? – расстроено и недоумевающе воскликнул Кукольник. – Я же говорил тебе, что он не представляет опасности!

Потом он посмотрел на стоящего рядом с ним неизвестного парня. Тот в свою очередь тоже повернул голову, в которой торчала застрявшая пуля, и снова улыбнулся Кукольнику, будто ничего не произошло. Весьма жуткое зрелище, я даже на время потерял дар речи и судорожно пытался найти для себя ответ, что же делать дальше.

– У нас не осталось времени, – сказал парню Кукольник. – Теперь они будут здесь с минуты на минуту.

Парень кивнул и снова повернулся ко мне. Он осторожно поднёс руку к своей голове, взялся двумя пальцами за кончик пули, застрявшей в его непробиваемом черепе, и спокойно вытащил её, как пробку от бутылки, при этом не проронив ни капли крови. Дыра во лбу моментально затянулась, не оставляя никаких следов недавнего столкновения, и кожа приобрела свой прежний румяный оттенок.

– Кто ты тако-ой... – протянул я, снова поднимая на него ствол пистолета.

А потом резко перевёл его на Кукольника, от чего тот встрепенулся по стойке смирно и поднял в локтях руки вверх.

– Кто он, отвечай?

Но они оба молчали, чем ещё больше распяляли мои нервы. В это же время парень сжал в кулаке вытасченную из головы пулю, а затем разжал ладонь, и из неё посыпалась металлическая пыль, моментально растворившаяся в воздухе. Юноша расправил свою белоснежную рубашку и поправил чуть сползшую на глаза чёлку.

– Ваш сын, миссис Лонне, не привык доверять другим детям, – сказал парень голосом уважаемого и удручённого жизнью пожилого мужчины, который каждой нотой своего голоса стремился передать всю глубину своего величия. – Он всегда был одинок, нелюдим, чурался общества других мальчишек и не находил с ними общего языка. Я удивляюсь тому, миссис Лонне, как он не потерялся раньше. С его замкнутостью и внутренней злобой он всегда выделялся среди наших воспитанников и неслучайно, что теперь он сбежал.

Существо замолкло на некоторое время, потом с ещё более широкой улыбкой протянуло ко мне навстречу руку, его голос снова сменился. Теперь с его губ слетали слова убитой горем женщины, каждое её слово звучало искренне и проникновенно:

– Сынок, я знаю, что ты запутался. Я знаю это чувство смятения и потерянности. Это всё моя вина, не нужно было отдавать тебя в эту проклятую школу, прости меня и, пожалуйста, вернись домой.

– Мне это надоело! Я не знаю, какие игры ты здесь затеял, но я уйду, и ты пойдёшь со мной, – строго сказал я Кукольнику, слегка покачивая стволом своего пистолета.

– Поздно, Стил, они уже здесь, – ответил Кукольник, продолжая держать руки приподнятыми, затем виновато улыбнулся и пожал плечами.

Меня вновь обдало жаром, я неосознанно попятился, покрутил головой в разные стороны, стараясь не выпускать из вида своих оппонентов.

– Да кто такие «они»?! – повторил я недавний вопрос, но в этот раз очень громко и требовательно.

Я был в шаге от того, чтобы вновь нажать на спусковой крючок и в этот раз прострелить голову тому, кто всё это время манипулировал мной, говорил загадками, нагнетал во мне тревогу и неуверенность, играл моими чувствами. Как опытный хирург, он брал в свои руки острый скальпель и резал меня, препарировал, как черепаху, слой за слоем отделяя от меня кусочки панциря, под которым я так усердно старался спрятать свои страхи и сомнения. Целую жизнь назад я оставил всё это там, в той комнате в школе Стражей, куда пришёл добровольно, чтобы пройти процедуру по отречению от своего прошлого, от всех дурных мыслей и помыслов, чтобы очиститься от страха и отрешиться от мира страданий и слёз. Но когда я зашёл на этот склад, услышал переливы речей Кукольника и странные монологи его спутника, то словно вернулся назад во времени, в ту самую комнату, и всё, что я старался оставить позади, они с упорством вытаскивали наружу.

Всего один только шаг...

– Найдите её, Сергей Иванович, прошу вас, найдите! – неожиданно запричитал взволнованным мужским голосом парень в белоснежной рубашке. – Я знаю, вы сможете, она не могла далеко уйти!

Я немного растерялся и оставил на миг желание раскрасить местный пол источником едких мыслей Кукольника. Я чувствовал, как тончайшая красная нить его речей витала вокруг меня, но постоянно ускользала из моего внимания.

– Я думаю, она сейчас где-то в самом центре... – продолжал настаивать парень спокойным голосом, уже более походившим на его собственный, потом задорно усмехнулся и продолжил: – Да, всё это время, у вас под носом, представляете...

Вдруг позади меня раздался громкий женский голос и грозно промчался раскатами по всему складу, заставив меня моментально побледнеть от осознания всего ужаса безвыходной ситуации. Безусловно, я узнал этот голос – мой сегодняшний полуночный кошмар. Но что она здесь делает?

– Всем стоять и не двигаться! Служба Стражей Системы! Замрите оба, пока я не превратила вас в решето!

Голос Киры сильно изменился с нашей последней встречи. Я перестал узнавать в ней того заботливого напарника и верного друга, кем она была ещё полдня назад. Всего несколько часов – и человек становится бесконечно чужим, враждебным. Её голос звучал как приговор: холодный, жестокий, но справедливый, её слова хлестали по моей совести и чести. Я изо всех сил пытался придумать оправдание перед Кирой, Стражами, Хранителем, но не находил ответов даже для себя самого. Как всё это выглядело со стороны? Смешно подумать, что сейчас происходит в голове моей напарницы, что она думает обо мне, об этой ситуации, о том, что будет дальше? Смешно и страшно... страшно как никогда. Но постойте, почему она сказала «оба», обращаясь к нам? Услышав её внезапный голос у себя за спиной, я на время опешил и потерял из вида того наивного парня и только потом осознал, что он пропал, растворился в один миг, стоило мне только моргнуть. Неужели Кира не видела его, когда подходила к нам? Это неважно, сейчас в этой патовой ситуации оказались только я, Кукольник и топор палача, что уже занесли над моей головой и который так давно жаждал крови.

– Стил, убери оружие, он нам нужен живым, ты ведь помнишь? – сказала Кира позади меня уже более снисходительным тоном, но при этом я спиной ощущал стальное оперение её пистолета-пулемёта.

Я продолжал держать на мушке Кукольника и не мог пошевелиться. Ещё минуту назад я всерьёз подумывал пустить ему пулю в голову, но сейчас меня накрыло противоречивое неприятное чувство. Я ощутил укол вины за всё происходящее, будто совершил ужасное предательство, обманул его доверие.

– Я... Я не... – тихо пролепетал я, продолжая смотреть на Кукольника и пытаясь подобрать слова.

– Всё нормально, Стил, – ответил он с небольшой улыбкой на лице, которая не спадала с него ни на минуту, он всё понял и без слов. – Поверь мне, так надо.

– Стил, убери оружие, немедленно, – послышался очень грубый мужской голос, где-то рядом с Кирой.

С Зетом мы общались не слишком часто, он предпочитал не тратить попусту слова и слыл в нашей компании суровым молчуном, любившим бросать на всех хмурые и сердитые взгляды, но спутать его глубокий и немного хрипловатый бас с каким-то другим было решительно невозможно.

– Не надо, Зет, я сама, – негромко сказала Кира, подтверждая мои догадки.

Зет, Кира – все неожиданно оказались здесь, на этом складе, в эту самую минуту, и, похоже, знали, зачем или за кем они сюда пришли. Но, поскольку сюда согнали всех Палачей, значит, и эти двое...

– Может, мы его просто пришьём? – раздался ехидный вопрос Рона.

Конечно, куда же без них... Но тут Кира на него со злостью цыкнула, принуждая заткнуться.

– Весело тут у вас, – шутливо сказал Кукольник, продолжая держать перед собой приподнятые руки.

– Эй ты, а ну молчать! – рявкнул откуда-то из глубины склада Харви.

– Сти-и-ил?! – требовательно протянула Кира.

Её назидательный тон отрезвляющей волной вывел меня из оцепенения, куда затягивал пугающе гипнотический взор голубых глаз Кукольника. Я медленно и осторожно опустил пистолет, переложил его в левую руку и резко провёл двумя пальцами по металлической поверхности, будто смахивая с него грязь. Мой боевой товарищ дрогнул, рассыпался в блестящую металлическую пыль, которая ещё некоторое время летела вслед за моей рукой, а затем и она растворилась, стирая из нашего мира недолговечную цифровую форму моего единствен-

ного преданного друга. Потом я медленно поднял руки и повернулся к своей напарнице. Кира стояла в десяти шагах от меня, вся напряжённая до предела, а в мою сторону грозно смотрело дуло её пистолета-пулемёта. Маленькие свинцовые пчёлки уже, наверное, возбуждённо жужжали в предвкушении нового разорванного в клочья тела. Недалеко от неё расположились все остальные, заняв места около потенциальных укрытий, на тот случай, если бы пришлось начать бой. Зет, Харви, Рон – все Палачи в одном месте, и они пришли по мою душу. Нет, не за Кукольником, именно за мной. Это читалось в их глазах, в угрюмых лицах и в напряжённых позах. Они источали смешанные чувства, я видел расстройство и сожаление, злость, непонимание и даже прямую насмешку, но, главное, они уже готовы растерзать меня в любой момент. Харви и Рон стояли напротив меня и со взглядом голодного хищника всматривались в мои движения, ловили мысли и ждали... Ждали того единственного момента, о каком они могли только мечтать. Они хотели, чтобы я начал глупить, сорвался, попытался сбежать или даже просто дёрнулся в любую сторону, – и вот тогда их сжатые до предела руки, сомкнувшие в свои объятия пистолеты Стражей и трясущиеся от вожделенного ожидания, могли бы вздёрнуться в высь и выпустить в меня всю свою ненависть, изрешетить меня пулями, вырвать, наконец, эту занозу. Но самое пугающее, что в этот самый момент я жаждал того же. В моей голове крутились мысли, думы о моём настоящем и почти неизбежном будущем. Я не хотел этого, не хотел, чтобы всё так закончилось. Я не считал себя виноватым и ничего плохого не сделал, но прекрасно понимал, как всё это выглядит со стороны. И мне хотелось дать им повод, сделать вид, что тянусь за своим главным оружием, висящем на поясе, и я почти решился, но не смог. Я слишком ослаб за эти дни, слишком вымотан морально, даже для самоубийства иногда нужна немалая храбрость.

Я закрыл глаза на секунду, чтобы почувствовать биение своего сердца, глубоко вдохнул, чтобы ощутить полной грудью последние минуты ускользающего мира. Я услышал, как приближаются звуки шагов, и когда мои глаза открылись, я увидел Киру, её разочарованный взгляд, что был для меня в тот момент страшнее любого суда. Нет, она не злилась, скорее это были глаза человека, перед которым рухнуло всё, во что он верил. Кира подошла ко мне, осторожно сняла с моего пояса рукоять меча, опустила мои руки и взяла меня за правое запястье.

– Извини, Стил, но твою Консоль мне придётся заблокировать, чтобы ты больше не надеялся на глупостей, – она произнесла это тихо, слегка охрипшим голосом, старательно пряча от меня свой взгляд за растрёпанной чёлкой.

Кира дотронулась до моего чипа и открыла окно Консоли, чтобы ограничить мои возможности как Стража, так и человека. Кто мы такие без этого маленького квадратика под кожей? Никто! Бесплотные духи, запертые в своём теле, потерявшие право называться людьми. В нашем мире можно в одночасье стать Призраком и даже необязательно физически удалять чип из тела, можно одним лёгким движением руки перекрыть человеку воздух, саму возможность жить.

Пока она возилась с Консолью, мимо меня прошли Рон с Харви и направились к Кукольнику, продолжавшему стоять на своём месте. Проходя рядом, Рон кинул презрительный взгляд, скривился в ехидной ухмылке и ядовито прорычал в мою сторону:

– Теперь тебе конец, придурок!

Я старался делать вид, что не замечаю их, и продолжил с надеждой смотреть на Киру, но она не удостоила меня больше своим вниманием.

– Как вы меня нашли? – Единственное, что я смог выдавить из себя.

– Прибереги свои слова для Хранителя, – небрежно бросила Кира, потом закрыла окно Консоли, отвернулась и пошла прочь, сжимая в руках рукоять моего меча.

– Забери его, – негромко попросила она Зета.

Зет подошёл ко мне, разочарованно покачал головой, затем положил руку на моё плечо и чуть заметно, но требовательно подтолкнул меня к выходу.

– Что же ты наделал, парень? – прохрипел он позади меня.

Поверь мне, друг, я задавал себе тот же вопрос каждую секунду после того, как вышел из двери своего дома навстречу Кукольнику и проливному дождю. Пока мы шли к выходу, я слышал, как позади нас возились Харви с Роном, досматривая Кукольника

– Стой, не дёргайся! – раздался грубый голос Рона, который затем обратился к своему напарнику: – Чёрт, Харви, у меня даже нет наручников, и Создание, как назло, не работает! Может, у тебя они есть?

– Что-о? – громогласно взревел Харви. – Ты с ума сошёл? Я Палач, а не какая-то шавка-Ишейка, откуда у меня могут быть наручники? Веди его так, а если дёрнется, так вдарь как следует, какие проблемы? Я пока ещё раз склад осмотрую, чтобы никакая паскуда не укрывлась.

Их голоса скрылись за рядами ящиков, и навстречу мне поспешил холодный и влажный воздух промозглой ночи, а также шум бесконечного ливня.

* * *

– Даже если всё, что ты рассказал, – правда, то это чистое безумие. В это сложно поверить! Да и как ты прикажешь тебе верить после всего, что ты натворил за последнее время? Оглянись вокруг! Сам подумай, как это выглядит со стороны?

Вергилий старался держать себя твёрдо и уверенно. Он смотрел на меня острым на расправу ястребиным глазом, но при этом вся его речь и каждое слово, произнесённые с того момента, как я пересёк порог его кабинета, выдавали в нём некую растерянность, непонимание и явный конфликт его желаний с имеющимися возможностями. Всё это выглядело так, будто его руки сковали невидимые оковы, которые он не мог объяснить. Глаза его метали яростные молнии, стремившиеся высечь на мне всё его негодование в виде слова «предатель» на лбу, но при этом он не решался делать окончательные выводы и принимать необходимые меры. Даже в эмоциональном порыве он останавливал себя, проглатывал часть фраз и слов, боялся сказать лишнего, и обходил стороной свои истинные мысли, которые рвались с его уст острыми, как рапира, языками пламени.

Всю дорогу до кабинета Хранителя никто не проронил ни единого слова, и каждый встречный стремился спрятать свой взор от встречи со мной. Вот так, в одно мгновение, человек может потерять всю человечность, стать изгоем, кого принято сторониться, как чумного, и где каждый боится прикоснуться к нему своим вниманием. Но я никого не винил в своём изгнании, в Системе существуют довольно категоричные и суровые правила по общению с... Отступниками. Как же тяжело произносить это слово, которым я клеймил всех врагов, вешал его как ярлык на лоб своей будущей цели, как знак презрения и сосредоточения всех негативных эмоций, колодец, куда мы изливали свой гнев. Но теперь это ярмо я самолично водрузил на свою шею и вынужден теперь нести этот крест позора до того самого момента, пока ещё один Палач не прервёт мой жизненный путь в нашей Системе. Хорошо, что ждать осталось совсем немного.

Старина Зет, недаром прославивший своей сердитой молчаливостью, всю дорогу до башни Стражей выглядел совсем уж мрачным и погружённым в свои собственные думы. Пока мы добирались сюда, я сидел на заднем сидении его служебного автомобиля и жаждал встретиться с ним взглядом в зеркале заднего вида, увидеть в его глазах хоть что-нибудь. Пусть это будет шквал презрения, пусть меня растерзает стая голодных псов его негодования... я заслужил многое, но не всего этого изгнания. Это чувство собственной беспомощности, ненужности, когда меня лишили всего: смысла моей жизни, целей, мечты, всего того, чем я жил и дышал. Я не особо любил общественное внимание, предпочитая молча делать своё дело и уходить, теша себя приятными мыслями, что я помог кому-то, сделал чью-то жизнь лучше, пусть и через устранение плохих людей. Но такое ощущение сопричастности к судьбам миллионов неверо-

ятно пьянило и было всем, ради чего я жил. В эти минуты я, как никто другой, начал понимать Икарова и его поступок, это нестерпимое желание избавиться себя от этих мучений. Это невыносимое чувство, словно ты вышел на широкую дорогу, а на ней никого, только твоя собственная смерть на горизонте... она там, неумолимо приближается, и ты ничего не можешь с этим поделать. Ты не видишь ничего, кроме этой дороги и своей смерти, которая с каждым вдохом всё ближе, и тогда единственное желание, возникающее в твоей голове, – это избавиться себя от мучений, приблизить неминуемый конец как можно скорее. Нет, я никого не винил. Каждый Страж прекрасно знает, чем ему грозит общение с Отступником: обвинение в соучастии, сговоре и неминуемое отключение. Это одно из самых тяжких преступлений в нашей Системе, после обвинения, в котором почти невозможно доказать свою невиновность... да и никто не будет слушать, ведь легче не рисковать. Я тоже знал об этом, когда согласился пойти на тот склад один, не сообщив никому. Где-то глубоко внутри себя я всё понимал, но уже не мог остановиться. Больше всего мне жаль Киру, мою верную спутницу, соратницу и просто хорошего друга. Сколько ещё трудностей и оврагов ей придётся пересечь, чтобы избавиться от моего тлетворного влияния, от клейма напарника Отступника, которое будет её преследовать ещё долгое время. Может, хотя бы Зет, наконец, не будет один, а приобретёт себе нового напарника и верного друга.

Только эти мысли продолжали тешить меня, пока Зет вёл меня по первому этажу башни Стражей под испуганным взглядом Марины. Была уже поздняя ночь, но она всё так же стояла на своём посту и, похоже, ещё не думала уходить домой. Но она тоже молчала, окончательно погрузив весь мир вокруг меня в невыносимую тишину, только украдкой смотрела своими большими и выразительными глазами. Её взгляд был наполнен вселенской печалью, а на глазах навернулись слёзы. В тот момент она понимала всё.

Когда я попал в бывший кабинет Икарова, то встретил разъярённого Хранителя, и никогда не видел его таким прежде. Он всё время стоял на ногах, ходил вокруг своего стола и цеплялся пальцами в высокую спинку кресла. С трудом стремясь подавить свои эмоции, он требовал рассказать ему всё, что я знаю. Но что я мог ответить Вергилию? Только правду! Мне нечего скрывать, нет нужды лгать и изворачиваться, придумывать нелепые отмазки, только правда всегда даёт надежду на спасение. Я рассказал о грузе ответственности на моих плечах, о бесконечной боли, моральном давлении и смерти Икарова. Я рассказал о том, как потерялся в дождливом лабиринте из серых дней, как потерял веру в себя и в наше общее будущее. Я подробно поведал о своей встрече с Кукольниковым и его таинственным друге. Всё это время Вергилий ходил кругами по комнате, смотрел на меня испепеляющим взглядом из-под светловолосой чёлки и подавлял в себе эмоции, которые уже когда-то сгубили человека, стоящего перед ним.

– Как? Скажи мне, как можно тебе верить? – повторил свою просьбу Хранитель.

– Я рассказал всё, что знаю, – печально ответил я.

С той самой минуты, как меня с силой впахнули в кабинет высшего Стража, я встал посередине комнаты, не двигаясь и почти не дышал, но при этом старался держаться уверенно и прямо. Вергилий кружил вокруг меня белым волком, сопел, сжимал зубы и клацал ими время от времени, предвкушая вкусную жертву. Именно такие чувства у меня вызывал тогда мой непосредственный начальник.

– Проклятье, Стил! – Хранитель вцепился пальцами в свои волосы. – Ты хоть понимаешь, что до сих пор жив только по одной причине? Кое-кто на самом веру покровительствует тебе, и я не до конца понимаю его мотивы. Скажу честно, тебя не пристрелили... извини... не отключили от Системы только по личному распоряжению Верховного Стража. Не знаю, чем ты ему приглянулся, но в данный момент в твоих непосредственных интересах говорить правду и только правду! Ты понимаешь меня?

Хранитель с каждым словом повышал тон своего голоса, говорил всё быстрее, сумбурнее, проглатывал окончания слов и всё больше давал волю своим эмоциям, а его жестикуляция становилась всё более резкой и открытой.

– Повторюсь ещё раз, я обещал найти Кукольника, и я его нашёл, даже хотел его отключить, когда другие Палачи ворвались в здание склада. Разве это ничего не значит? – с раздражением спросил я.

– Никто не знает, что произошло между вами на том складе, почему вы вернулись туда, где однажды встретились. Зато Стражи знают, что ты стал эмоционально неуравновешен в последнее время, хотел защитить Отступника, отключённого «Хароном», знают о массовом насилии и разрушениях, что следуют по твоим пятам. А также знают, что ты сбежал из квартиры Сергея Икарова после нахождения его цифровой оболочки, скрылся и в тот же момент оказался вместе с главным врагом Системы. Все считают тебя Отступником, Стил.

– Даже вы? Наверняка тоже жалеете о том, что вам запретили казнить меня на месте, – ответил я очень грубо и дерзко.

Я прекрасно понимал, что в такой сложный момент мне следовало держать язык за зубами, проявить капельку смирения и вымалывать для себя прощение... но я не мог. Накопившаяся усталость вперемешку с гневом застелили мне глаза. Я стоял неподвижно, но внутри разгорался настоящий вулкан, мысли перемешались и кипели в моей голове, стремясь выплеснуться обжигающим ядом из моих уст. И я выстрелил, отчеканил острые на язык слова, и они достигли самого сердца Вергилия, отчего тот рассвирепел, оскорбился в самых лучших чувствах, отринул стоящее рядом с ним кожаное кресло и одним рывком подскочил ко мне. Всего пару быстрых шагов понадобилось ему, чтобы налитые злостью глаза остановились в метре от меня и в шаге от той черты, когда быстрым и смертоносным ударом Хранитель выбьет из меня эту дерзость и прервёт моё пребывание в стране кошмаров, даже вопреки воле Верховного Стража.

Но Вергилий оказался более сдержанным, чем я, он лишь ткнул в мою сторону пальцем и процедил сквозь зубы:

– Да как ты смеешь?! Ты... Ты... Я пытался помочь тебе, терпел все эти выходки, твоё отвратительное поведение, недостойное Стража! Я смотрел сквозь пальцы на все глупости и ошибки, покрывал тебя, давал новый шанс, снова и снова, поскольку видел в тебе своё отражение, понимал тебя, как никто другой. Я был таким же когда-то, но провёл уже, кажется, целую вечность на посту Хранителя, в одиночестве, в отречении от всех и себя, и бросил всё, что любил, когда согласился принять эту должность. Нет, я не жалею о своём выборе, это величайшая ответственность, святой долг и почётная обязанность, но после стольких лет жизни в башне, в полном забвении, в окружении двух молчаливых и нелюдимиых Хранителей, всё, что у меня оставалось, – это мой пост на самой вершине башни и Система, простирающаяся далеко внизу. Когда меня назначили вместо Икарова, я был счастлив. Да, представь себе, впервые за долгое время я был счастлив вернуться сюда, к вам, пусть меня и считали каким-то монстром, недостижимым и непонятым небожителем, спустившимся с Олимпа. Пусть меня боялись и ненавидели, зато я был рад снова оказаться среди людей. Я такой же человек, как и ты, и даже пытался стать тебе другом, пускай неуклюже, но хотел. А ты? Ты...

– Другом? – изумился я и попытался вклинить в его эмоциональный монолог.

Я никогда не видел Вергилия таким.

– Заткнись, Стил, прошу, заткнись! Ты уже сказал всё, что мог. Единственное, о чём я сейчас жалею, что доверился тебе. Я подарил тебе свой меч, я покрывал тебя, выслушивал твои бредни о призраках, о бесплотных людях, что выдерживают очереди из автомата, я видел, как ты теряешь контроль над собой, как постепенно эмоции поработают твой разум, и посмотри теперь, кем ты стал? Отступником! Это было закономерно. Когда засыпает разум, то

в буре страстей рождаются монстры, эти идейные уродцы, что извращают человека и заставляют выбрать путь отступничества. Как ты мог, Стил, как ты мог?!

Вергилий выдохся, закашлялся от пересохшего горла, опустил руки и обречённо пошёл к своему рабочему месту. Затем расслабленно упал в глубокое кресло и склонился над столом, обхватив голову руками.

– Когда я узнал о твоём предательстве, об этомговоре с самым опасным Отступником в Системе, я не мог поверить своим ушам, – тихо пробормотал он, не отрывая взгляда от поверхности стола. – Тебя можно много в чём винить: в твоём неуёмном характере, неумении управлять собственными эмоциями, безрассудстве и недалёковидности... наконец, в твоей невероятной способности устраивать хаос везде, где бы ты ни находился! Но это?! Кукольник? – Вергилий поднял голову и печально посмотрел на меня. – Предательство? Нет! Ты, скорее, недотёпа с наивной добродетелью в глазах, слон, мечтающий стать хорошим продавцом в посудной лавке... но не Отступник. Я ведь даже пошёл к Верховному Стражу, хотел выбить тебе ещё пару дней жизни, чтобы ты мог объясниться и мы могли во всём разобраться. Но меня опередили. Другие Хранители сообщили, что Верховный Страж знает об этом и даёт тебе своё покровительство, по одному ему ведомой причине. Возможно, это к лучшему, иначе сейчас мне было бы невероятно больно и обидно за свою минутную слабость в желании помочь тебе.

– Вергилий, извини, я... – В эту минуту мне стало нестерпимо стыдно за свои горячие и поспешные слова, которые я так любил раздавать всем подряд в порыве внутреннего ветра.

– А ты оказался просто злым сукиным сыном! Возможно, я ошибся, и ты действительно тот, кем тебя все считают.

В комнате наступила гнетущая тишина, во сто крат усиленная пронзительным взглядом Вергилия в мою сторону, в котором уже не было той непримиримой злости от ощущения предательства или невыносимой боли разочарования, а скорее он источал сочувствие и сожаление. Весь его гнев иссяк вместе с его горячим, но искренним монологом, он выплеснул всё, что скрывал долгое время. Сейчас же наступила такая тишина, что если захотеть, то можно услышать, как тикают настенные часы, которых тут никогда не существовало, но их непременно следовало бы придумать, чтобы хоть немного разбавить этот кисельный туман из плотно натянутых между нами душевных струн. Спустя минуту тяжёлых раздумий, показавшейся мне вечностью в ожидании страшной казни, Вергилий нарушил это тревожное молчание.

– Всё, что ты рассказал мне сейчас, это правда? То есть все эти «призраки» на складе и прочее? – устало спросил Хранитель.

Я с виноватым видом в подтверждение кивнул, после чего он с тяжестью выдохнул, провёл двумя пальцами по металлической пластине на столе, и перед ним в загадочном оранжевом сиянии появилось небольшое окно Консоли. Вергилий выбрал там пару пунктов меню, и через некоторое время я услышал со стороны окна взволнованный женский голос.

– Да, господин Хранитель? – спросил знакомый мне голос.

– Марин, это Вергилий, – зачем-то уточнил он. – Пригласи ко мне Плотникова, да побыстрее.

– Конечно-конечно, сейчас, – затараторила Марина.

И экран Консоли растворился в воздухе.

Больше мы не проронили ни слова. Вергилий в томительном ожидании откинулся на спинку своего кресла и уставился в одну точку где-то в дальнем верхнем углу комнаты, глубоко о чём-то задумавшись. А в моей голове плясал целый парад глупых и несуразных мыслей. Они водили хороводы вокруг моей растерянности, сталкивались, сливались и крутились с бешеной скоростью. Слова Вергилия о друге всё никак не выходили из моей головы и не давали покоя. Высшие Стражи всегда оставались для меня чем-то непонятным, неким непостижимым образом великих защитников Системы, могучих воинов, настоящей элитой Стражей. Они всегда вызывали во мне подобострастный трепет и желание быть похожим на них. Всё это время я

старался равняться на Вергилия, хотел быть таким же смелым, сильным и непоколебимым, я бежал от себя самого, видел в них непокорных и властительных небожителей, настоящих повелителей наших судеб. Я всегда хотел быть похожим на этот образ, что выдумал для себя сам. Но все наши стереотипы – только ширма, черта, которую мы сами проводим между собой и другими. Люди, кем бы они ни были, всегда похожи друг на друга. Простые горожане или Стражи, что спрятались от себя самих за стеной отречения, спрятали свои эмоции – все они всего лишь люди, которые хотят жить, любить, творить, ощущать себя нужными обществу, общаться и делиться. Каждый стремится разделить своё Я на сотни людей вокруг, вплести свою душу в этот общий комок человеческого бытия, быть единым и быть счастливым. Вергилий нашёл во мне то единственное, что любил сам, нашёл единомышленника и, сам не осознавая того, вцепился в эту первую за многие годы возможность разделить частичку своей души, поделиться с кем-то радостью. Подарив свой меч, он отдал частицу себя, связал нас невидимой нитью, которую в нормальном мире называют дружбой. Тем самым он обязался защищать меня, свой неосознанный выбор, оправдывать его и покрывать, ведь разочарование в собственном выборе ведёт к потере части самого себя, той самой, что мы безвозвратно вручаем человеку, когда доверяемся ему.

Пока я продолжал неподвижно стоять в центре комнаты, ожидая своей участи и думая о том, как же сильно затекли ноги, то не сразу заметил, как в кабинете очень тихо отворилась входная дверь и внутрь беззвучно и осторожно просочился Плотников. Он окинул нас с Хранителем немного сонным и озадаченным взглядом, затем обошёл меня, разглядывая со всех сторон, и встал неподалёку.

– Ты тоже по ночам работаешь? – зачем-то негромко спросил я у Плотникова.

И тот на секунду даже растерялся от такого вопроса.

– Н-не совсем... вызвали срочно, тут т-такое творится...

– О, Плотников, наконец-то, – перебил его Вергилий, очнувшись от собственного транса. Старший Техник встрепенулся как ужаленный и моментально встал по стойке смирно.

– Вы что-то хотели, господин Хранитель? – отчеканил он бодро и резво.

Вергилий сам, следуя примеру Плотникова, сел прямо, расправил плечи, сделал серьёзное и суровое лицо, будто принимал деловых партнёров, а на кону были миллионы алчных инвестиций.

– Страж Стил, – обратился ко мне Хранитель с сухим, словно ветер пустыни, обращением. – Мы попали в крайне сложную и беспрецедентную ситуацию. Учитывая всё катастрофическое положение, сложившееся в Системе, а также ваши заслуги перед обществом, важность каждого кадра, особенно в высших эшелонах иерархии Стражей, Верховным Стражем Системы было приказано сохранить вам жизнь до полного разбора всей ситуации. Но пока, в связи с данными обстоятельствами, мы вынуждены отстранить вас от всякой оперативной деятельности и лишить вас звания Стража до завершения следствия. Ваше оружие будет изъято, вы будете понижены в правах до обычного жителя Системы и лишены всех причитающихся привилегий. Вам есть, что сказать?

Только я открыл рот и хотел проронить хоть слово, как Вергилий поднял ладонь в запретительном жесте и помотал головой.

– Не надо, Стил. Это я так, для проформы сказал... положено. Тем более молчал бы уж! – уже более расслабленно произнёс Хранитель и затем обратился к старшему Технику: – Плотников! Чего стоишь? Я для чего тебя позвал? Исполни решение Верховного Стража!

– А, да-да, извините, – вдруг засуетился Костя.

Плотников быстро подошёл ко мне, схватил мою правую руку, замешкался на секунду и посмотрел виноватым взглядом.

– Ты это, п-прости, Стил, будет немного больно и некомфортно. Мне придётся отключить несколько связующих с Системой нитей, отвечающих за глубокое проникновение твоих функ-

циональных способностей. Всё это напрямую связано с функционированием мозга, поэтому при обрыве нейронных связей могут возникнуть фантомные боли в разных частях тела. И, в общем, вот... это нормально, так что не пугайся.

– Не умеешь ты успокаивать, Костя. Делай уже, что должен.

Плотников грустно пискнул себе под нос, затем провёл пальцами по трём полоскам на моём запястье и открыл специальное окно технической Консоли, связанной с моим чипом. Задумывался ли я над тем, что чувствуют Призраки, когда их, словно больной зуб, вырывают из заботливого лона Системы? О чём я тогда думал, когда Шолохову вырезали чип из его запястья? Мог ли я представить ту боль, что ощущает человек, которого буквально отрезают от обыденной реальности, когда все его заостренные связи рвутся, а в его разуме и душе разрастается дыра, поглощая его прошлую личность? Можно ли научиться жить без привычного мира вокруг, без ощущения связи с ним? Можно ли жить и знать, что ты только прах, временно собранный вместе, который развеется одним неосторожным движением, а после твоей смерти всё, что делало тебя человеком, моментально исчезнет, сотрётся из Системы? В глубине души я мечтал найти ответы на эти вопросы, пройти через эту невыносимую боль, почувствовать свободу от всего на свете, ощутить себя существом без поводка и условностей жизни. Чтобы заглянуть за эту завесу хотя бы одним глазком, я был готов пройти через любую боль. Но сейчас... сейчас была только одинокая бессердечная боль, без сладкой конфетки за спиной. Из меня постепенно вырывали всю жизнь, кусочек за кусочком, безжалостно и методично.

В связи со своим специфическим родом деятельности, я многое знал о всевозможных физических страданиях, нас готовили лицом к лицу встречать опасности, смотреть в глаза смерти и не страшиться отдать свою и чужие жизни во имя всеобщей Мечты. Вергилий прав, я слишком вспыльчив, недалновиден, я ввязывался в драки, исход которых был неочевиден, и слишком буквально понимал учение о бесстрашии, играл со своей жизнью, с судьбами многих людей, что окружали меня. Даже тогда, когда меня действительно сковывал страх, когда разум во весь голос вопил об отступлении, я старался закрывать глаза и бросался под пули Отступников. Ведь нас учили не бояться, призывали быть опорой для людей, их бравым заступником, незримым стражем, а поступать «правильно» для меня превыше собственного страха и даже выше голоса разума. Поэтому я не боялся боли, которой меня пугал Костя, я столько раз получал ранения и прощался с жизнью без шанса на спасение, что боль стала для меня главным спутником и напарником на этом пути.

Но Костя слукавил. Пока он быстро перебирал пальцами в плавающем окне Консоли, внезапный удар пришёл с неожиданной стороны, откуда получить его было больнее всего. Вся моя жизнь и все мои действия были направлены только для одной цели – служить Системе, защищать людей и вести их дорогой к светлому будущему, которое мы все заслужили после стольких лет блужданий по котлам ада. Я ценил свою роль незримого проводника больше всего в жизни. Пока я стоял в кабинете Вергилия и смотрел на его рассерженное лицо, пока ждал смерти, как мне тогда казалось, неотвратимой, я всё равно был скорее разочарован всем случившимся, чем напуган. Я столько раз смотрел в бездну и чувствовал на себе холодное дыхание смерти, что где-то там, на той стороне нашего существования, в мрачной холодной пустоте уже и не надеялись на жаркое randevu со мной. Поэтому я был спокоен. Но когда Плотников стал отрывать от меня то единственное, что я любил и ценил в этой жизни, только тогда пришла настоящая боль, которая была намного хуже боли физической, и только тогда пришёл настоящий страх. Шёлковые цепи моего долга рвались в сознании, и с каждой порванной струной, связывающей меня со Стражами, во мне умирала частичка души, та единственная, что ещё могла любить. Это ужасное чувство, будто бездушный хирург засунул в меня свою руку и медленно, с жестоким садизмом вырывал из моей груди всё, что делало меня человеком. Они забирали то единственное, ради чего я жил: мой долг, моё служение и силу. Взамен они предлагали только пожирающую меня изнутри пустоту, к которой невозможно привыкнуть. Они сделали

меня сиротой. Мой мозг, как безутешная кошка, что ищет своих утопленных котят, он буйствовал, алкал свою потерянную часть и молил меня вернуть утраченное. Да, я действительно осознал, что на самом деле чувствовал Икаров, и лучше бы я погиб, сражаясь за свои идеалы, чем вот так оказаться выброшенным на улицу ещё одной бесполезной единицей общества.

– Вот и всё, можешь выдохнуть, – сказал Плотников и отошёл в сторону. – Т-ты как, живой?

В глазах у меня всё плыло, голова обиженно гудела, а ноги налились свинцовым грузом, но при этом я старался выглядеть непоколебимым.

– Всё нормально, – прохрипел я от пересохшего горла.

– Вот и отлично, – с небольшой неловкостью сказал Вергилий со своего места и ободряюще хлопнул ладонями по столу. – Тогда не тяни, Стил, и расскажи старшему Технику про свои видения и новых призраков.

Плотников резко изменился в лице, округлил глаза от испуга и в изумлении поднял брови.

– Что, опять?! – воскликнул он.

Но я в это время мало понимал, что от меня хотят. Я плавал в киселе из собственных мыслей, охваченных настоящим бунтом против своего хозяина, пытался совладать с нагрянувшим тягучим и липким ощущением безудержного страха и беспомощности, я боролся с желанием сделать какую-нибудь невероятную глупость. Я поднял правую руку, посмотрел сквозь мутную пелену перед глазами на своё запястье, откуда исчезли три полоски, что были единственной отличительной чертой Палача, моим пропуском в будущее, и меня повело назад под грузом собственного отчаяния, я пошатнулся и чуть не повалился на спину.

– Стил! – Хранитель вскочил с кресла и затем рявкнул Плотникову: – Что с ним?

– Я сейчас, всё нормально... голова кружится, – в пустоту ответил я, пытаюсь прийти в себя.

– Это, н-нормально, – заикаясь, подтвердил Плотников. – Так бывает после нейрораспределительного вмешательства. Мозгу нужно время, чтобы смириться с утратой части связей, свыкнуться со своим новым положением.

Старший Техник виновато отошёл в сторону и одёрнул воротник своего халата, чтобы скрыть замешательство и стеснение.

– Да всё нормально, говорю же, – прохрипел я, после чего попытался взять себя в руки, встрепенулся, размял ладони и встал обратно рядом с Плотниковым.

– Ну, коли так... – Вергилий несколько успокоился и сел обратно в своё кресло.

– Так что там с этими... с привидениями? – нетерпеливо спросил меня Плотников, сверкая глазами.

Я безучастно посмотрел на сгорающего от любопытства Плотникова, потом поймал на себе взгляд Вергилия, вновь ставший холодным и отрешённым, и тяжело вздохнул, перебарывая в душе стойкое желание выбежать из кабинета и уйти туда, где я буду один, где мне дадут время поразмыслить, осознать пережитое и смириться со своей участью. С другой стороны, мне рьяно хотелось покончить со всем этим, сбросить с себя тяжкий груз предательства, это тяжкое бремя человека, которого все ненавидят и порицают. Поэтому с маленькой искоркой энтузиазма в общем пожарище пренебрежения я решил рассказать всё, что знал сам.

– Когда я зашёл на склад, – тихо начал я, моё горло всё ещё хрипело от сухости, – то сначала застал там только Кукольника и был точно уверен, что на складе больше никого нет.

– Прости, а почему ты был так уверен? – поинтересовался Плотников, но потом осёкся, увидев мой ненавидящий взгляд в ответ. – Всё-всё, понял, п-продолжай. Что дальше?

– Дальше он сообщил, что со мной хочет поговорить кто-то, кого он представил как своего начальника или главного, не помню точно. Он сказал, что этот человек стоит за всем проис-

ходящим в Системе. После этого из темноты внезапно появился юноша, молодой такой, почти, как ты, Костя.

Плотников недовольно скривился.

– А почему он решил с тобой встретиться? Почему именно тебя решили представить своему главарю?

– Да не знаю я! – воскликнул я, потом повернулся к Вергилию и повторил снова: – Не знаю! Это же Кукольник, я сам не понимаю его игр и тайных замыслов. Возможно, он решил меня подставить, воспользовался моментом слабости.

– Так зачем ты один туда пошёл? – не выдержал Костя и выпалил главный вопрос, который его волновал всю дорогу до кабинета. – Почему не сообщил, не позвал на помощь?

– Этого я тоже не знаю, – ответил я и поник головой. – Может, хотел стать героем, доказать свою нужность, а может, эгоистично желал добиться чего-то сам, ощутить вкус собственного величия и самолично узнать все секреты.

– Ладно, ладно... так что это был за юноша, опиши его?

– Сложно сказать, Костя. С виду он как мальчик с обложки дешёвых девчачьих журналов. Ну этих, ты знаешь... Где обычно показывают улыбающихся мужчин в престижных костюмах, что манят заблудшие женские души. Вот этот парень был таким же, с постоянной улыбкой, вечно всем довольный, эти розовые щёчки, накрахмаленная рубашка, брюки, ботинки, вся эта снисходительная стать офисного короля. Такие бывают разве что в этих самых журналах о красивой жизни в офисной неволе или в фильмах про бытие планктона. Он был словно искусственный, неживой, как красивая картонная реклама у входа в бизнес-центр. Какой из него предводитель Кукловодов? Он скорее сам был похож на...

Я замолчал, обрывая свой монолог на полуслове, и задумался.

– На куклу? – осторожно предложил свою догадку Плотников.

– На куклу, да-а, точно... – в сомнениях протянул я, поднимая глаза на старшего Техника. – Но самое странное – это когда он заговорил. Это даже сложно назвать разговором, он скорее вещал, понимаешь, Костя?

– Вещал? Что ты имеешь в виду? – Плотников поднял от удивления брови.

– Будто радио. Когда он заговорил, то из его уст донеслись не его слова, а словно чьи-то чужие, частички чужих диалогов, жизней, вырванных из контекста. Он изрекал отдельные и малосвязанные фразы, менял тональность своего голоса, а то и вовсе пол. Он обращался ко мне то от лица взрослой женщины, то от какого-то уважаемого мужчины. Это было очень странно и жутко.

– Хм, этот твой... призрак, он пытался спародировать этих людей? – Костя внезапно побледнел и облизнул высохшие губы.

– Нет же, – возмутился я. – Говорю тебе, он шевелил губами, но при этом изрекал не свои слова, он звучал совсем иными голосами, а лицо его при этом оставалось безучастным, неживым. Он продолжал источать всё тот же глупый наивный вид. Тьфу!

– И что же он тебе сказал чужими голосами?

– Эх, если бы я знал. Какую-то бессвязную кучу слов, какофонию чужих жизней. Что-то про сбежавших детей и горящую мать. Разве я мог запомнить? В тот момент я был настолько потрясён увиденным, что мало осознавал, что лепечет этот сумасшедший.

Плотников снова загадочно хмыкнул, затем уставился в одну точку и о чём-то задумался.

– А потом я в него выстрелил, – зачем-то добавил я, разбавляя тягучие размышления Кости.

Плотников моментально вышел из ступора и даже подпрыгнул на месте.

– Ты что сделал? – старший Техник резко повысил голос и сделал шаг в мою сторону. – Ты убил его?

– Как сказать «убил»? Пытался, да. Я выстрелил ему прямо в голову, но это непонятное существо даже не дрогнуло, не сменилось в лице, только его цифровая оболочка слегка замерцала. Потом он как ни в чём не бывало вытащил пулю руками из своей черепашки и растёр её в пыль. Он просто посмеялся надо мной и всеми Стражами. Это было очень жутко. Вот как это можно объяснить?

Чем больше я рассказывал, тем ярче Плотников источал тревогу и беспокойство, он окончательно побелел, занервничал, начал переминаться с ноги на ногу и чаще уходить в себя. Он будто отрешался от мира, общался с кем-то внутри себя, советовался, размышлял, а потом вновь возвращался в привычный мир. После слов о попытке отключения этого непонятного существа старший Техник задёргался и стал ходить кругами по комнате, что-то вереща себе под нос:

– Частичное нейронное проникновение... ментальный синтез... переходящий механизм... да, да, прямая проекция, но как же оно...

До меня долетали только обрывки его отдельных фраз.

Вергилий всё это время не вмешивался в наш диалог, с любопытством наблюдая за происходящим со своего рабочего места, но сейчас обеспокоенный реакцией Плотникова он встал с кресла и обратился к увлечённому своими мыслями старшему Технику.

– Плотников, что случилось? Ты что-то понял? – с тревогой спросил Хранитель.

– Да-да, прямая проекция, точно! – громко воскликнул Костя, поворачиваясь то к Вергилию, то ко мне. – Если Стил не врёт, то это очень похоже на прямую проекцию, но... это невозможно.

– Что за прямая проекция? Говори чётче! – требовательно попросил Вергилий.

Плотников прекратил бегать по комнате и на секунду завис, глядя в сторону Хранителя.

– Т-тут вот такая штука. Все эти симптомы, так сказать, или скорее проявления очень похожи на так называемую прямую проекцию человеческого сознания в виртуальную систему. Если объяснить проще, то данную технологию связи человеческого мозга с центральным ядром пытались применять на ранних этапах проектирования нашей Системы. Я об этом читал как-то давным-давно, когда изучал теорию нейронных сетей и историю возникновения Системы. Так вот, изначально предпринимались попытки внедрить человека, а точнее его сознание, без глубокого проникновения в его мозг и без полного переподчинения всех его нейронных связей.

После этих слов Костя снова ушёл в себя и отключился от мира.

– Плотников, давай ещё точнее, – просил Вергилий.

– Иначе говоря, изначально тестировали подключение к Системе на простой основе, поверхностной, чтобы человек мог легко и просто входить и выходить из неё в любой момент. Это была как игра, виртуальная реальность, в которую можно ходить, как на работу, совершать простые вещи, играть в хорошую жизнь, а вечером возвращаться назад.

– Но Творцам-основателям эта идея не понравилась, так? – спросил я, перебивая Костю.

– Дело даже не в этом, Стил. Изначально это была лишь идея, первая намётка, технология подключения к миру грёз. Ей не дали хода, к тому же эта технология несла много издержек и сложностей, в ней оставалось очень много недоработок. Я уж молчу про общее желание построить новый мир, изменить людей, переселить их полностью, избавить от кошмара настоящего. Поэтому от идеи простой прямой проекции части сознания было решено отказаться в пользу полного и глубокого подключения тела к Системе и поставить его на полное самообеспечение, чтобы больше не было нужды выходить наружу. При этом было использовано ядро Системы в качестве посредника, которое полностью поглощало все сигналы мозга, заменяло их уже обработанными и возвращало назад. Тем самым полностью заменяя существующую для нашего тела реальность.

– Плотников, мы все учились в школе Стражей и отлично это знаем. Объясни, как это связано с рассказом Стила? – настороженно спросил Вергилий.

– А в-вот тут самое интересное. Из того, что я почерпнул о самых ранних попытках прямой проекции, я особенно запомнил о недостатках и побочных действиях, которые описывались особенно подробно. Человеческие образы, спроецированные только частью нашего мышления, были не больше, чем наши куклы, в этой реальности, мёртвые образы нас самих, одна только тень, осколок души, проникнувший за завесу реальности. Люди не жили в Системе, они лишь играли свои роли, и у них это получалось слишком отрешённо, неестественно, будто дитя играет в куклы, где всё натянуто и лицемерно. Но главная проблема оказалась в способности передать человеческую речь. Казалось бы, что проще? Но передать свои осмысленные действия, свою речь посредством мозговой активности оказалось невыполнимой задачей без полного проникновения в наше сознание. То, что мы говорим, – это сложная работа, разветвлённый механизм связанных действий всего мозга. Вся обработка информации, составление осмысленных и связанных ответов, по сути, результат этой всеобщей работы. При таком поверхностном подходе в прямой проекции, это оказалось невыполнимой задачей. Применялись даже попытки создать синтезатор речи, представлявший собой архив заранее записанных готовых фраз, которые соответствовали активности того или иного участка нейронной сети. При сканировании этих активных участков синтезатор подставлял готовые шаблоны. Но вы сами понимаете, общаться шаблонами у людей не очень получалось, да и выходила всё больше, как выразился Стил, какофония из разных фраз и кусков готовых предложений.

– Постой, – догадался Вергилий. – Ты хочешь сказать, что это привидение, которое видел Стил, похоже на эту самую прямую проекцию? Но как...

– Н-не знаю, господин Хранитель, – пожал плечами Плотников. – Симптомы очень похожи, но это, как я сказал ранее, невозможно. Для этого им понадобилось бы подключиться к Системе извне.

Плотников осёкся, испугавшись своей догадки, а Вергилий вытарашил глаза, чередуя на своём лице все эмоции от удивления до тревоги и страха, после чего рухнул обратно в кресло.

– Извне? – внезапно охрипшим голосом спросил Хранитель.

Но старший Техник не успел ответить, как дверь в бывший кабинет Икарова с грохотом и бесцеремонно распахнулась, и в помещение ввалился злой и взъерошенный Харви. Он мельком бросил на меня ненавидящий взгляд и потом повернулся к Вергилию.

– Господин Хранитель, – взревел Харви. – Там этот... эта сволочь не желает с нами разговаривать, ни в какую, он требует вот этого предателя! – прокричал он и указал пальцем в нашу с Костей сторону.

– М-меня? – пискнул Костя.

– Да не тебя, придурок, – зло гаркнул Харви. – А подельничка своего. Говорит, что общаться будет только с ним.

– Что, так и сказал: «Пodelьничка»? – укорительно и с интересом спросил Вергилий.

– Ну, это... нет, вроде. Просто сказал, что требует того Стража со склада, – промямлил Харви.

– Хм, ладно, – ответил Хранитель, потирая свой подбородок, а потом встал и вышел из-за стола. – Стил, пойдёшь с нами!

– А как же... – растерялся Костя.

– А ты, Плотников, срочно напиши мне отчёт со всеми своими мыслями и идеями. Про проекции эти поподробнее и как можно скорее. Спать не отпущу, пока не закончишь, – отрезал Вергилий, направляясь к выходу из кабинета.

В последний раз заглянув в белёсое и испуганное лицо Кости, я ободряюще покивал ему и вышел из кабинета вслед за Харви и Хранителем. Мы в два счёта достигли дверей лифта и уже через минуту втроём поднимались на двадцать четвёртый этаж, где находилась комната для допросов. Всё это время я молча стоял позади Вергилия и за широкой спиной Харви, который всю дорогу до лифта оборачивался и как-то не по-доброму бросал мимолётные взгляды.

– Почему предатель всё ещё жив? – глубоким басом спросил Харви у Хранителя, каждый раз делая явный акцент на слово «предатель», прекрасно понимая, что я это слышу.

– Верховный Страж предпочитает не делать необдуманных и поспешных выводов в наше нелёгкое время, когда каждый, пусть даже плохой, Страж на счету. Стилу будет гарантировано место в Системе до вынесения вердикта самим Верховным Стражем.

Харви недовольно фыркнул на эти слова, снова на секунду обернулся, чтобы посмотреть на меня, и, встретив мой ненавидящий взгляд, злобно скривился в ухмылке.

– О-ох уж эта политика... – протянул Харви.

Кабина лифта чуть заметно дёрнулась, и двери перед нами распахнулись.

– За мной! – скомандовал Вергилий, пулей вылетая наружу.

В несколько быстрых шагов мы оказались у боковой двери коридора, которая вела в уже знакомую мне комнату для проведения допросов. Вергилий остановился у входа и повернулся ко мне.

– Хочешь что-то доказать, Стил? Это твой шанс, – довольно сухо произнёс Хранитель. – Узнай, кто он такой, чего хочет и кто был этот непонятный призрак рядом с ним. Узнай как можно больше, воспользуйся его странной заинтересованностью тобой. Никаких лишних вопросов и разговоров, делай всё по инструкции и помни: мы будем наблюдать за вашим диалогом из смотровой комнаты. Тебе всё понятно, Стил?

Забавно было наблюдать, как Хранитель на бегу меняет маски, как умело скрывает ото всех, кто он есть на самом деле, что чувствует и желает. Совсем недавно он раскрыл передо мной свою слабую сторону, показал свои пороки, эмоции, иначе говоря, всё то, что теперь вменяют мне как предательство наших идеалов. Но сейчас, рядом с Харви, он вновь включил свою старую роль холодного прямолинейного прагматичного лидера и руководителя. Будто и не было того эмоционального срыва и душераздирающего монолога у него в кабинете, словно две грани одного человека, как доктор Джекилл и мистер Хайд, они не знают друг о друге и предпочитают не замечать. Лишь изредка мы выпускаем на волю наших внутренних монстров, кого потом стыдливо пытаемся упрятать обратно. Но не мне судить Вергилия, когда сам давно запутался в своих бесчисленных Я, и уже забыл, что значит быть Стражем, но пока ещё не вспомнил, как быть человеком. Я метущийся дух между миром живых и мёртвых, я тянусь к свету, источая тьму, и сам же сгораю в этих стремлениях.

– Я понял, – тихо ответил я.

– Вот и отлично! Пошли!

Вергилий услужливо открыл нам дверь, и я вошёл внутрь, проследовал прямо по небольшому коридору и заглянул в допросную, пока в это время Хранитель с Харви прошмыгнули в соседнее помещение смотровой комнаты. Когда я вошёл в небольшую и хорошо освещённую комнату и вновь увидел этот стол с двумя стульями, то сразу вспомнил ту женщину Призрака, что сидела здесь, на том же самом месте, где сейчас находился Кукольник. Я вспомнил её заплаканное лицо и звук выстрела, который повис тяжким бременем среди стен этой комнаты, они будто снова источали его и давили на меня со всех сторон. Я почувствовал, как моё сердце бешено колотится при виде фигуры Кукольника, склонившегося над столом. Я боялся его? Но почему? Его руки прикованы к столу наручниками, а в соседней комнате сидит Хранитель. Возможно, именно сейчас я меньше всего хотел знать ответы, я боялся их. Мне казалось, что стоит ему только открыть рот, как из него полезут ядовитые змеи, жалящие меня в самые уязвлённые места. Он играл со мной, я знал это, но что бы я ни делал, всегда оставался в проигрыше. И вот сейчас мы снова идём на его поводу, его кукольный театр ещё не окончил свою мрачную пьесу.

Когда Кукольник услышал, как открылась дверь в комнату для допросов, он повернулся на звук и, увидев меня, довольно улыбнулся. Затем жестом указал на стул напротив, приглашая меня присоединиться к его увеселительным посиделкам. И, как я успел заметить, он не терял

тут времени даром. Его левая бровь и подбородок были рассечены и продолжали кровоточить, а на поверхности стола перед ним образовались кроваво-багровые следы его упрямства, которые явно намекали, каким образом он получил эти ранения. Харви никогда не умел элегантно вести допрос. Он, похоже, и слова такого не знал и был даже не человеком, а скорее карикатурой на него.

– Прошу, Стил, присаживайся, – словами повторил своё приглашение Кукольник. – Я рад, что ты ещё жив.

– Твоими-то стараниями это действительно чудо, – пробубнил я, подходя к стулу напротив пленника и с размаху усаживаясь на него.

Я осторожно посмотрел на зеркальную стену, откуда за нами пристально наблюдали, сглотнул ком, внезапно застрявший в горле, и попытался вспомнить список вопросов, которые мне велел задать Вергилий. Кукольник проследил за направлением моего взгляда и грустно улыбнулся.

– Твои друзья были не о-очень любезны, – протянул Кукольник. – Хотя ты тоже, помню, пытался меня убить...

– Почему я? – перебил я собеседника единственным вопросом, который меня волновал сейчас больше всего.

– Что? – растерянно перепросил Кукольник.

– Почему из всех Стражей ты решил подставить только меня? Чем я лучше других?

– Потому что ты уже мёртв, Стил, как и я, – спокойно ответил Кукольник, пытаясь всё так же оставаться дружелюбным, насколько это возможно в данной ситуации.

– Но я ещё жив!

– Это ненадолго. Для них... – Кукольник качнул головой в сторону зеркальной стены. – Для них и для Системы ты уже мёртв.

– Хватит! – я вспыхнул от всей той чуши, что он нёс, пытаясь запутать мне мозги. – Кто ты, и как тебя зовут?

– Разве Стражи не должны быть эмоционально нейтральными? Предыдущий меня хотя бы лупил с маниакальным хладнокровием.

– Кто был тот человек на складе? Почему я не смог его отключить? Отвечай! – не унимался я.

Кукольник лишь печально улыбнулся в ответ.

– Ты требовал меня? Ну? Чего же тогда молчишь? Я здесь, пришёл как верная собачонка... снова. Отвечай, кто ты?

Внезапно с лица Кукольника слетела улыбка, он помрачнел, напрягся и со зловещим прищуром посмотрел в мои глаза, потом пугающе медленно повернул голову к зеркальной стене.

– Вы хотите узнать, как меня зовут?! – почти по слогам прокричал Кукольник, чтобы все его хорошо услышали.

Затем он прикрыл глаза, напрягся, сжал сильнее кулаки, поднимая их над столом, насколько позволяли прикованные к столу наручники, и на миг замолчал.

– Меня зовут Сол!

Кукольник прокричал своё имя и одновременно с этими словами сильно ударил кулаками в стол. Раздался взрыв, будто в его руках разорвалась граната. Яркая вспышка, громкий хлопок – и ударной волной меня опрокинуло назад вместе со стулом. Зеркальная стена треснула, захрустела, и по её ровной поверхности заструилась хрупкая паутинка расколовшейся глади, всем своим видом грозившая осыпаться и окатить меня волной осколков. От непонятного взрыва стол перед нами превратился в щепки, а наручники на запястьях Кукольника разрушились, превратились в металлическую пыль и осыпались с его рук. Всё это случилось настолько быстро и неожиданно, что мне оставалось только смиренно наблюдать за его быст-

рыми движениями и как мир летит перед глазами, а мой затылок с радостью спешит на встречу с бетонным полом.

Перед тем как в моих глазах потемнело от удара головой, я успел увидеть, как Кукольник резко вскочил на ноги и поднял правую руку вперёд, будто удерживал перед собой невидимое оружие. Всего за долю секунды до того, как он завершил этот манёвр, воздух вокруг его ладони поплыл, потемнел от густого и смолянистого тумана, как из моих ночных кошмаров, и из этого маленького чёрного облака появился стандартный пистолет Стража. Раздался оглушительный выстрел, потом ещё один и снова. В таком маленьком помещении они больно били по ушам и расходились волнами по стенам. От нескольких мощных попаданий в повреждённую зеркальную стену она не выдержала и со звоном рухнула волной из мелких осколков, которые смертельным прибоем усыпали пол рядом со мной и подкатили к моему лицу. В этот самый момент я вскочил на ноги, подгоняемый вспыхнувшими рефлексамми, но не успел сделать и шага, как Кукольник направил на меня ствол пистолета, останавливая от необдуманных действий, а затем снова перевёл его в сторону бывшей зеркальной стены, где теперь открылась тайная смотровая комната. В темноте её скрытых глубин я увидел Харви, Рона и Вергилия. От полной неожиданности поступка нашего пленника они отринули в стороны от сломанной перегородки и застыли в нерешительности. Такого исхода не могли предсказать даже они.

– Всем выйти в коридор! – громко скомандовал Сол, показывая стволом на выход.

Стражи не сдвинулись с места.

– Чего встали? Я сказал, пошли вон, иначе вашему дружку конец!

Показная дружелюбность и нарисованная улыбка исчезли с грустного лица Кукольника, теперь там остались только решительность и злоба, которые пугали намного больше, чем показное лицемерие. Он снова навёл на меня ствол пистолета, всем своим видом показывая серьёзность своих намерений, и Вергилий медленно, с неохотой потянулся к выходу из смотровой комнаты и дальше к главному коридору. Даже отряд «Харон», в сладких грёзах мечтавший о моей смерти и желавший видеть, как прострелят мою горячую голову, угрюмо поплёлся за Хранителем. Необъяснимый поступок Кукольника напугал всех зрителей его яркого представления независимо от ранга и смелости, никто не понимал, как он смог устроить этот взрыв, как освободился от пут и откуда достал оружие. Я ожидал, что Харви с присущей ему упёртостью носорога порвётся в бой в надежде успеть за время, пока Кукольник расстреливает мою несчастную тушку, вцепиться в горло новоявленного стрелка и свернуть ему шею. Но сейчас даже он не проронил ни слова. Этим балом правил новый король.

– Как ты это сделал? – спросил я в изумлении, осматривая куски развороченного стола с примесью осколков зеркала.

– Что сказать, Система любит меня, – Сол неожиданно сменил свой угрожающий тон на обычный и буднично мелодичный перелив из фраз и даже снова позволил себе небольшую улыбку, когда все Стражи покинули помещение. – Хотя скорее это я беру всё, что посчитаю нужным. Иди к выходу, Стил.

Он не прекращал держать меня на мушке и кивком указал на дверь. Я сделал несколько шагов в её направлении, но потом резко остановился и с недоумением уставился на Сола.

– Но зачем? Ответь мне, зачем ты позвал меня? Зачем весь этот спектакль, если ты мог избавиться от оков в любое время? – настоятельно задавал я вопросы.

– Затем, Стил, чтобы ты мог взглянуть в глаза своим мнимым друзьям и соратникам, чтобы узрел в них то, что видят все твои жертвы, когда ты заносишь над ними клинок. Ты помнишь себя в такие моменты? Помнишь, кем ты был на этом своеобразном эшафоте, что вы устроили всем неудобным? Всем, кто, по вашему мнению, отступил от ваших же собственных законов. Вы все холодные, расчётливые машины для убийства с ледяным пламенем в глазах и со святой верой в свою непогрешимую миссию. Я хочу, чтобы ты сам ощутил на себе этот маниакальный взгляд одержимого своей идеей человека, который не остановится ни перед чем.

– Прекрати! – резко ответил я. – Прекрати играть со мной, брось свои тщетные попытки вызвать во мне жалость к своим преступным отродьям. Посмотри, что ты сделал с этой комнатой! Ты думаешь, я буду слушать тебя после того, что ты устроил? Вы творите подобный хаос по всей Системе, сеете страх, смерть и разрушения, возвращаете в людей новые зёрна раздора.

Кукольник с грустью усмехнулся и покачал головой.

– Ты хоть слышишь себя, Стил? Ты ведь не такой, как они. Я видел это и знаю, о чём ты думаешь, оставаясь наедине с собой в своей крохотной квартире. Зачем ты пытаешься обмануть себя, отрицаешь свою суть, зачитывая эти устарелые мантры?

Знаете, что меня злило больше всего? Нет, не попытки Сола управлять моими мыслями и не попытки меня переубедить или вести неизвестную мне игру, а то, что порой в его словах я действительно находил что-то правильное и логичное. Неприятно ощущать себя неправым: хочется ещё сильнее злиться и идти наперекор всему миру и даже самому себе.

– Ты ведь понимаешь, что тебе не дадут уйти отсюда живым? – зло спросил я, перебивая Кукольника.

– Как раз я хорошо это понимаю, а вот понимаешь ли ты? Что будет там, в коридоре, когда самый опасный и разыскиваемый Отступник во всей Системе будет прикрываться Стражем, твоей жизнью, чтобы спасти свою? Скажи мне, Стил, что будет тогда? Сколько стоит твоя жизнь в обмен на вашу идею? Ты даже не представляешь, кто я на самом деле. Просто поверь, мне не позволят скрыться любой ценой. Наверняка сейчас твои друзья обсуждают возможность уничтожить половину здания и похоронить десятки Стражей, лишь бы не выпустить меня наружу.

– Я не боюсь смерти и, если это поможет...

– Да-да-да, слышали, знаем, – перебил меня Сол. – Даже я не верю вашему петушиному гонору и слащавому пафосу. Тогда пойдём, и будь, что будет.

Сол снова указал пистолетом на дверь, после чего я послушно открыл её и вышел в короткий проход, соединяющий комнату для допросов и главный коридор этажа. Когда мы были уже у выхода, до меня донёсся рассерженный голос Хранителя.

– Вы кого сюда привели, придурки?!

– А мы-то чего? – хором отвечали Стражи из отряда «Харон».

Но когда я вышел в коридор под прицелом пистолета, все разом замолчали и усталились на нас. Даже прибывшие на помощь Кира и Зет пребывали в растерянности от происходящего. Не знаю, что повлияло на этих грозных Стражей и бесстрашных воителей, которых годами учили самоконтролю, быть сильнее и умнее врага, находить тактики в суматохе боя и в общей творящейся неразберихе, но сейчас они выглядели кучкой озадаченных простаков, что столпились рядом с дверью с оружием наперевес, перекрывая собой коридор. Возможно, та внезапность, с которой Сол освободился от наручников, моментально перебрало незримые оковы на самих Стражей. То ли годами вымуштрованный до автоматизма мозг совсем потерялся, когда что-то пошло не так, а Кукольник, смеясь, пренебрёг всеми законами Системы и достал пистолет из воздуха, не использовав для этого Консоль. А может, его имя повергло их в шок? Я не знал. Сейчас я мог думать только о том, что случится через минуту. Как долго остатки человечности ещё будут теплиться в их прагматичных сердцах, сколько глотков воздуха мне ещё позволят сделать прежде, чем сознание Стража отдаст приказ исполнить свой долг, защитить Систему от таких, как Сол... и таких, как я. Кукольник был в чём-то прав, я прекрасно знал своих сослуживцев, да и, что там скрывать, я прекрасно знал самого себя. Наш долг перед Системой и перед людьми, что ждут от нас чудес, куда важнее жизни любого из нас и каждого в этой башне. Проходя школу Стражей, мы рождаемся заново, имея перед собой одну только цель – положить свою жизнь во имя счастья миллионов, и это большая честь погибнуть за эту мечту. Я понимал это и готов принять свою судьбу... но только не так.

Когда-то давно, когда я был ещё другим человеком и в моих глазах горел юношеский огонь великих свершений, я много думал о том, каким образом я обрету покой, как смерть заберёт меня. Я представлял себе величественные картины своего героического будущего, где я с оружием в руках врываюсь в орды врагов и зубами вгрызаюсь в их отступнические горла, как тёплая кровь моих противников омывает мою ненасытную удаль. И тогда, в эти далёкие наивные годы, я не видел ничего плохого в том, чтобы умереть, мне даже хватало ума мечтать о том, как поскорее приблизить момент моего триумфа. Возможно, даже сейчас во мне ещё осталось то желание и смирение перед собственной мечтой, но в данный момент поруганный и осквернённый ужасной клеветой своих собратьев, стоящий под дулом пистолета главного врага Системы и смотрящий в глаза друзей, полные непонимания, я уже не готов встретить смерть. Только не так, только не сейчас. Надеюсь, Харви или Рон в общем замешательстве не найдут в себе силы сразу открыть огонь, как только Сол покажется из прохода следом за мной. Но вы только посмотрите на них! Почему никто не догадался занять позиции с обеих сторон от двери, ведущей в комнату для допроса, чтобы Кукольнику негде было спрятаться? Но нет же, они все столпились с одной стороны, будто желая мне смерти, мечтая растерзать наши тела огнём из множества орудий. Похоже, Сол тоже был немало удивлён такой растерянностью Стражей. Он выглянул из двери и мигом проскочил ко мне за спину, прикрываясь от взглядов собственных палачей и одного Хранителя. Всё это время Кукольник держал меня на прицеле и теперь изредка тыкал сталью в мою спину, напоминая обо всей серьёзности своих намерений.

– Сол давно мёртв, Отступник, – внезапно громко отчеканил в нашу сторону Хранитель. – Не прикрывайся его именем, тебе нас не запугать. Как тебя зовут на самом деле?

Я уже затылком ощущал натянутую улыбку Кукольника и его насмешливое придыхание при разговоре.

– Послушай, Белоснежка, – злобно ответил Сол. – Мне абсолютно по барабану, веришь ты мне или нет, зато я знаю, кто поверит. Так что передай своему принцу на вершине башни, что Сол вернулся и теперь у него есть армия! Эта цитадель падёт!

Тот момент настал, которого я ждал уже целую вечность, пока шёл из комнаты в центральный коридор. Палачи оправились от охватившего их ступора и заметно содрогнулись от громких слов Сола. Я видел, как вздымаются ввысь их руки, крепко сжимающие орудия казни, видел их ястребиные взгляды, хищно направленные на нас, и в них не осталось больше ничего человеческого, ничего живого и светлого. В их глазах погасли последние лучики ушедшей Мечты, там читались только смерть и механическое выполнение рутины на покрасневшем и пропитанном кровью эшафоте наших жизней. Именно это хотел показать мне Кукольник, чтобы я смог проникнуться этим страхом, что сам вселял в сердца людей.

За краткий миг перед моментом выстрела, когда в нашу сторону устремится с десяток персональных смертей, я почувствовал горячее дыхание Сола у себя за спиной.

– Найди Марию, – отчётливо прошептал он позади меня.

Но прежде чем я успел опомниться, Сол рванул в сторону из-за моей спины, уводя внимание Стражей на себя, и устремился к противоположной стене коридора. Два быстрых шага, рывок прямо в стену – и вновь раздался громкий хлопок неизвестного взрывного устройства. Кусок стены перед Кукольником будто разворотило и вывернуло вовнутрь, ошметки от слабой перегородки этажа разлетелись в разные стороны, а в воздух поднялась удушливая непроглядная взвесь. Я находился ближе всего к эпицентру взрыва, и меня откинуло в противоположную сторону, прибило к стене и обдало этим облаком из пыли. В последний момент я успел заметить, как Сол, словно не замечая устроенного им взрыва, нырнул в образовавшийся проём в стене и устремился вглубь здания. Сквозь пыльную завесу раздалась выстрелы и отчаянная ругань моих бывших коллег, пули пролетали мимо меня, находя своё последнее пристанище где-то дальше по коридору.

– Прекратить огонь! – раздался крик Хранителя и сдавленный кашель. – Стил? Стил?!

– Я здесь, – немного опасаясь своих недавних соратников, ответил я и сполз по стене, усаживаясь на пол.

И тут раздался новый взрыв, уже где-то в глубине этого этажа. Похоже, Сол продолжал своё бегство, буквально пробивая себе путь непонятным взрывчатым веществом, природа которого оставалось неизвестной.

Я закашлялся от удушливой и надоедливой взвеси, повсеместно парившей в воздухе и постепенно оседающей на пол. При каждом вздохе частицы, недавно служившие частью стены, попадали в лёгкие, оставались во рту и носу, изрядно затрудняя дыхание. Но не успел я опомниться, как рядом со мной из толщи рукотворной пылевой бури показалась фигура Хранителя. Завидев меня, сидящего на полу и с запрокинутой на стену головой, он моментально подскокил ко мне.

– Стил, ты живой? – встревоженно спросил Вергилий.

Но я лишь безразлично повернул к нему голову, пытаюсь успокоить звон в ушах.

Вергилий хотел сказать что-то ещё, но ему помешал чип в запястье, он завибрировал, откликаясь на чей-то зов. Хранитель провёл двумя пальцами по воздуху, открывая окно Консоли, и из оранжевого сияния рядом со мной зазвучал испуганный женский голос.

– Господин Хранитель, вы слышали? Вы... Взрыв в башне? Где-то бабахнуло! – верещала Марина с первого этажа.

Но в этот момент раздался ещё один взрыв, уже где-то в другом конце нашего этажа, он был глухой и раскатистый, я даже почувствовал, как подо мной слабо завибрировал бетонный пол.

– Ой, опять! – пищала Марина через консольную связь.

– Марина, не сейчас, не до вас, – грубо отрезал Хранитель. – Хотя объявите тревогу, никому не покидать своих кабинетов, центральный вход перекрыть, никого не выпускать, при попытке прорваться стрелять на...

– Что перекрыть, куда стрелять, на дворе ночь, никого, кроме вас, в башне нет, – причитала Марина, перебивая Вергилия и постепенно переходя в лёгкую истерику.

Величественная башня Стражей – поистине грандиозный памятник человеческой устремлённости. Она служила обителью для всех, кто двигал человечество вперёд, свет в ночи, призванный указывать путникам дорогу в обход множества смертоносных ловушек и бездонных ям. Башня Стражей воплотила всё великое, что есть в нашей Системе. Это непревзойдённый ум, труд сотен Техников, которые поддерживают жизнь и работоспособность каждой клеточки наших новых тел, иной Вселенной. Они волшебники, кудесники, кузнецы нашего общего счастья, ткачи мира, что плетут свои затейливые узоры этой нарисованной реальности, что мы выдумали сами. Благодаря им башня считалась неприступной и непоколебимой на протяжении веков. Сюда могли попасть только Стражи или сами Техники, где любой шаг будет отмечен, каждая дверь проверит вашу личность и уровень допуска. Поэтому ночью в здании почти никого не оставалось, но оно всё равно считалось настоящей крепостью, которую невозможно покорить, и не только благодаря уму наших Техников. Башня содержала ещё одну опору Системы, великую силу Стражей, её незримых защитников, умелых бойцов и отважных героев. Днём здесь собиралась целая армия, готовая встать неприступной стеной на пути любых злодеев, решивших посягнуть на нашу великую цель. Пусть эти юноши и не были могучими рыцарями в сверкающих доспехах, пускай всё их существование посвящено скучной рутине, но в час общей угрозы они сплотятся в единую силу, верную своим идеалам, и отдадут свои жизни во имя главной Мечты. А ночью постоянную вахту несла личная гвардия Верховного Стража, его лучшие воины, элита, каждый из которых стоит сотни бойцов. Но, несмотря на это, расчёт Кукольника оказался идеальным, его план сработал. Словно Троянский конь, он сдался Стражам под покровом ночи. Он прекрасно знал, что его оставят в живых, что сразу отведут туда, куда он так жаждал попасть, в самое сердце нашей башни, минуя всю защиту и

множественные редуты, ставшие бесполезной мишурой перед простым замыслом Кукольника. Он выбрал время, когда в здании не останется Стражей, а Хранители будут настолько деморализованы внезапным и таким наглым вторжением, что не покинут своего поста у обители Верховного Стража, надеясь защитить своего господина. Тогда Сол останется один на один со своей желанной добычей. Осталось только понять, что ему нужно?

Тем временем пыль значительно осела, открывая перед нами вид раскученной стены и длинного канала, только что пробурённого убегающим Кукольником сквозь всё здание и преграды. Вергилий схватил меня за руку и с силой поставил на ноги.

– Кира, Зет, – обратился он к другим Стражам, недавно вышедшим из оцепенения. – Быстро на первый этаж к главному входу. Когда-нибудь ему захочется покинуть здание, а выход только один.

– Чего мы стоим?! – грозно возмутился Харви. – За ним!

С этими словами Харви хотел рвануть в дыру в стене и начать преследовать Кукольника, но Вергилий схватил его за рукав.

– Стоять! – скомандовал Хранитель. – Очевидно, что всё это он спланировал заранее, ему что-то нужно. Будем умнее, предупредим его действия. «Харон», направляйтесь к комнате выброса из Системы, возможно, это его цель, а я немедленно отправлюсь к Верховному Стражу и прикрою его на случай опасности.

– Зачем? Там и так два Хранителя!

Харви совсем обезумел от негодования. Переполненный бесстрашием он накричал на Вергилия, от чего тот немного растерялся, явно не ожидая подобной наглости.

– Это моя главная обязанность! – резко возразил Вергилий.

– Твоя главная обязанность – защищать Систему! – прошипел в ответ Харви.

Все замерли, внимательно наблюдая за натянутыми струнами отношений между командиром и его прямым подчинённым, перешедшим все допустимые границы. Не знаю, что нашло на Харви в тот момент. Возможно, горькая досада от утеряннного заключённого, который посмел обдурить такого великого Стража. А может, он злился на Вергилия за то, что тот ненароком защищал меня, прикрывал от их гнева, от их метущихся в бессильной злобе душ. Второе мне казалось наиболее вероятным.

Вдалеке раздался новый гул взрыва, и частички разрушенной стены мелко завибрировали на полу, выбивая похоронный такт для нашей башни.

– Пока вы тут спорите, главный Отступник Системы уйдёт, – процедил сквозь зубы Рон, оттягивая другой рукав куртки Харви в противоположную сторону.

– Я отдал приказ, Страж, – угрожающе ответил Вергилий зазнавшемуся Харви, медленно кладя руку на рукоять меча, прикрепленную к поясу. – Если Отступник доберётся до комнаты выброса, вы будете отключены. Вам всё ясно? Тогда чего ждём? Выполняйте приказ, быстро!

Мой меч, подаренный когда-то Вергилием, служивший мне верой и правдой и спасший мне жизнь не один раз, вновь вернулся к своему бывшему хозяину и теперь угрожает отнять эту жизнь. «Даже оружие не терпит предательства, – так однажды сказал мне Наставник. – Рано или поздно, но каждая нарушенная клятва вернётся обратно в порочное сердце и оружие, служившее делу предательства, станет первой дланью правосудия».

После грозных слов Хранителя Кира и Зет, недолго раздумывая, резво кинулись по направлению к лифту. Даже Харви, бросив последний ненавистный взгляд в нашу сторону, повернулся и пошёл вслед за ними, увлекаемый от греха подальше своим напарником Роном.

– А ты, Стил... – поворачиваясь ко мне, осторожно произнёс Вергилий.

Для многих должно быть удивительно видеть такую картину, когда бравые Стражи, неведающие страха, вместо того, чтобы броситься в погоню за своим противником, который методично и совершенно безнаказанно разносит нашу башню, стоят в нерешительности и ничего не могут сделать. Для многих, но не для меня. Весь наш мир соткан из правил и норм, из

привычных картинок обыденной жизни. Мы бездумно листаем их по старой привычке, просматриваем свои жизни, как старое кино, вяло и без интереса. Мы всегда знаем, кто герой, а кто злодей, что нас ждёт за каждым поворотом сюжета и какой разговор последует через минуту. Всё наше существование настолько безобразно в своей очевидности, что мы абсолютно не готовы к неожиданностям. Особенно здесь, в Системе, где все привыкли следовать чётким правилам, где каждое действие прописано в коде, в высших законах нашего общества, которые невозможно нарушить. Так мы думали до недавнего времени. Я прекрасно понимал их состояние и не винил в этих глупых, совершенно детских поступках. Мы действительно всего лишь дети, которые теряются, попадая в новый мир с другими правилами, мы не готовы встречать рассвет в неизведанном и незнакомом месте. Нам хочется убежать назад, скрыться там, где всё так ясно и знакомо. Совсем недавно, в доме Анри и Вивьен, я всецело ощутил, что значит потеряться среди непонятных обстоятельств, на время забыть себя и потерять себя. Что значат Стражи в нашем мире, если стоит только выключить свет, и они превращаются в слепых безобидных котят, неспособных на простые действия? Но, в отличие от них, меня уже не так просто выбить из колеи, я был знаком с неизвестным. И пока они спорили, что делать дальше, меня всё больше опутывали последние слова Кукольника, мёртвой хваткой вгрызаясь в мой разум. Мария... кто такая Мария? Казалось, я уже забыл об обещании, однажды данном самому себе. «Найди Марию». Ну почему всегда так сложно, почему никто не может дать прямых ответов? Я ощущал, что непременно должен разгадать эту загадку, что за ней кроется что-то необычайно важное как для меня самого, так и для всей Системы. Это мой последний шанс, я не должен его упустить.

Я поднял свой отрешённый взгляд на Хранителя.

– Я должен его остановить, – тихо, но уверенно продекламировал я.

– Что? Стил, нет!

Но мой разум уже поглотил хаос, я должен был задать Солу всего один вопрос, последний и единственный. Я рванул следом за ним через дыру в стене, вложил все оставшиеся силы и не обращал внимания на злые, но растерянные крики Вергилия где-то позади. Его голос отдалялся, таял, сливался с неясным шумом в ушах. Я мчался через все помещения этого этажа, неумолимо преследуя Кукольника дорогой разрушения, что оставил он за собой, пролетев сквозь здание как ураган. Я пронёсся мимо разных служебных помещений, заброшенных комнат и лачуг, сквозь большой зал с отброшенными в стороны столами, размолотыми в труху и разбросанными осколками дерева по всему полу. В воздухе висела всё та же плотная завеса из бетонной пыли, запаха старой мебели и невыносимого груза забвения. Эти помещения редко использовали по прямому назначению, да и сам этаж казался давно покинутым, оставленным на потеху времени. Но сейчас невероятно глупое устремление застлало мои глаза не хуже бетонной пыли, и я мчался вслед за сбежавшим Отступником, возможно самым сильным и опасным за всю историю существования Системы.

Кто-то скажет, что это чистое безумие, бессмысленный акт отваги или вовсе самонадеянной глупости и, возможно, окажется прав. Я прекрасно видел, на что способен этот Отступник, чувствовал его силу. Одним касанием руки он разрушал стены, проделывая в них огромные дыры, пронёсся по зданию, словно табун лошадей, размалывая всё на своём пути. Я видел, как он создал себе пистолет без использования Консоли, он мог уничтожить меня одним пальцем, расщепить на информационные атомы и развеять по всей башне Стражей. Да кто он такой? Система будто подчиняется его воле, склоняется под натиском необузданной силы. Я не ведал ответов, но водоворот последних событий вел меня вперёд, я бежал сквозь оставленные обломки стен, спотыкался и едва не падал, но продолжал преследовать могучую цель. Наконец, я пронёсся через последнюю дыру в стене и оказался на лестничной клетке, в одном из углов башни. Я так привык пользоваться лифтом, что и забыл о её существовании. Лестницы в этом здании были скорее данью реальности, чем важной необходимостью, поэтому проходы к

ним всегда надёжно запирались и могли быть открыты только высшим техническим персоналом или Стражами выше третьего уровня. Вероятно, их создавали с целью дублировать функции лифта, на случай каких-либо поломок или срочной эвакуации, но на моей памяти никогда такого не случилось. К тому же трудно представить, что в здании, полном Техниками, настоящими механиками целого города, могло произойти нечто подобное. Но Сол не мог воспользоваться лифтом, и поэтому его первой целью стала необходимость добраться до лестничного пролёта и умчаться по нему... но куда?

Я посмотрел вниз, на уходящий далеко в темноту спуск, а затем вверх. В этот момент под моими ногами снова задрожал пол, и до меня донёсся глухой звук очередной взорванной стены, где-то намного выше моего положения. Ну конечно! Очевидно, что план Кукольника гораздо сложнее обычного демонстративного побега из главного обиталища Стражей. Он преследовал иную цель и сейчас направлялся именно к ней, а все важные узлы нашей башни располагались как раз на верхних этажах. Я рванул по ступенькам вверх, спотыкаясь и кашляя от удушливого осадка пыли, скопившегося в моих лёгких. С невероятным усилием я преодолел десяток этажей, пока не оказался у очередной пробитой стены на тридцать пятом этаже. Я торопился, как мог, и отчётливо понимал, что стоит Стражам первыми добраться до Сола, и я больше ничего не смогу узнать, а я не мог этого допустить. Только мне начало казаться, что все ответы были у меня в руках, я вновь ощутил, как они стали просачиваться сквозь пальцы и таять в пустоте. Преодолевая усталость и боль, я мчался вперёд, несмотря ни на что.

Тяжело дыша и задыхаясь, я ввалился в новообразованный проход в нашей башне. После взрыва около допросной, удушливой погони и десятиэтажного марафона по крутым ступеням сил почти не оставалось, ноги неприятно гудели и просились на любимый диван. Я прошёл через коридор и тёмную комнату, где всё ещё клубилось облако пыли, возвещая о том, что Отступник был здесь совсем недавно, а затем вошёл в последний разлом в стене, где дорога разрушений внезапно оборвалась. Я не знал, что это за этаж и для чего он предназначен, поэтому слабо представлял, что меня могло ждать за каждым поворотом. Я очутился в широком прямом и длинном коридоре, который тянулся через весь этаж и упирался в стеклянные стены самой башни. Здесь было темно и душно, а может, это пылало моё тело от невероятной концентрации физических усилий, нетерпения, злости и негодования. В дальнем конце этого коридора я заметил знакомую фигуру в плаще, человек стоял ко мне спиной и разглядывал город за окном, утопающий в лавинообразных потоках ливня, буйстве ярких всполохов и радостях ночной жизни. Вдруг после череды громких взрывов, криков и переживаний в башне наступила долгожданная тишина. Здесь были только я, Сол, длинный коридор, темнота, шелест дождя за окном и редкие всполохи молний, освещавшие нас и нарушавшие это забвение. Он ждал меня, безусловно, только меня одного. Это опять его чёртова игра! Я сделал несколько шагов ему навстречу и чуть не зашлёлся кашлем.

– Ты посмотри на них, – тихо сказал Сол, не оборачиваясь, а затем положил ладонь на стеклянную стену перед собой. – Такие маленькие и такие беззаботные создания. Все их жизни не имеют смысла, они пусты и безнадежны. Огни, огни, праздник, веселье... Страдания – это лишь продолжение жизни, а может, её неотъемлемая часть?

Он обернулся ко мне и рассмотрел приближающийся из темноты силуэт. В руках Кукольника уже не было оружия, а движения стали расслабленными.

– А что будет, если завтра рухнет весь мир? А, Стил? – риторически спросил Сол. – Я уверен, они этого даже не заметят!

Кукольник снова отвернулся к окну и посмотрел вниз, на маленькие серпантинные дорог, уходящих вдаль от башни Стражей.

– Ты ошибся насчёт меня, Сол! Или как там тебя звать? – грозно сказал я, подходя всё ближе. – Тебе больше некуда бежать, не двигайся, скоро здесь будут Стражи.

– Ошибся? Почему? – спокойно спросил Сол, поворачиваясь ко мне.

Одновременно с этим новый разряд молнии пробежал по жестокому небу, освещая ставшую такой привычной грустную улыбку Кукольника.

– Все эти глупые игры не для меня! – ответил я и остановился в паре метров от Кукольника. – Я вижу тебя насквозь, знаю, что ты пытаешься настроить меня против своих же товарищей. Ты не заставишь меня предать службу Стражей, предать всех, кем я дорожу. Что бы ты о себе ни возмнил, ты не заставишь меня плясать под свою дудку! Слышишь?!

– Но ты уже здесь, ты пришёл, – с улыбкой ответил Сол. – Можешь сколько угодно обманывать себя, Стил, но ты уже не сможешь остановиться. Тот, кто хоть раз ступил на путь знаний, уже никогда не свернёт с этой дороги.

– Что ты несёшь, каких знаний? – возмутился я. – Всё кончено, Сол, ты не добился того, чего хотел, не достиг своей цели. Не сопротивляйся, для тебя же будет лучше.

Сол снова печально улыбнулся и покачал головой.

– Наивный, глупый мальчишка. Я уже добился всего, чего хотел.

– Но подожди, ты же... почему?

Я остановился на полуслове, услышав позади себя шум в разрушенном проходе, ведущему к лестничному пролёту, а потом до меня донёсся грозный окрик Вергилия.

– Стил! Отойди от него, немедленно! – Вергилий вышел из дыры в стене, держа наизготовку мой бывший меч.

Он не знал, как относиться к происходящему, и видел, что у Кукольника больше нет пистолета, поэтому осторожно продвигался в нашу сторону и медлил с принятием решения. И тут я опомнился.

– Кто такая Мария? Сол, кто она? – внезапно спросил я как можно тише.

Всё время, пока я преследовал Кукольника, на моём языке вертелся один и тот же вопрос, ради которого я бросился в пасть к этому льву, но, оказавшись с ним лицом к лицу, я, как всегда, растерялся. Моё замешательство грозило вновь упустить единственную возможность узнать... правду? Боже мой, что он со мной сделал? Ведь он был прав, я следую за ним словно кукла, ведомый только одним желанием – узнать что-то, найти ответы. Постоянные поиски решений на нескончаемые загадки – это и есть его тонкие, незримые ниточки, за которые он дёргает, направляя меня. Но почему даже сейчас, понимая это, я продолжаю настырно следовать за ним по пути вопросов и ответов? Неужели именно в этом теперь заключается моя жизнь – в вечных поисках?

Сол раздражающе молчал, искушая своей надменной улыбкой, чем злил ещё сильнее. Он сделал шаг назад, ближе к стеклянной стене башни.

– Стой, где стоишь, мерзавец! – крикнул Вергилий. – Ещё шаг, и... Стил, я велел тебе отойти от него! Сейчас же!

– Сол, прошу, – настойчиво повторил я. – Кто такая Мария, и почему я должен её найти?

– Ответы ближе, чем ты думаешь. Они всегда были прямо под твоим носом, – тихо сказал Сол и посмотрел на закрытую дверь справа от себя, а потом снова улыбнулся и кивнул мне: – Ещё увидимся, Стил, ещё увидимся...

Сол сделал шаг ко мне навстречу, чем спровоцировал Вергилия, и тот, шаркнув ногой позади меня, бросился в нашу сторону, одновременно делая замах мечом. Но Сол напряг все мышцы, в последний раз посмотрел мне прямо в глаза и рванул в стеклянную стену, выставив вперёд руки.

Я отчаянно закричал и хотел схватить его за плечо, но было уже поздно.

Раздался звонкий взрыв передо мной, и Кукольник, окружённый облаком блестящих осколков, вылетел наружу и быстро устремился к земле. Тридцать пять этажей полёта, несколько секунд страха – и человек займёт место в вечности, не дождавшись нашей Мечты. Так будет с каждым, будь то пекарь из местного ресторана или продавец обувного магазина, или даже Страж самого высокого уровня. Все мы люди, и все подчиняемся единым законам,

единому порядку вещей, который выше каждого из нас. Но только не Сол. Существо, способное создавать оружие по своему желанию, разрушать стены одним прикосновением ладони, оказалось выше простых банальностей человеческого мира. Тёмная фигура Кукольника пролетела тридцать пять этажей и рухнула на землю с таким грохотом, будто под ним взорвалась мощная бомба, а затем с не меньшей прытью выскочила из облака поднятой пыли и устремилась в темноту. Наверное, впору начать удивляться, не верить своим глазам или вовсе пойти жаловаться Технику на сбой в работе мозга, но только не мне и уже не сейчас. Мы стояли с Вергилием у разбитого окна и смотрели сквозь непроглядный ливень на то, как неизвестное существо, именующее себя Сол, умчалось прочь в нарушении всяких законов физики.

В наше с Вергилием задумчивое молчание, отягощённое пустыми взглядами в темноту, где скрылся самый опасный Отступник Системы, ворвался сигнал с чипа Хранителя. Он слабо, но настойчиво жужжал, привлекая внимание своего хозяина. Высший Страж безразлично провёл двумя пальцами перед собой, воздух слабо колыхнулся, сверкнул оранжевым сиянием, очерчивая квадрат, и выплюнул в мир окно Консоли. Шум стихии за окном прервал испуганный голос Киры, который внезапно ворвался к нам из возникшего свечения.

– Господин Хранитель, что случилось? Похоже, на улице что-то взорвалось, разрешите покинуть центральный вход, чтобы проверить?

– Это Отступник, он... он прыгнул с восточной стороны башни, – неуверенно ответил Хранитель, выходя наконец из ступора и выключая свой меч.

– В смысле «прыгнул»? – растерялась Кира.

– Спрыгнул с тридцать пятого этажа и ушёл... убежал.

На той стороне двухсторонней связи возникло аналогичное замешательство, Кира некоторое время не находила, что ответить.

– Нам преследователь Отступника? – смущённо спросила она.

– Я думаю, это бессмысленно, – обречённо выдохнул Вергилий. – Стойте пока на месте, я позже с вами свяжусь.

Вергилий в первый раз столкнулся с чем-то подобным, необъяснимым и жутким и явно пребывал в сильном недоумении. Наверное, впервые в жизни он так растерялся, потерял веру во всё, что знал, и никак не мог собраться с мыслями, понять, что делать дальше. Он метался глазами по темноте коридора, о чём-то размышлял, прикидывал, пытался понять и осмыслить всё, что сейчас произошло. Но в эту минуту он уже не был похож на решительного и сильного Хранителя, скорее на потерянного ребёнка, обременённого великой властью и ответственностью.

Пока он размышлял, из разрушенной стены к нам вышел Харви и тут же устремился в нашу сторону.

– Где он? Где Отступник? – взревел он, быстро подходя к нам.

– Почему ты не на посту? Я же велел идти к комнате выброса из Системы! – встрепенулся Вергилий и грозно парировал его выпад.

– Где он?! – ещё громче и требовательнее повторил Харви, который уже был на пределе.

– Он скрылся, выпрыгнул в окно, а я повторяю свой вопрос. Страж, почему вы нарушили прямой приказ?! Возвращайтесь на пост и ждите дальнейших указаний. – Хранитель перешёл на официальный, менторский тон, всем своим видом пытаясь внушить страх пренебрегающему субординацией Палачу.

– Что-о?! – с вызовом протянул Харви.

А Хранитель в это время повернулся ко мне и бросил строгий взгляд.

– Стил, немедленно покинь башню, ты больше не Страж, и тебе тут не место. С тобой мы ещё поговорим позже.

– Это всё ты! – зло процедил Харви, указывая на меня пальцем. – Ты это сделал, маленький гадёныш, ты позволил ему уйти! Я уверен, что именно ты протащил оружие и взрывчатку к

нему в допросную. Я всегда знал, что рано или поздно ты нас предашь, воткнёшь нож в спину, но меня никто не слушал.

Харви сжал кулаки и хотел даже угрожающе направиться ко мне, как путь ему преградил Хранитель, который вновь взялся за рукоять меча.

– Хватит нести чушь! Какое ещё оружие, какая взрывчатка, он всё время был у меня в кабинете, досмотрен и лишён всех привилегий, – прошипел ему в лицо Вергилий.

– Так, может, вы заодно?! – со злостью воскликнул Харви, скидывая руки, и никак не мог успокоиться.

– Я сказал, пошёл вон, Страж, возвращайся на пост! – прикрикнул на него Вергилий, угрожающе снимая с пояса эфес меча и чуть отводя руку в сторону, а затем снова бросил на меня быстрый взгляд.

– Тебе тоже что-то неясно, Стил? Вали домой и не высовывайся, пока не скажут!

Вергилий защищал меня, изо всех сил стараясь сохранить нейтралитет, по крайней мере, в глазах Харви, который окончательно поддался волне эмоций, и она уносила его всё дальше на запретную территорию, откуда уже не возвращаются. Я решил послушать совета Хранителя и не испытывать больше судьбу. Я прошёл мимо них по коридору под испепеляющим взглядом Харви и явственно ощущал в напряжённой атмосфере его страстное желание сжать руки вокруг моей шеи. Но прежде чем уйти, я бросил мимолётный взгляд на дверь, на которую так явно указывал Сол и куда всё это время вела его дорога от самого склада. На двери красовалась широкая табличка с надписью «Центральная Консоль Системы». Сол снова оказался прав: ответы на все вопросы всегда были прямо под моим носом.

* * *

Когда-то давным-давно, когда мир ещё не был похоронен под пеплом человеческой жестокости, когда не было войн и люди по глупости не разделялись на враждующие стороны, ведомые жадностью единиц, тогда все жили в единой общине. Там не было корысти, лицемерия и фальши, все жили и трудились сообща, помогая слабым и поддерживая отстающих, они вместе шли к общей мечте, где каждый отдельный человек ничего не значит без остальных. Худшим наказанием за проступок в те времена становилось изгнание из общины, когда виновник шёл сквозь строй своей бывшей семьи, под их пристальными и осуждающими взглядами, которые выжигали его изнутри ещё до того, как он успеет переступить порог своей деревни. Эта была дорога в один конец, верная погибель от голода, холода и одиночества, это медленное затухание искорки жизни, что однажды прервёт дикий зверь или сам изгнанник. Тогда человек ещё не до конца понимал, но уже интуитивно чувствовал, что без общества он никто. Оно взрастило его, воспитало, научило всему, что он знает и умеет, он обязан жизнью всем людям, перед кем провинился. Он часть этого общества, его продолжение и будущее, и вся его жизнь посвящена служению ему, ибо забота о своём роде, племени и семье есть забота о самом себе и будущем всех остальных. Это составляет основу его жизни, её течение; но стоит изгнать его из общего потока, оторвать от единственной цели, ради которой он жил, и человек зачахнет в страшных муках, что станет страшнее любой физической боли.

Я чувствовал это, когда покидал башню Стражей, ощущал разрастающуюся внутри себя пропасть, чёрную дыру, разверзнувшуюся в самом сердце. Если остановиться хотя бы на миг и задуматься о своём положении, о том, что я наделал, или о своём будущем, как это сделал Икаров, то следующим в петле могу оказаться я сам. Икаров... о боже, во всей этой кутерьме я уже успел забыть о своём старом друге, выбравшем для себя ужасный путь избавиться от боли утраты, от ощущения собственной бесполезности. Сколько времени прошло? Ведь это было сегодня? Кажется, прошла уже целая вечность, подумать только, а ведь этим вечером я стоял в его квартире и смотрел на этот памятник слабому духу. Столько всего случилось за

эти несколько часов: встреча с Кукольником, допрос, череда его сумасшедших слов и странных событий, побег... Так давно всё это было, как же я устал. Спустил какое-то время, когда адреналин в крови начал постепенно спадать, я почувствовал себя по-настоящему несчастным. Меня терзал голод, я уже и забыл, когда ел в последний раз, а ещё ужасно тянуло спать. Даже не знаю, чего мне хотелось больше: упасть лицом в подушку и забыться на недельку-другую от всего этого кошмара или набить молящий о милости желудок всякой гадостью из старых запасов в холодильнике. Но самое страшное было то, что вместе с отнятыми привилегиями Стража я потерял возможность пользоваться всеми дверями и услугами нашей... их башни. Лифты и даже двери теперь отказывались подчиняться моим командам. Вергилий, увлечённый перепалкой с зарвавшимся Стражем, вероятно, забыл, что я не мог покинуть башню без посторонней помощи. И когда я вернулся к лестнице, взглянул вниз на тридцать пять этажей в зияющую темноту, то подумал, что сигануть в окно следом за Отступником – не такая уж и плохая идея, одновременно покончить со всем этим сумасбродством раз и навсегда. Как же я от всего устал.

К счастью, вернувшись обратным путём через разрушенный тоннель, оставленный Кукольником, я наткнулся на группу Техников, внимательно изучающих последствия взрыва в камере допроса и первую, пробитую в стене дыру. Они помогли мне вызвать лифт и спуститься на первый этаж. К моему великому удовольствию, ни Марины, ни Киры там уже не оказалось. Почему-то меньше всего мне сейчас хотелось встречаться именно с ними. Марине, скорее всего, повелели найти себе укрытие, или вовсе выставили её за дверь после начала всех этих крысиных бегов, а Кира, наверняка пренебрегая приказом, пошла исследовать место, куда спрыгнул Сол, и оставила Зета одного дежурить у двери. Да, это вполне на неё похоже. Сам Зет не выказал ко мне никакого интереса. Он, по обычаю, молчал, смотрел куда-то в темноту и, насупившись, тяжело дышал в свою бороду, и, только когда я подошёл к выходу, он сделал шаг в сторону, выпуская меня наружу.

Оставшись без прав, друзей, прежней жизни и даже транспорта, на чём можно было доехать до дома, я вызвал себе такси. Пока ждал, хорошенько промокнул под сильным дождём, от которого не спасала даже хваленая водонепроницаемая куртка, а капли всё время норовили залезть в любое оставленное для них место. Когда я, наконец, залез в подъехавший легковой автомобиль и назвал адрес своего дома, моментально отключился на заднем сидении.

Но главный сюрприз этой ночи ещё поджидал меня впереди, а череда несчастий продолжала терзать моё и так измученное тело. Когда я вытолкнул свою отяжелевшую от усталости и невзгод тушу из машины, а затем с трудом поднял себя на четвёртый и этаж и с предвкушением скорой мягкой перины моего дивана провёл двумя пальцами по пластине рядом с дверью, то удар судьбы последовал незамедлительно. И, конечно же, мало мне быть всеми покинутым, с вырванным из груди сердцем Стража, так ещё только сейчас я вспомнил, что эту квартиру самолично выбрал, когда начал свою службу обществу. Она носила статус служебной и подчинялась только чипу Палачей. В копилку общих несчастий сегодня ночью я стал бездомным. Невероятное отчаяние сковало мои мысли с новой силой. Я всегда был готов вынести любые передрыги, но сейчас переступил некий внутренний предел, за которым кончается человек по имени Стил и начинается кто-то другой, кто не хочет так жить, не может больше терпеть этот мир и людей вокруг, кто готов стать пылью и развеяться над землёй. В бессильной злобе я ударил кулаком по двери, потом прислонился к ней спиной и уселся на пол. Впервые в жизни именно в этот момент мне захотелось как следует заплакать, стать кем-то иным, простым человеком, встать и уйти в завесу из дождя. Но я не такой, я не могу остановиться перед порогом чего-то важного и значимого в своей жизни, осталось сделать всего один шаг, протянуть руку и открыть последнюю дверь. Теперь только один человек сможет мне помочь, и он живёт не так далеко отсюда, нужно лишь сделать последнее усилие.

Макс жил на улице Свободы, находившейся в тридцати минутах ходьбы неспешным шагом. Я устал, меня невероятно тянуло ко сну, но я всё равно вышел из своего дома и пошёл пешком по мокрой дороге под монотонный и раздражающий шум надоедливой ливни. Времени прошло достаточно много, и ночь постепенно катилась к своему завершению. Уже совсем скоро за чёрной завесой облаков зардеет новая заря и осветит промозглые улицы серым светом нового дня. Но я всё равно не стал вызывать такси, мне хотелось ощутить на себе холодные потоки дождя, как его карающие хлёсткие удары бьют по голове и льются за шиворот, обжигая льдом моё горячее сердце. Сейчас мне очень хотелось пожалеть себя, почувствовать себя несчастным, чтобы весь мир увидел дыру в моей душе и чтобы всех людей засосало в бездну моего отчаяния. Я знал, что всем вокруг безразличен, как и мои проблемы, что никто не узнает, что случилось, и никто не обратит внимания на одинокого мужчину, бредущего под дождём куда-то вдаль. Но иногда этого достаточно, чтобы погрузиться наедине с самим собой.

Погружаясь всё глубже в волны отчаяния, я не заметил, как быстро подошёл к невысокому серому зданию старой постройки, стоявшему здесь, по виду, с начала существования Системы. В нём было всего три этажа, но его квартиры славились необычайно высокими потолками, шириной души и щедрости строителей нового мира. Несмотря на общую ветхость, все те, у кого оставалось за душой чуть больше средств, чем на собственный прокорм, стремились занять себе скромное обиталище именно в таких домах. При должном ремонте и отделке такая квартира могла превратиться в настоящие королевские хоромы. Неприглядный снаружи, но красивый внутри... хм, в этом что-то было, будто девиз местных жителей, настоящий гимн простолюдинов. Когда-то давно мы достаточно тесно работали с взломщиком Максом, и я частенько заезжал за ним домой, чтобы отвезти в башню Стражей, поэтому путь к его дому я знал наизусть. Тем более в этом здании всего один подъезд, скромно ютившийся грязным пятном по самому центру, а квартира Макса располагалась на первом этаже, сразу же справа от входа. Когда-то он даже шутил, что такое расположение позволит ему в случае опасности быстро покинуть свой дом и скрыться в переулке. Тогда мы посмеялись, но в каждой шутке, как известно, всего лишь доля шутки, и теперь я его понимал. Сегодня ты всеобщий любимец, а завтра враг номер один.

На улице ночь давно перевалила через середину, и мне не очень хотелось будить Макса, но выбора не было. Меня совсем не прельщала перспектива остаться на улице и где-нибудь внезапно отключиться, упав лицом на тротуар. Я осторожно вошёл в подъезд, по старой привычке стараясь создавать как можно меньше шума, подошёл к нужной двери и огляделся. В подъезде было темно и тихо, лишь одинокая лампочка в углу площадки тихо потрескивала, покрытая толстым слоем пыли. Я понимал, что за квартирой взломщика, скорее всего, наблюдают, но что мне оставалось? Они сами лишили меня дома. Я собрался с духом и осторожно постучал в дверь, но никто не ответил. Может, Макса нет дома? Затем я постучал ещё сильнее, потом ещё и ещё.

Наконец с той стороны двери раздался сонный и немного охрипший голос:

– Стил? Это ты? Ты чего, совсем оборзел? Чего припёрся?

Дверь в квартиру была полностью металлической и без какого-либо глазка на ней, но Макс всё равно смог разглядеть меня. Это означало лишь одно – у него настроена интеграция входной двери с Консолью. В последнее время это стало популярным решением у большинства жителей, желающих обезопасить себя и своё жилище. В любое время они могли посмотреть, кто находится за дверью. Я слышал, что существовали решения даже для извращенцев особого рода, когда дверь могла становиться полностью прозрачной со стороны квартиры, что создавало иллюзию полного её отсутствия. Человек мог стоять в квартире, смотреть гостю в лицо всего в метре от него и корчить рожи. Чего только люди ни придумают...

– Макс, открой дверь, мне нужна твоя помощь!

– Что «Макс»?! Всегда Макс, как что – сразу Макс! Убирайся прочь, Стил, ты сказал, что мы квиты! Ты теперь и домой ко мне будешь приходить по ночам? Совсем сдурил?

– Мне правда нужна твоя помощь, – тихо сказал я, затем оперся рукой на дверь и уткнулся в неё лбом. – Мне больше некуда идти, открой дверь, прошу...

– Хватит придуриваться, Стил, ты сам можешь открыть эту дверь, прекращай разыгрывать этот спектакль.

– Не могу... я... я больше не Страж.

Я вновь осмотрел подъезд, чтобы убедиться, что никто не слышал моих слов. По ту сторону теперь уже непреодолимой преграды повисла растерянная тишина, и через минуту дверь немного приоткрылась, и в щель высунулось обескураженное лицо Макса, всё с теми же расчёсанными и причудливыми волосами красного цвета. Он схватил мою правую руку, грубо подтянул к себе и внимательно осмотрел моё запястье, где теперь отсутствовал привычный знак, так пугающий многих.

– Да ладно? Очуме-еть! – протянул Макс, затем нырнул обратно в квартиру, оставляя дверь открытой.

Квартира у него была большая, просторная, а ещё очень чистая и аккуратная. Когда я впервые оказался здесь давным-давно, то помню, как меня поразила его щепетильность во всём, небывалое внимание к деталям и стиль общей обстановки. Некоторые назвали бы его излишне педантичным и одержимым мелочами, но я старался избегать таких негативных оценок. Скорее это было некое стремление к порядку или здоровый перфекционизм, граничащий с гениальностью. У каждого предмета в комнате или объекта мебели имелось своё особое место и состояние души, любая вещь находилась именно там, где ей предписано быть самой Вселенной. По крайней мере, так говорил Макс, когда выстраивал стройные ряды своих хитроумных устройств на каждой полке, с соблюдением всех геометрических заповедей. Но, несмотря на это, во всей обстановке чувствовалась сладкая нотка спокойствия, утончённости, уверенности в себе и всеобщей гармонии. Сразу за входной дверью начинался огромный зал, утопающий в приятных кремовых тонах с опрятной отделкой стен, под ногами шуршал мягкий и тёплый пол, покрытый каким-то коротким ворсом, а над головой светила хрустальная люстра с закрученными формами и линиями под старину. Ближе к центру комнаты располагался большой кожаный диван, необычно повернутый поперёк помещения и несколько глубоких кресел. У левой стены можно заметить небольшой стеллаж со всякой непонятной всячиной, а рядом с ним рабочий стол Макса со встроенной домашней Консолью, где он проводил всё своё рабочее и свободное время. Также на столе лежало множество различных устройств и приспособлений, назначение которых мне сложно было понять. Этот скромный список вещей – почти всё, что находилось в просторном зале. Остальные многочисленные, но мелкие элементы интерьера, будь то декоративные искусственные растения или непонятная мазня на стенах, что, по недоразумению, Макс называл картинами или даже громким словом «творчество», всё это призвано скрывать общую пустоту помещения и наполнять его осмысленностью. Иногда у них это даже получалось.

Помню, как в свой первый визит я поразился увиденному, ведь от словосочетания «квартира взломщика» я ожидал увидеть нечто иное: что-то грязное, неухоженное, с остатками старого завтрака и терпким привкусом одиночества, а также с кучей непонятного хлама, заполняющего всё пространство. Да и неряшливый внешний вид Макса подпитывал эти иллюзии. Когда я рассказал ему об этом, то он надолго затаил на меня обиду и угостил порцией неприличных слов. Он был таким же странным, отрешённым от остального мира, как и его жилище. Всё это бунтарство, красные волосы, претенциозные интерьеры и общее чудачество – не более чем обычный эскапизм, попытка сбежать от опостылевшего мира, заявить о своём несогласии, идти наперекор нормам и обычаям. Такие, как он, стремятся скрыться внутри себя, спрятаться за эпатажной вывеской. Но что там, за ней? Такой же несчастный, как и все, обуреваемый бес-

конечным дождём, и кто не смог смириться с тем, что он видит вокруг. Много ли времени нужно, чтобы даже такой человек, как Макс, наконец, сломался и сдался перед лицом неизбежного? Надеюсь, что много.

В этой квартире было необычно всё: отделка, планировка, да и сам хозяин. Из центрального зала вело три двери. За одной располагался местный санузел, за другой – крохотная спальня Макса и за последней – кухня. Сейчас я стоял у входа и с нескрываемым желанием смотрел то на диван, то на дверь, ведущую на кухню, и не знал, куда двинуться в первую очередь. Макс при этом отошёл в центр комнаты и виновато переминался с ноги на ногу. На нём была надета только протёртая и выцветшая футболка и широкие трусы, в чём я его и вытащил из кровати.

– Я же тебе говорил, что эти твои делишки до добра не доведут? – ядовито усмехнулся Макс. – Завёл себе питомца, теперь расплачивайся. Ну? Зачем пришёл, говори давай!

– У тебя есть что поесть? Я голодный, как... – Я запнулся, ясно ощущая, что язык почти уже не ворочается.

– Чего?! – ошарашенно спросил Макс.

– Давай всё объясню утром, хорошо? Я... это, сделай что-нибудь поесть, а я пока прилягу, не могу больше. Хорошо? – спросил я, пребывая уже одной ногой в бреду.

Не дождавшись ответа, я прошёл мимо ошарашенного взломщика к его манящему дивану. Макс ошалело уставился на меня, не понимая, что происходит, и от растерянности начал приглаживать свои растрёпанные волосы. А я в это время дошёл до дивана и рухнул в его объятия.

– Что-нибудь, бутербродик там, например, – пробормотал я, закрывая глаза и моментально окунаясь в привычную дрёму без снов.

Я не знал, сколько времени провёл в забвении, в плену собственной пустоты, окутанный никогда не сдающейся Тьмой. Но когда мне удалось разлепить глаза, то в широкие окна уже проникал ровный серый свет пасмурного дня и тихий шум слабого дождя, наполняющий общую тишину этой комнаты. Я не сразу сообразил, где нахожусь, что случилось вчера и что происходит вокруг. Мой разум с неохотой очищался от всепоглощающей Тьмы и не спешил ввести меня в курс дела. Только пару минут спустя я заметил, что к запястью моей правой руки прикреплен какой-то датчик, а на пальцах с контактами от Консоли надеты считывающие прищепки. Тонкие и гибкие провода от всей этой конструкции уходили прямым в непонятное квадратное устройство, стоящее на рабочем столе Макса, где всё это время совершенно бесшумно восседал сам хозяин квартиры. Перед ним было открыто большое окно стационарной домашней Консоли и такая же призрачная клавиатура с ровным оранжевым сиянием. Макс быстро набирал на ней технические команды, неустанно наблюдая за многочисленной информацией на экране, и лишь изредка ёрзал на стуле.

– Ма-а-акс? Это чего такое? – спросил я, привставая с дивана.

Взломщик подпрыгнул на стуле от внезапности, выныривая из водоворота собственных мыслей. Он повернулся ко мне, и я увидел в его глазах ту самую искорку одержимости своей работой, предвкушения открытий и свершений, он был безудержно увлечён своим делом и горел от нетерпения узнать, что же там, за новой дверью непознанного.

– Я так и знал, так и знал, – быстро затараторил Макс, переводя взгляд то на меня, то на экран Консоли, а затем указал пальцем на непонятную таблицу перед собой. – Видишь? Вот здесь? Я был уверен, что они не станут переписывать твой чип, это слишком сложно для них. Все функции Стража всего лишь отсечены блокираторами, похожими на те, что я использую при извлечении чипов. Но это и понятно, ведь я позаимствовал наработки ваших Техников.

Макс довольно хихикнул, вскочил с кресла и подпрыгнул ко мне, чтобы снять с моей руки все датчики. Когда он был чем-то увлечён, то быстро забывал все обиды, менялся в лице, а из его голоса исчезали грубые нотки и общий пренебрежительный тон. Для него это особый

вид наркотика – возможность решать загадки, находить решения, чувствовать, как мир подчиняется его воле. Нет ничего приятнее для человека, чем искать и находить ответы, идти по пути познания, только тогда он начинает гореть ярче и светить всему миру. Макс пребывал в весёлом и приподнятом настроении, он витал в собственных мыслях, и сейчас я стал для него тем самым риторическим собеседником, придуманным другом, с кем он обычно ведёт беседы и сам себе даёт ответы в эти долгие вечера своей отшельнической жизни. Выглядел он ещё смешнее, чем сегодня ночью, когда я застал его сонным и злым. Он нацепил на себя длинные, до самых колен, шорты и цветастую футболку с изображением какого-то древнего чёрно-белого зверя из той эпохи, когда люди ещё не уничтожили свой собственный мир. По моим воспоминаниям, это была своеобразная птица, и вроде её называли «пингвин», не помню точно, но выглядела она очень забавно. Он, будто ребёнок, шлёпал босыми ногами по коврику и увлечённо рассказывал «отцу» о своих новых открытиях, он в красках пытался объяснить вещи, о которых я ничего не знал, бегал по комнате, сворачивал провода от датчиков и активно жестикулировал. Да, Кира... все мы дети, когда не пытаемся играть во взрослых, когда не наводим на себя гримасу лицемерия и фальши, а просто радуемся жизни и наслаждаемся тем, что любим.

– Я хочу сказать, – продолжил Макс, – что у тебя только на время отсекали возможности Стража. Часть твоей интеграции с Системой заблокировано простыми механизмами, иначе говоря, всё довольно примитивно и банально. Но вернуть тебе статус Стража я не в силах. Точнее, я могу это сделать, для меня вообще нет ничего невозможного. Но такое подключение не пройдёт незамеченным, и уже через десяток минут во-о-он в ту дверь постучат твои бывшие коллеги и расщепят нас с тобой на атомы. Вот так. Поэтому извини, ничем помочь не смогу. А теперь ты узнал, что хотел, и можешь идти домой. Не заставляй ваших крыс, пристально следящих за моим домом, слишком нервничать.

– Я не могу уйти, у меня теперь нет дома, – с грустью и сожалением ответил я на выпад взломщика.

– Ах да, у тебя же служебная квартира, я и забыл. – Макс почесал в затылке и загадочно посмотрел в сторону окна. – Вот незадача. Зато у тебя есть личный питомец, вот он тебя и приютит. Всё, иди-иди!

Парень беззлобно, но настырно продолжал выпроваживать меня за дверь. Я насупился и грозно посмотрел на него, не желая сходить с дивана.

– Мне нужна твоя помощь, Макс, мне больше не к кому обратиться.

– Но, Стил, я же сказал тебе, что не могу вернуть тебе статус Стража, если только посмертно. Чего непонятного?

– Да при чём тут это?! Что ты заладил? Я вообще не за этим пришёл. Я хотел спросить, что ты знаешь о Центральной Консоли?

– Чего-чего? – Его лицо скривилось в странной гримасе удивления, он попятился и уселся в одно из кресел.

– Консоль, Центральная, в башне Стражей, ну? Ни за что не поверю, что ты о ней ничего не слышал.

– Слы-ышал, конечно, – протянул он, бросая подозрительные взгляды, – только не понимаю, что ты хочешь узнать?

– Для начала хотя бы расскажи, для чего она нужна?

– Странный вопрос, Стил. Насколько я знаю, Центральная Консоль – это что-то вроде главного банка знаний. Там содержится любая информация, когда-либо проходившая и записанная в Системе. Там вся наша история, имена, биографии, все знания и достижения, слава и грехи отцов, даже финансовая, справочная и, вообще, любая информация. Неужели ты сам об этом не знал?

– Как-то не приходилось сталкиваться по долгу службы, и даже в разговорах никогда не всплывало, – развёл я руками. – То есть это просто обычная Консоль с кучей информации?

– Нет, это не обычная Консоль, это врата в глубины Системы, во все тайны, что хранятся за её цифровыми стенами, в самых секретных чертогах центрального ядра. Эх, вот бы хоть глазком заглянуть за эту завесу, это ведь моя мечта, Стил. Я даже в одно время Техником хотел стать по этой причине. Иметь доступ к информации, это как владеть всем миром, понимаешь? Но, увы, оказалось, что там нужно иметь о-го-го какой высокий уровень допуска, чтобы хоть пальцем разрешили прикоснуться к этой Консоли. Знаю только, что Хранители имеют доступ к этой информации и высший эшелон Техников, а это те ещё выпендрёжники, которые мнят о себе невесть что только за то, что имеют доступ к ядру. Пфф, тоже мне, пусть попробуют чип наживую вытащить, а я посмотрю! Ой, что-то меня не туда понесло, так что ты конкретно хотел узнать?

– Как думаешь, кроме Хранителей, кто-то ещё имеет доступ к Центральной Консоли? Палачи, например?

– Да кто же их знает? Возможно. Только ты уже не Палач. У вас ведь как всё устроено – все Стражи могут пользоваться своей ограниченной информацией. Наверняка в твоей Консоли тоже был справочный отдел? Вот, считай, это частичка того общего банка знаний. Но особо важная или секретная информация доступна только с Центральной Консоли и только с высоким уровнем допуска.

– Получается, я не смогу получить доступ к Консоли без возврата статуса Стража?

Макс почесал в затылке, глядя куда-то в сторону экрана, и нахмурился под тяжестью собственных мыслей.

– Может быть, и можно, – ответил он, протягивая каждое слово через скрипящий от напряжения мозг. – Если пробросить мост через блокиратор и пустить по нему запрос доступа, то, возможно, мы сможем обойти систему идентификации, обмануть её, выдав правильный ответ, и без общей разблокировки статуса Стража. Тогда мы раскроем замок, даже не демонстрируя ключ в наших руках. Хм, это могло бы сработать, но я не понимаю, зачем тебе...

Тут Макса внезапно озарило очевидной догадкой, он подпрыгнул на месте, вскочил с кресла и уставился на меня.

– Т-ты чего, Стил? Чего удумал? Сдурел? Пошёл вон, слышишь? Пошёл вон! Хватит с меня твоих «дружеских» просьб, под могилу подведёшь обоих!

Макс подскочил к дивану и начал настойчиво толкать меня в плечо, вынуждая встать.

– Пошёл вон из моей квартиры, провокатор несчастный! – испуганно верещал взломщик.

– Макс, мне очень надо, пойми, на тебя вся надежда. Ты же говорил, что у тебя была мечта заглянуть в этот банк знаний, так вот она – возможность!

– Подохнуть – эта возможность, – парировал Макс. – По твоей милости, между прочим!

– Но я же спас тебя уже один раз от смерти, помнишь?

– Хватит притыкать меня этим постоянно, ты же сказал, мы квиты? Тем более ты больше не Страж, ты никто, слышишь? Я вот сейчас как дам тебе по башке, и... и всё.

– Ха, по башке он мне даст. – Я постарался улыбнуться, чтобы немного сбить накал его эмоций. – Я потерял только немного власти, а не сил, я всё ещё могу сломать любую шею за пару секунд. Это я так шучу, не пугайся. Ты же понимаешь, что мы давно с тобой в одной лодке, повязаны до самого конца, а натворили мы с тобой уже немало. Мы же с тобой друзья, ведь так?

– Мы? Друзья? – Охая и вздыхая, Макс вернулся к креслу и рухнул в него как мешок с мукой, обхватив свою голову руками. – Убьют нас с тобой, «друг»... обязательно убьют. Один, всего один след, оставленный в системе, и нам обоим конец. Вот такой ты мне друг, Друг!

– Ты лучший взломщик, которого я когда-либо встречал, Макс. Я уверен, что ты справишься с любыми трудностями. Прошу, мне нужно получить доступ к Центральной Консоли.

– Лесть тебе не поможет, Стил, – пробормотал он тихо и отрешённо, словно осознавая, что его участь уже предрешена.

Взломщик сидел в кресле с отпечатком вселенской трагедии на лице и иногда громко вздыхал, о чём-то усиленно размышляя. Он цеплялся за свои красные локоны, будто собирался выдрать огромный клочок, а его правая нога нервно отстукивала на полу задорный ритм.

– Ма-а-акс? – с нетерпением позвал я.

– Возможно, в этом нет ничего предосудительного. В конце концов, это всё ещё твоя башня, и окончательно тебя не лишали звания Стража. Хорошо, какой у тебя план? – сдавшись, пролепетал он, не поднимая головы.

– Что? План?

Макс взглянул со жгучей ненавистью в глаза, и мне показалось, что сейчас в мою сторону полетит что-то очень тяжёлое.

– Понятно, весь твой план закончился на том, чтобы прийти ко мне, а дальше, как всегда: «Макс, милый друг, выручай». Какой же ты, Стил... ай ладно, мне нужно время подумать.

– Спасибо, я тебе очень благодарен, – с воодушевлением воскликнул я и вскочил с дивана. – Ты думай пока, а я пойду по утренним делам, где у тебя тут туалет и, самое главное, холодильник? А то я скоро твой диван начну грызть от голода.

Посетив главные достопримечательности любого дома, я с облегчением и предвкушением большого гурманского торжества направился на кухню к большому белому холодильнику. Он уже пугливо прятался от меня в самом углу просторной кухни, со страхом ожидая мои завидующие глаза и загребущие руки. Когда я открыл дверцу холодильника, то застыл в изумлении, сверху донизу он оказался набит всевозможными яствами: как быстрого приготовления, так и замороженными полуфабрикатами. Под стеклянными крышками стояли тарелки с различными экзотическими блюдами, салатами и мясной нарезкой. Как будто Макс ограбил половину ресторанов города. А может, и правда ограбил?

– Вот ты свинья, Макс, слов не подобрать! – крикнул я в комнату. – У самого холодильник ломится от съестного, набору которого позавидует любой ресторан, а моему «питомцу» тогда пельмени принёс.

Но пока я разглядывал содержимое своего нового металлического друга, Макс незаметно подошёл сзади и дотронулся до моего плеча.

– Стил? – позвал он скромно. – Примерь это.

Я обернулся и увидел, что взломщик протягивает мне на ладони небольшой предмет, похожий на затычку для уха. Я помню, как-то раз хотел купить такие, когда неизвестный умник по соседству принялся каждую ночь включать громкую музыку, но, к счастью, тогда хватило простой просьбы не шуметь и «случайной» демонстрации отличительного знака Стража.

– Что это? – с недоверием спросил я. – Зачем оно мне?

– Вставь в ухо, – настойчиво попросил парень и снова протянул мне ладонь.

Я взял двумя пальцами эту затычку телесного цвета и осторожно поместил её в ушной канал.

– А теперь поставь вот это, – сказал Макс и протянул мне информационный куб.

Я вспомнил его последнее изобретение, поставленное с помощью такого же куба, и меня немного передёрнуло. Я боязливо протянул два пальца, но всё же послушно провёл ими по контактной пластине на боку кубика и затем установил неизвестную мне программу. Когда на открывшемся окне Консоли пробежала информация об установке и появилась надпись: «Проверка», то в моём ухе раздался такой пронзительный высокочастотный визг, что я схватился за голову и громко вскрикнул:

– А-а-а, Макс, что за чёрт? Я же оглохну! Зачем это?

– Ну, ты же должен знать, что всё работает? – нарочито громко ответил он и при этом как-то подозрительно и мстительно улыбнулся. – Знакомься, моё новое изобретение, я назвал

его «Свободная рука» или «Безрукий телефонист», я ещё не решил, что будет звучать глупее. Теперь мы можем незаметно общаться с тобой через Консоль, не привлекая внимания. Если раньше тебе приходилось включать видеосвязь или создавать себе телефонную трубку, то теперь в меню ответа на звонок будет третий пункт под названием «Ухофон». Да, как я и сказал, название я ещё не выбрал. В общем и целом, голос тебе будет идти прямо в ухо без лишних свидетелей. Вот так. Я смогу координировать наши действия.

– Это гениально, Макс! Почему ты не рассказал об этом изобретении Техникам?

– Да брось, Стил, кому это нужно в нашем консервативном обществе? Они привыкли искать правды лишь в прошлом и с опаской смотрят на будущее. Скажу больше, я мог бы вовсе обойтись без этой глупой затычки, я об этом думал. Можно в сам чип внедрить возможность перехвата звуковых сигналов от Системы, направляемых в твой мозг для симуляции слуха, и наложить на него звук от переговорника твоей Консоли. Тогда голос звонящего будет сразу звучать у тебя в голове. Гениально, правда? Вот это, я понимаю, прорыв, но, к сожалению, за такие игры с разумом меня сразу подвешат ваши ястребы на ближайшем столбе. Поэтому пока так, через глупые устройства.

– Всё равно, это действительно гениально! – воскликнул я, поправляя пальцем затычку, чтобы она не давила на ухо.

– Так что пообедай меня быстрее и собирайся, поедешь в башню. Только для начала надо установить тебе небольшую программу для проброса моста к твоим способностям Стража...

– Подожди, как это, собирайся? Уже? Сейчас? Я думал, что такие дела проворачивают ночью? – испуганно перебил я Макса.

Тот посмотрел на меня, как на несмышлёное дитя.

– А что не так, Стил?

– Ты что, там сейчас переполох страшный, ночью было совершено нападение на башню. К тому же меня выгнали, помнишь?

Я запнулся на полуслове, осознавая, что рассказал Максу то, о чём следовало молчать. Подобные инциденты зачастую становились секретом даже для остальных Стражей. Но, с другой стороны, я и так собирался вломиться в свой бывший чертог всевластия, тогда зачем что-то скрывать? Тем более Макс почему-то не придавал этим словам особого значения.

– Кто знает, что тебя исключили из Стражей? – спокойно спросил он.

– Хранитель знает, Палачи другие знают, некоторые Техники и, возможно, наш регистратор на входе, – перечислял я, задрав глаза к потолку.

– Иначе говоря, никто не знает, – поправил Макс и, заметив недоумение на моём лице, продолжил: – Поэтому разгар рабочего дня – самое идеальное время для проникновения. Все твои бывшие коллеги сейчас находятся в патруле, а среди оставшихся почти никто не знает о твоём исключении. Войдёшь, затеряешься в хаосе рабочих будней.

– А как же я буду открывать замки и двери?

– Замки я беру на себя, не волнуйся. И так, наш план будет такой...

* * *

Есть такое мелкое неприятное чувство, когда собираешься нагадить в своём собственном доме, пусть и бывшем, но всё же ставшим таким родным. Ощущаю себя маленьким котёнком, скрытно ползущим в ближайший угол, чтобы справить свою нужду, при этом весь напряжённый, взъерошенный, с прижатыми от страха ушами. Я понимаю цену своего поступка и осознаю возможные последствия, но не могу остановиться. Всё моё естество несёт меня впе-

рѣд по пути мелкой пакости, и нет уже дороги назад. Я же просто хочу знать правду, что в этом такого? Всего одним глазком я загляну в базу знаний и уйду, никому от этого не будет плохо, я не совершаю предательства. Я всё ещё Страж, пусть и без титула, и обязан знать всё о Системе, которую поклялся защищать, какие бы гадкие секреты она ни хранила в своём потаённом чреве.

Именно этим я успокаивал себя, пока водитель такси вѣз меня в центр города к башне Стражей. Водитель то и дело пытался завести разговор на различные темы, но я не отвечал ему взаимностью, а только смотрел в одну точку на крыше автомобиля и слушал, как слабый дневной дождь барабанит над моей головой. Похоже, он что-то шепчет мне, он знает мои секреты и просит остановиться. Спустя некоторое время таксист бросил безуспешные попытки навязать мне невероятно «интересный» разговор о своих семейных проблемах, и остаток пути мы доехали в гробовой тишине. Он явно остался недоволен своим несговорчивым пассажиром, впрочем, в последнее время внушать недовольство и разочаровывать людей стало моей второй натурой. Вскоре мы оказались у самых дверей башни Стражей. Не вылезая из автомобиля, я посмотрел по сторонам, в страхе выискивая знакомые лица, но, к моему удивлению и большой радости, сегодня днём оказалось довольно безлюдно. К тому же на стоянке рядом с башней почти не осталось служебных машин, все Стражи давно разъехались по своим делам. Собравшись с духом, я расплатился с таксистом, вышел на улицу и сразу же набрал номер Макса. Одному мне было очень неуютно. Всё-таки даже мелкая пакость вызывает у человека совести невыносимые душевные терзания, хотя есть вероятность, что я всего лишь боялся оказаться на эшафоте из-за своего неуёмного любопытства.

– Ты на месте? – раздался сухой голос Макса в моём ухе.

– Думаешь, у нас получится? – пытаюсь успокоить себя, спросил я дрожащим голосом.

– Я надеюсь. Сейчас всё зависит только от тебя. Моя работа небольшая.

– Как считаешь, я найду в Центральной Консоли необходимые ответы?

– Я не знаю, что ты ищешь, Стил, и, честно говоря, не желаю знать. Но если это что-то вообще существует в Системе, то центральная база знаний – это единственное место, где ты точно найдёшь нужную тебе информацию. Так что давай, меньше слов – больше дела! Я тут не языком трепаться с тобой сижу.

– Ладно. – Я с тревогой выдохнул и направился к входу в здание. – Но что мне сказать Марине, нашему регистратору?

– Мы это с тобой уже обсуждали, успокойся, наконец, веди себя естественно. – Макс всё ещё был раздражён и явно не в восторге от всей этой затеи, куда я его втянул. – Соври что-нибудь, придумай сам? Ты что, врать не умеешь?

– Я не люблю этого делать, – пробубнил я в ответ, останавливаясь у центрального входа.

– Ага-ага, я заметил, да вся твоя жизнь в последнее время – одна большая ложь.

– Вся моя жизнь – сплошная ложь... – прошептал я больше для самого себя и сделал шаг вперёд.

Главная дверь в башне Стражей с шипением отворилась и с радостью пропустила своего бывшего сотрудника, кого она встречала почти каждый день и по кому, кажется, уже успела соскучиться. Моё сердце начало бешено колотиться, угрожая выпрыгнуть из груди, а всё тело обдало жаром. На прямых ногах и с остекленевшим взглядом я зашёл внутрь и направился к стойке. Марина при этом продолжала усердно заниматься своими делами, склонившись над рабочим столом, и всё ещё не замечала меня. «Будь проще, расслабься, иди налегке», – повторял я сам себе, пытаюсь унять мандраж, охвативший всё моё тело. Ещё и затычка-телефон Макса постоянно пыталась выпасть из моего уха, и приходилось её поправлять, что не добавляло уверенности в своих действиях.

– Твоя затычка постоянно вылетает при ходьбе, не мог сделать размер побольше? – тихо и раздражённо прошипел я.

– Больше? – удивился Макс. – Ты там чего, на ушах ходишь, что ли? Встань на ноги, и не будет вылетать. Нормальный у неё размер, стандартный, тем более она расширяется в ушном канале, всё нормально должно быть. Не надо было растить уши, как у слона.

Мне хотелось ответить что-нибудь грубое на фамильярности Макса, но, похоже, Марина всё же услышала моё шипение и оторвала свой взгляд от стола, после чего её глаза округлились, когда она увидела моё лицо.

– Стил? – удивилась она. – Ты чего здесь делаешь? Что-то случилось?

– Привет, Марин! Как дела в башне? – спросил я, неуклюже подходя к ней и облакачиваясь на высокую стойку.

Я старался выглядеть как можно спокойнее и увереннее, но всё получалось строго наоборот, и Марина наверняка заметила мою нервозность.

– Ой. – Она театрально охнула и приложила руку к груди, – тут такое творилось, ты даже не представляешь! Все что-то бегают, суетятся, всех Стражей на уши подняли. Техники снуют туда-сюда целый день, голова от них кругом уже с утра. А вчера? Вчера вы такое натворили. Взрывы... один, второй, третий, у меня стол ходуном ходил, я так испугалась! Ты знаешь, как я испугалась? Я тут же звонить, а Хранитель ничего не говорит, а я не знаю, что и думать, куда прятаться, бежать...

Марина тараторила, как заведённая, и потеряла всякую связь с реальностью, с головой уходя в водоворот своих воспоминаний и переживаний. Я уже успел пожалеть, что завёл с ней этот разговор.

– Хранитель выгнал меня вчера домой, – не унималась Марина. – Никто ничего говорит, сплошное безумие! Что случилось, Стил? Конец света? Я не знаю, что и думать, ох! Да ещё вся эта история с тобой... – Тут она осеклась и смущённо посмотрела на меня. – Извини, Стил, я не хотела поднимать эту тему.

– Да ничего, Марин, не переживай, всё нормально, – улыбнулся я в ответ.

– Я тут такого наслушалась о тебе, это правда? Хотя нет, не отвечай, не хочу даже знать. Рон рассказывал мне всякие гадости. Мне так жаль, Стил. Ты лучший Страж, которого я только знала, а я знаю всех.

– Не верь всему, что говорят злые языки, всё гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Я снова улыбнулся, но в этот раз вышло очень печально и искренне. Марина даже смущённо отвела взгляд в сторону.

В этот момент миниатюрный динамик в моём ухе слабо щёлкнул, и в моей голове снова зазвучал голос Макса. Я ещё не до конца привык к этой новомодной придумке и каждый раз неприятно вздрагивал. Мне всё время хотелось обернуться, чтобы посмотреть в глаза неожиданному собеседнику, посмевавшему так близко подойти ко мне со спины.

– Завязывай трепаться, Дон Жуан! Чем дольше мы здесь находимся, тем больше вероятность попасться на крючок, – раздражённо прошипел мне на ухо Макс.

– Марин, тут вот какое деликатное дело, я вообще пришёл, чтобы повидаться с Вер... с Хранителем. Мне нужно ему кое-что рассказать о вчерашнем происшествии, это очень важно, – сказал я, пытаясь показать всем своим видом, как мне неловко.

– Конечно-конечно, – запричитала Марина. – Я сейчас сообщу Хранителю, что ты пришёл.

– Нет-нет, ты что, не нужно! – чуть было не закричал я, размахивая перед собой руками. – Я же говорю, очень деликатное дело. Тем более ты сама знаешь, что со мной приключилось, Хранитель не желает меня больше видеть и прикажет меня не пускать. А мне очень надо его увидеть, понимаешь? Может, просто пропустишь меня, и тогда он уже не сможет отвертеться от разговора, а?

Марина посмурнела, насупилась и наклонилась поближе ко мне.

– И как я это потом объясню? – спросила она и состроила таинственный прищур.

– А тебе не нужно ничего объяснять, – радостно ответил я. – Ты же сама сказала, что слышала обо мне только слухи. Я пришёл к Хранителю, ты меня пропустила, только и всего. Ты ничего не знаешь про его негодование и запрет, да и не могла знать, вот и всё.

– Ну не зна-аю, Стил, тут сейчас такой переполох, Стражи на ушах ходят, – протянула Марина.

Макс, услышав фразу про уши, весело хрюкнул в моей голове.

– Ладно, иди, только не впутывай меня ни во что, мне сейчас и так нелегко.

– Спасибо, ты чудо! – радостно воскликнул я.

– Ой, Стил, не нужно лести, я уже и так тебя пропустила, – Марина расплылась в довольной ухмылке.

Я на радостях, что всё так легко и непринуждённо получилось, сорвался с места, подошёл к лифту и замер около него, занеся в привычном жесте два пальца перед пластиной справа от дверей. Марина, увидев моё замешательство, привстала из-за стойки.

– Тебе помочь? – ехидно спросила она.

– Да, спасибо, я... я ещё не привык к своему новому положению, когда всё в одночасье в твоём доме стало чужим. Неприятно по возвращении домой обнаружить, что жена сменила замки, – грустно ответил я.

Марина понимающе кивнула в ответ, вышла из-за стола, подошла ко мне и вызвала лифт.

– Ничего, Стил, всё ещё образуется, – тихо сказала она.

– Безусловно, – произнёс я на выдохе и вошёл в отворившиеся двери лифта, после чего Марина нажала за меня на пятый этаж, где находился бывший кабинет Икарова, и проводила прощальной улыбкой.

– Молодец, – раздался в ухе голос Макса. – Ты обманул привратника, осталось дело за малым, пройти девять кругом ада.

– Тридцать пять кругов, если быть точнее, – поправил я, оглядывая кабину лифта, будто искал в ней кого-то невидимого, кто приютился в углу и подслушивал мой разговор.

Но тут лифт очень легко и плавно дёрнулся, останавливаясь на пятом этаже, и створки его дверей доброжелательно уползли в разные стороны, представляя моему взору длинный и светлый коридор, устланный багровой ковровой дорожкой. По его бокам расположилось множество кабинетов Ищеек, а в самом конце этого ворсистого пути зияла дверь в бывший кабинет Икарова, нагло оккупированный нынче Хранителем. Его вход, словно стервятник, смотрел на меня с другого конца коридора, заглядывал в самые потаённые и извилистые уголки души, вытаскивая оттуда подавленные позывы к совести, чести и долгу. Дверь грозилась в любой момент распахнуться и исторгнуть из себя разгневанного Вергилия, который всего за несколько секунд промчится тенью сквозь частокол местных обиталищ Ищеек и настигнет меня в этом лифте, сожмёт моё горло в железный хват и раздавит его, как гнилой арбуз. Ох, о чём я только думаю?! Мне нужно срочно выбираться отсюда, пока меня никто не заметил.

– Макс, ты меня слышишь? – почти переходя на шёпот, спросил я.

– Что, тебя уже пытаются? – усмехнулся мой внутренний собеседник.

– Не до шуток сейчас, мне нужен тридцать пятый этаж, действуй! – приказал я и приложил два пальца к кнопке нужного этажа.

Но, как и ожидалось, реакции не последовало.

– Держи палец на кнопке, Стил, и не смей убирать руку, иначе всё придётся начинать сначала. Пока ты воздействуешь на контактную пластину, она будет постоянно сканировать твой чип, ожидая получить от него соответствующий ответ. В этот момент между вами устанавливается прямая связь. Я могу перехватить запрос, перенаправить его в обход заблокированного сектора в твоей Консоли и подписать нужным уровнем доступа.

– Меньше слов – больше дела, – прошипел я себе под нос, раз за разом выглядывая в коридор с толикой надежды, что ещё никто не вышел из своих кабинетов и не заметил лифт, застрявший на пятом этаже.

Время тянулось очень медленно, превращая каждую секунду в эхо вечности и сливаясь в безграничный поток тревоги и страха. Сколько я уже нахожусь в этом в лифте: пару секунд, минут или несколько часов? Каждое мгновение, как длинная череда пугающих мыслей, вперемишку с пулемётной канонадой в груди, что выбивало моё сердце и заглушало всякие попытки разума совладать с овладевшим его страхом. Больше всего я боялся не пресловутой двери в конце коридора, за которой меня, скорее всего, ждала смерть, а того, что вспотевшие и дрожащие на кнопке пальцы вот-вот сорвутся и весь этот кошмар начнётся сначала.

– Макс, давай быстрее, – процедил я сквозь зубы, извиваясь как змея у распахнутой двери.

Вдруг у входа в лифт совершенно беззвучно возник молодой юноша в белом халате Техника и с толстой кипой бумаг, которую он с любовью прижимал к себе. Вероятно, он вышел из бокового коридора, примыкающего к стене справа от дверей лифта, поэтому выпал из поля моего наблюдения, пока я всеми силами удерживал кнопку. От неожиданности я подскочил на месте и отпрыгнул вглубь кабины, тараша на парня круглые от страха глаза. Но Техник, похоже, сам пребывал в чертогах своего разума и не ожидал увидеть в лифте человека, поэтому также вздрогнул и отшатнулся, когда заметил фигуру неизвестного. Парень показался мне очень знакомым в тот момент, но от сильного испуга моя голова оказалась пуста от всяких мыслей.

– Ты чего натворил?! – заверещал в ухе Макс. – Ты зачем руку убрал, я не успел... – Макс резко замолк, услышав другой голос.

– Ой, – пискнул Техник, внимательно разглядывая меня. – Вы меня напугали, Страж... здравствуйте!

Он чуть заметно кивнул головой, приветствуя меня и одновременно извиняясь за то, что напугал. Я же продолжал стоять у задней стенки кабины лифта и глупо тарашился на Техника.

– С вами всё хорошо? Что-то случилось? Или проблемы с лифтом? – поинтересовался молодой Техник, подходя всё ближе.

Так много вопросов и так мало ответов. Но я немного отошёл от приступа паники и постарался принять непринуждённый вид.

– Ой, простите, я немного задумался. В последнее время что-то голова идёт кругом, все эти события, знаете ли... – дружелюбно ответил я, прикладывая руку к сердцу.

Техник немного расслабился, повеселел и с широкой улыбкой зашёл в кабину лифта.

– Вам на какой? – добродушно спросил он.

– На тридцать пятый, – с небольшим колебанием ответил я, но Техник не придал этому значения.

– Едете искать ответы? – совершенно по-дружески и без тени сомнения спросил молодой человек, нажимая на кнопку долгожданного этажа. – Только, боюсь, там вы их не найдёте.

Техник встал рядом со мной в глубине кабины, после чего двери плавно закрылись, и кабина с пытением понеслась наверх.

– Какие ответы, почему вы так решили? – с небольшим испугом и подозрением ответил я на странную реплику Техника.

– Ну, я так полагаю, вы направляетесь расследовать вчерашний инцидент? Вороху вы навели знатно. Техники всю ночь работали не покладая рук. Но даже в нашем отделе вам не смогут объяснить всю суть произошедшего и природу сил Отступника, а ведь мы знаем всё, что происходит в Системе, – шутливо ответил Техник.

– Похоже, что не всё, – двусмысленно сказал я в сторону.

Парень неожиданно прищурил глаза, посмотрел на меня внимательно, потом расплылся в улыбке и радостно воскликнул:

– Я вспомнил! То-то вы мне показались знакомым. Кажется, я знаю, кто вы!

– Кто? – испугался я.

– Вы тот Страж, Палач, кажется, из отряда «Феникс»? Стил, да? Я прав? Вы не помните меня? Я Андрей, старший помощник Техника Васильева. Пару недель назад или больше к нам привозили какого-то Стража со спёкшимися мозгами, вы были там. Мы ещё с моей напарницей Аней помогли Виктору Степановичу спасти вашего друга. Жаль, не смогли, – сказал Андрей и немного поник, но через мгновение снова расцвёл лучезарной улыбкой.

– Ну, блеск! – раздался трескучий и ворчливый голос Макса из затычки в моём ухе. – Ты ещё не всех известил в этой башне о своём присутствии и цели пребывания?

Я машинально махнул головой, словно пытаюсь избавиться от надоедливой мухи, которая постоянно жужжит в моей голове, и чудо-изобретение Макса снова чуть не вылетело из моего уха, но в последний миг я успел поймать её и снова засунуть пальцем обратно на место. Такой резкий взмах рукой не остался незамеченным, и мой попутчик в этом напряжённом путешествии сквозь этажи обеспокоенно посмотрел на меня.

– Что с вами, всё хорошо? – ещё раз поинтересовался Техник.

– Да ничего особенного, в ухе стреляет. У меня такое бывает, пройдёт, не обращайтесь внимания, – отмахнулся я.

– Васильев много рассказывал о вас, он беспокоится, говорит, что вы испытываете некоторые осложнения после процедуры Отречения, в том числе серьёзные нарушения сна. Вам следует беречь себя. Вы давно были на приёме у Техника?

Лифт плавно остановился, когда на табло над дверью высветилась цифра «35», что помогло мне избежать опасного разговора и дальнейших расспросов.

– Ой, извините, мой этаж, – суетливо ответил я, затем выскочил в открывающиеся двери и, даже не попрощавшись с услужливым попутчиком, быстрым шагом стал удаляться от лифта.

– Берегите себя! – крикнул мне вслед Техник Андрей.

Но я даже не обернулся. Чем быстрее он забудет об этой встрече, тем лучше будет для нас обоих.

Я стремительно продвигался вглубь по тёмным, слабоосвещённым коридорам, которые даже днём были окутаны мраком. На этом этаже, насколько мне известно, нет ничего примечательного, кроме помещения Центральной Консоли и следов недавнего присутствия Сола. Несмотря на своё грозное и величественное название, это место редко посещали, скорее оно служило своеобразным складом информации, полузабытым архивом, отделом глубокой памяти Системы, куда обращались только в крайнем случае. У каждого жителя нашей города имелась личная Консоль с доступом почти ко всем общедоступным разделам базы знаний, а информация давно минувших дней, секретные картотеки работников башни и прочие мелкие тайны, а также грязные портки обитателей верхних этажей мало кого интересовали. Тридцать пятый этаж – это этаж-призрак, вечно окутанный пыльной мглой и слабым светом из оконного витража, куда упирался один из длинных коридоров и откуда совсем недавно выпрыгнул наш таинственный Кукольник. Тот самый коридор, ведущий к помещению Центральной Консоли, казался очень знакомым, но за ночь ставшим каким-то другим. Может, из-за того, что дыру в стене и другие следы разрушений уже успели убрать, и теперь ничто не говорило о вчерашних событиях. Этаж снова окутали тишина, грусть и одиночество.

Я подошёл к огромной стеклянной стене, прислонился к ней лбом и посмотрел сквозь стекающие ручейки дождя на крохотную россыпь дорог, на снующие туда-сюда маленькие фигурки машин, размытые пятна людей и с тяжестью вздохнул. Никто из них даже не подозревает, что сейчас происходит над их головами. Если бы только они могли оторваться от никчёмных проблем, посмотреть на вершину башни и увидеть моё лицо за зеркальной стеной, если бы только узнали, как много сейчас стоит на кону, может, тогда я стал бы намного счастливее и менее одиноким в своём восхождении.

– Стил, ты на месте? – раздался нетерпеливый голос Макса в моей голове.

– Да-да, на месте, – с раздражением ответил я, затем оторнул от стекла и подошёл к двери, ведущей в помещение Центральной Консоли. – Открой мне дверь, не тяни.

Я прикоснулся двумя пальцами до пластины справа от двери и стал терпеливо ждать, вслушиваясь в гипнотический щебет ненавистного дождя. В этот раз время для меня остановилось, умерило свой неотвратимый бег и дало передышку, чтобы подумать. Секунды больше не растягивались в бесконечное тягостное ожидание, что меня вот-вот схватят, мне не было нужды трястись от страха, вглядываясь в темноту, в слабые очертания дверных проёмов, и необязательно вслушиваться в ворох мелких звуков вокруг и выискивать среди них тот единственный, что уничтожит всё, к чему я стремлюсь. Вместо этого меня окружали лишь тишина, невероятное умиротворение и слабое покалывание кончиков пальцев, пока они касались небольшой металлической пластины около двери. Я временно сорвался в пропасть небытия, мысли растворились в потоке дождя за окном и только довольный, но немного обречённый голос в моей голове мгновенно вырвал меня из своеобразного транса.

– Всё, Стил, можешь входить. И не благодари! Это всё равно не вернёт мне тысячи загубленных нервных клеток, – выпалил Макс одновременно с тихим щелчком замка где-то внутри двери.

Я взялся за ручку и толкнул дверь, после чего она послушно отворилась, открывая передо мной необычную картину. Что люди думают в первую очередь, когда им рассказывают о комнате с Центральной Консолью, о кладовой, где хранится всё знание человечества, все их великие подвиги, жестокие ошибки и уроки истории? Что они представляют, когда слышат о величайшем архиве человеческих знаний и пороков, о месте, где вся наша жизнь лишь строчки кода, снующие меж огромных скал с залежами драгоценных алмазов наших знаний. Правильно! Они мыслят просторные и хорошо освещённые залы, где длинные ряды стеллажей хранят в себе мириады единиц информации, где сияние всевозможных индикаторов и экранов Консолей затмевают звёзды, а бесчисленные Техники, молчаливые хранители знаний, снуют туда-сюда, словно огнедышащие драконы, что день и ночь охраняют свои богатства. Я не знал, чего ожидать за дверью, но, когда она не спеша отворилась с тонким и пронзительным скрипом, я увидел всего лишь маленькую тёмную комнату, больше похожую на кладовку для ненужных вещей. Пустая мрачная пыльная и лишённая всякой помпезности. Только в дальнем углу ютился одинокий стол для стационарной Консоли и небольшой деревянный стул, отставленный в полразворота. Всё это освещалось слабым красноватым сиянием из непонятого источника, будто сам стол и область вокруг него сами источали этот слабый свет, утопая в бордовом тумане.

Я стоял в изумлении, смотрел на всё это и не мог поверить своим глазам, непрестанно задавая себе один и тот же вопрос: «Как так получилось, что за всё время моей работы я ни разу здесь не был?» Словно и не было того безграничного неуёмного любопытства, коим я часто раздражал всех вокруг. Эта комната как будто сама отторгала всякое внимание к себе, защищалась от любопытных глаз.

– Ну, чего ты ждёшь? – обеспокоенно спросил Макс. – Ты меня слышишь? Дверь открылась или нет?

– Я ожидал увидеть несколько иное, – с сомнением пробормотал я, перешагивая через порог.

– А чего ты ждал? Швейцара и красные ковровые дорожки? Это техническое помещение, а Техники – люди разума и рационального рассудка. Они не склонны к излишней роскоши и показухе. Вот ты чудной, Стил. Это... как в туалет сходить. Зашёл, сделал дело и вышел. Чего тут свои комплексы выставлять напоказ? Всё должно быть очень скромно и аскетично. Короче, это неважно, ты уже у Консоли? Шевелись быстрее, сколько можно? Ты как на экс-

курсию вышел! Положи два пальца на пластину Консоли и, повторяю, не убирай руку, пока не скажу, мне нужна постоянная связь для перехвата сигнала.

Я подаливо угукнул в ответ и осторожно прикрыл за собой дверь. Я находился не в том положении, чтобы чего-то требовать от своего единственного оставшегося друга, и снисходительно относился к его распутившейся фамильярности, грубости, бесцеремонному и бестактному общению. После всех лет совместной работы, после стольких проблем, которые служба Стражей взвалила на его юные плечи, когда рисковала его жизнью и здоровьем, после долгого и трудного времени под нашим гнѐтом, возможно, он заслужил своё право на маленькую месть. Макс сам почувствовал эту силу, власть в своих руках. Впервые не Страж командовал им, не Страж указывал, в какую беспросветную дыру ему нужно залезть на этот раз. Сейчас именно Макс стал источником власти, в нём нуждались, его слушались и ему потакали. По крайней мере, он был нужен мне. Пусть я всего лишь бывший Страж и Макс грубо обходился со мной, отыгрываясь за наше прошлое, но всё равно он согласился мне помочь, он пошёл на эту смертельно опасную авантюру, и теперь по собственной воле. Что руководит им сейчас, когда кандалы пали, а цепи выскользнули из моих рук? Жалость к такому же, как он, отринутому обществом, желание проверить свои силы или обычная месть своим бывшим хозяевам? Он словно загнанный и свободолюбивый зверь, пойманный в клетку, что изо всех сил бьётся о железные прутья, разбивая свою голову в кровь. Он знает, что, скорее всего, погибнет в этих безуспешных попытках разорвать оковы, но всё, что ему нужно в данный момент, – это месть, ударить как можно сильнее по границам своей стальной тюрьмы, отомстить тем, кто лишил его свободы. Я не столь наивен, чтобы полагать, что хоть сколько-то значу для молодого взломщика. Я никогда не был ему другом или ценным союзником, скорее средством для его личных целей и амбиций.

Я подошёл к столу, подвинул поближе грязный и пыльный стул, уселся на него и положил два пальца на небольшую металлическую пластину в правой части стола. Воздух всколыхнулся, взбудораженный прикосновением редкого гостя, засиял слабым оранжевым свечением, и через краткий миг передо мной развернулось большое и широкое окно Центральной Консоли, повисшее в томительном ожидании. Через секунду парящий экран чуть заметно моргнул, приветствуя меня, и на нём отобразилась крупная надпись: «Идентификация личности. Пользователь: Стил. Должность: Страж третьего уровня. Статус: Блокирован. Доступ запрещён».

– Макс? – осторожно позвал я своего незримого спутника.

– Знаю, вижу, мне нужно время. Главное, не вздумай убирать пальцы с панели, попробую снова обеспечить мост через твою блокировку. Центральная Консоль – это тебе не кнопочки в лифте, здесь гораздо больше степеней проверки, да ещё в несколько потоков. Разорвёшь контакт раньше времени – контур может замкнуться, и сработает тревога.

– Здорово, – с ноткой безразличия ответил я, не до конца понимая лепет взломщика. – Ты, главное, сделай!

– Ты бы хоть для приличия проявил интерес к тому, что я рассказываю, – с обидой в голосе прошипел Макс. – Где твоя благодарность, восхищение? «Как ты интересно рассказываешь, Макс!», «Какой же ты умный, Макс!», «И как ты до этого додумался?».

Взломщик продолжал причитать, передразнивая сам себя, но тут экран Консоли довольно пискнул откуда-то из-за стола, и на экране появилось стандартное меню с множеством различных иконок. Макс недоверчиво замолчал на несколько секунд, а потом с подозрением хмыкнул:

– Хм, вот и всё, получилось гораздо быстрее, чем я предполагал. Вот и чудно! А теперь слушай внимательно, Стил, буду повторять тебе снова и снова. Чтобы ни произошло, продолжай держать пальцы на контактной пластине, слышишь меня?

– Но мы же вошли в систему?

– Повторяю: ни за что! Вся эта схема работает до тех пор, пока идёт трансляция сигнала через мой канал, но стоит тебе только разорвать цепь, как мышеловка захлопнется и оторвёт нам с тобой обоим головы. Так что, хоть гвоздями руку прибей, но прежде, чем отключаться, подожди, пока я замету все следы и разомкну мост.

– Замечательно, очень обнадеживает, – прошипел я в ответ.

Я поднёс левую руку к столу, и над его поверхностью, неподалёку от парящего окна, послушно материализовалась ещё одна прямоугольная панель, переливающаяся оранжевым светом. Она предназначалась для набора запросов и прочих сложных действий, которые выполняли здесь Техники, а функционал большинства клавиш пугал меня только одним своим видом. Я описал пальцем вокруг панели с кнопками полный круг и со злостью тряхнул рукой в воздухе.

– Как мне что-либо набрать? Я не могу одной рукой работать, я совсем не привык, тем более левой! – возмутился я.

– Ох, что же ты такой безрукий совсем? А, Страж Стил третьего уровня? Я могу за тебя всё сделать отсюда, говори, что искать.

– Мне нужно найти всю возможную информацию об исчезновении некой Марии. Имена, адреса, служебные или технические записи, любые, даже мелкие упоминания о пропаже кого-либо с таким именем или прозвищем.

– Подожди, так ты про ту самую Марию? – догадался Макс. – Про которую намалёвано на каждой стене?

– Ты что-то знаешь о ней?

– Ну, я же не слепой и не глухой. Хожу по городу, слышу всякое, но понятия не имею, кто она такая. Никогда не придавал слухам особого значения, мало ли кругом дураков? Подожди секунду, попробую что-нибудь отыскать.

Экран Консоли моргнул, почернел, и по нему поползли белые строчки непонятного текста, но при этом он продолжал источать по краям лёгкий оранжевый свет, образуя красивую рамку. По всей видимости, Макс считал себя выше обычных простаков, использующих стандартное меню Консоли и встроенные программы поиска. Даже здесь он предпочитал идти своим путём, показать свою независимость и уникальность, поэтому он сразу начал действовать через инженерное меню. Если его спросить в такой момент, зачем он пишет все запросы вручную, почему не использует стандартные методы, давно разработанные другими Техниками для всеобщего удобства, к чему эта напряжённая деятельность по изобретению очередного колеса, то Макс непременно ответит, что ему так удобнее. Хотя очевидно, что это не так и причина кроется намного глубже в паутине его психики.

Через несколько напряжённых минут на экране высветился результат поиска в виде множества записей, разбитых на несколько колонок. Тут оказалось гораздо больше результатов, чем в базе знаний моей личной Консоли, но даже здесь не нашлось ничего полезного.

– Это всё? – раздосадованно спросил я.

– А тебе этого мало? – возмутился Макс.

– К сожалению, да... Если мы не найдём что-нибудь про эту женщину, то весь наш риск окажется напрасным. Макс, я не могу уйти отсюда с пустыми руками, это мой последний шанс докопаться до истины. Здесь точно должно что-то быть!

– Ох, Стил, я могу сказать тебе только одно: в этой базе знаний содержится абсолютно вся информация из всех уголков Системы, и если в ней чего-то нет, то этого не существует вовсе. Извини... – Макс попытался сделать как можно более виноватый голос, но у него это плохо получалось. – Слушай, а почему ты решил, что это женщина или... м-м-м... или вообще человек?

– В каком смысле? – удивился я.

– Ну, не знаю, просто спрашиваю. С чего ты решил, что Мария – человек?

Вопрос Макса ввёл меня в лёгкий ступор. До этого я не задумывался над такой возможностью, мне даже в голову не могли прийти столь безумные мысли. Что значит не человек?

– Что значит не человек? – вторил я своим мыслям. – Они же требуют её, то есть Отступники не могут же требовать вернуть им не... Подожди секунду!

Я почувствовал, как бешено стучит моё сердце. Я ещё не знал почему, но уже сейчас ощущал некий волнительный ропот перед нахлынувшей на меня догадкой, будто всё это время я смотрел сквозь вуаль призрачной цели и никак не мог схватить руками вечно ускользающий мираж. По телу прошло тревожное тепло, я часто задышал от подскочившего в крови адреналина. Я не мог понять, что со мной, и никак не мог успокоиться, вернуть назад свои мысли, разлетевшиеся по всем уголкам разума. Что значит не человек? А что же тогда?

Левой рукой я ощупал подол своей куртки, потом скользнул пальцами во внутренний карман, вывернул ладонь, чтобы удалось зацепить и вытащить тот маленький заветный клочок прошлого, запечатлённого на старой фотографии, частично пропитанной моей собственной кровью. А ведь я уже почти забыл об этом тяжёлом, но полном надежд подарке из рук умирающего по моей вине старика. Весёлая, задорная улыбка маленькой девочки продолжала с укоризной смотреть на меня с потёртой от времени фотографии, она всем своим видом напоминала мне об обещании, данном её отцу. «Алиса» – надпись внизу фотографии почти истёрлась, но с первого взгляда ничего так и не говорило ни о какой Марии.

– Стил? – обеспокоенно позвал меня Макс. – Что случилось? Что будем делать?

Старик дал мне это фото и назвал имя Мария, но зачем? Может быть, это всего лишь агония угасающей жизни, но зачастую именно в такие моменты человек впервые начинает говорить правду. Я пристально всмотрелся в фото, но не мог разглядеть ничего необычного. Обыкновенный ребёнок в светлом платье розоватого оттенка стоит на фоне зелёной кроны деревьев, задорно улыбается и радуется жизни. Но тут мой взгляд упал на небольшое пятно голубоватого цвета, пробивающееся сквозь пушистые зелёные листья. Это знак! Безусловно, это металлический информационный указатель, которые обычно ставят около дорог горе-бизнесмены, чтобы намекнуть на свой терпящий убытки магазин в ближайшей подворотне. Знак последней надежды, как его ещё называли. Также иногда подобные таблички устанавливали городские службы, чтобы указать названия особо важных мест. Но, насколько я помню, такая практика уже давно не применялась да и выглядела слегка архаично в мире, где у каждого есть доступ к Консоли. Этот знак на фотографии почти полностью скрывался за густой кроной деревьев, и только небольшая его часть блестела на солнце. Я пытался разглядеть на нём хоть что-то, но это оказалось невыполнимой задачей. Если только...

– Макс, а у этой Консоли такой же функционал, как и у всех прочих? Можешь включить режим увеличительного стекла?

Парень что-то раздражённо буркнул в ответ, затем экран Консоли потускнел, стал прозрачным и превратился в одну огромную линзу, увеличивая всё, что подносили к нему с обратной стороны. Я протянул руку с фотографией, и изображение на снимке моментально отпечаталось на экране и растянулось в окне, демонстрируя во всей красе осколок чужого прошлого. Теперь счастливый взгляд девочки ещё сильнее прожигал во мне дыру ответственности, цеплял своими острыми крюками за плоть человеческого долга и тянул на себя. Я с трудом отвёл взгляд от её искренней улыбки и всмотрелся на небольшой фрагмент придорожного знака. Его совсем поглотила разудалая растительность местных зелёных насаждений, но мне удалось рассмотреть несколько расплывшихся белых букв, которые образовывали надпись «св. М».

«Она с Марией» – вспомнил я слова умирающего отца бедной девочки.

– Святая Мария! – воскликнул я и подскочил на месте, чуть не оторвав руку от пластины на столе.

– Что случилось? – взволнованно и быстро произнёс Макс.

– Нет, ты не понял! Это оно! Святая Мария! Это не имя, это название какого-то места в Системе. Что это? Ты слышал про Святую Марию?

– Очень немного, какие-то старые легенды...

– Да нет, я про место, что это такое? Можешь поискать в базе?

– Сейчас попробую... – немного неуверенно ответил Макс.

Я уже весь трясся в нетерпении и с большим наслаждением расплывался в улыбке от собственной догадки, словно передо мной разом открылись все тайны Вселенной. Это небывалое чувство триумфа собственного разума.

– Хм, странно. – Голос Макса казался немного напряжённым. – Вот, посмотри.

Он выключил режим увеличения, экран снова почернел, и на нём появилось несколько записей, но все они оказались просто непонятным и бессмысленным набором букв и цифр.

– Что это? – озадаченно спросил я.

– Это результат запроса о местности, как-то связанной с именем Святой Марии, но они зашифрованы. Здесь стоит гриф «Секретно», и, похоже, доступ к записям закрыли от всех, кроме высшего руководящего состава. Увы, но твоего доступа Палача не хватает, для начала тебе придётся подрасти как минимум до Хранителя. Извини... это всё, что я могу сделать.

– Но как же? Макс? – Восхищение собой быстро сменилось жгучим отчаянием, которое сразу же отдалось биением в висках. – Мы не можем вот так просто, мы... ведь правда?

– Извини...

– Но ты ведь можешь обойти это? Ты всё можешь, я знаю это!

– Да, я всё могу! – вспыхнул Макс. – Могу прямо сейчас разнести весь ваш клоповник к чертям, могу такое устроить через эту Консоль, что вы все... все... но есть грань, понимаешь? Грань, за которую нельзя заходить! Сейчас мы стоим у самого порога, и, если переступим его, уже не будет пути назад. Что ты от меня требуешь? Чтобы я обманул Систему? Подменил твой уровень допуска? Я могу это сделать, могу наречь тебя хоть господом богом в этой Консоли, но что дальше? Что дальше, Стил? Есть разница между мелкой шалостью, чтобы вернуть тебе заблокированные права, и между тем, чтобы взломать Систему, залезть в секретные данные. За этим порогом конец, ты это понимаешь? Этого уже не скрыть. Нас обоих покромсают на лоскутки ещё до того, как наступит следующее утро. Ты только послушай себя, ты одержим!

– Макс, пойми...

– Я всё понимаю, Стил, хватит! – прервал меня Макс, его голос звучал резко, громко, он был напуган. – Я знаю, что ты сейчас скажешь и что ты попросишь. Ты зашёл слишком далеко. Хватит играть нашими жизнями, моей жизнью! Игры кончились. Хочешь переть рогами на поезд – пожалуйста, вперёд, только не тяни меня за собой. Я всю свою жизнь хожу по тонкому льду, смеюсь над опасностью, но вместе с этим я всегда был осторожен, выверяю каждый свой шаг и всегда знаю, когда стоит остановиться. А что делаешь ты? Лезешь напролом, предлагаешь станцевать на этом льду, а теперь ещё просишь подпрыгнуть.

Я услышал, как Макс насутился, сидя далеко отсюда в своей уютной квартире, и на время замолчал. Потом выждал момент, пока я пытался осознать его испуганный поток мыслей, и тихо прошипел охрипшим горлом:

– Я завершаю сеанс.

– Нет, подожди! – встрепенулся я. – Макс, всё-таки выслушай меня. Ты не до конца понимаешь всю тяжесть нашего положения. С самого начала этой затеи я ни на минуту не сомневался в степени опасности, которой я подвергаю нас обоих. Я знал, на что иду и что нас ждёт в случае провала. Но, поверь, иного выбора у меня не было. Теперь я точно уверен, что стою на пути великих открытий, а за этой дверью находятся ответы на все вопросы, решение всех проблем. Это путь, который я должен пройти до самого конца, даже если он будет стоить мне жизни, а иначе всё было зря и наша жертва окажется напрасной...

– Какая ещё жертва? – вновь перебил меня Макс.

– Прости, Макс, я не был до конца с тобой честен, да и не мог рассказать всей правды по долгу службы. Для тебя это всё ещё шалости, прогулка по тонкому льду, как ты это называешь, и я поддерживал эту наивную веру в твою безопасность, в детскую игру в роли взломщика на службе Стражей. Но на деле это не прогулка, а скорее заточение на льду до прихода весны. Когда я говорил, что ты жив только благодаря мне, я не врал и совсем не преувеличивал. Я не стремился господствовать над тобой, понукать или принуждать к чему-то, но был вынужден держать тебя рядом, делать вид, что ты мне нужен, всё это для твоей же собственной безопасности.

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что таймер, отсчитывающий твои дни, был запущен давным-давно, в тот самый момент, когда тебя поймали за извлечение чипов. Ты уже тогда воспринимал это некой игрой, наказанием от строгих родителей, но Стражи не знают пощады для Отступников, и приговор всегда один – отключение. Его нельзя отменить, а свою вину нельзя загладить, приговор можно только отсрочить, выиграть для себя лишние минуты жизни, и я растягивал их как можно дольше. Как только Стражи решат, что ты больше не нужен, или вдруг меня не станет, они придут за тобой, но в тот момент меня уже не будет рядом, чтобы укрыть от правосудия. – Я даже усмехнулся своим словам. – Ведь когда-то давно я действительно видел в тебе лишь выгоду для нашего дела и вполне цинично уговорил сохранить тебе жизнь только из практических интересов. Пожалуйста, не обижайся на эти слова, это было давно, ещё в моей прошлой жизни. Мне важно только одно, чтобы ты, наконец, очнулся и узрел мир, в котором живёшь. Здесь твоя жизнь чего-то стоит только до тех пор, пока ты исправно выполняешь отведённую роль, ты всего лишь инструмент, но уже скоро превратишься в помеху. Когда я вошёл в это здание, то уже подписал себе смертный приговор. В мире Стражей не бывает мелких проступков, игр и шалостей, есть только Основной закон и люди, отступившие от него. Как бы далеко мы сейчас ни зашли, это уже неважно, нельзя умереть дважды. У нас с тобой осталось очень мало времени, и теперь вопрос только в том, как мы распорядимся остатками жизней, поступим ли правильно или просто ярко сгорим на прощание? Я свой выбор сделал, я буду идти вперёд, до самого конца, до последнего вдоха, чтобы на закате жизни в ней остался хоть какой-то смысл. Надеюсь, ты поступишь так же. Макс, прошу, мне нужны эти данные. Я даже самому себе не могу объяснить зачем, но это единственная зацепка и надежда... для всех нас и для тебя тоже.

Макс не отвечал мне целую минуту. Его напряжённое сопение можно было различить даже через устройство в моём ухе.

– Замести следы нашего пребывания будет гораздо сложнее, если я взломаю ключи доступа, – грузно ответил он, разрывая вязкую тишину.

– Но ты ведь сможешь?

– Иного выбора у меня всё равно нет... сиди смиренно, уберёшь руку – и смысла в своей жизни ты так и не дождёшься. Я перенаправлю вывод информации к себе на экран, так мне будет легче, быстрее и меньше следов. Но запомни одно, Стил, после всего этого я больше не желаю тебя видеть или слышать, или вообще знать о вашем существовании. Горите вы все в аду с вашей Системой!

Экран Консоли ещё раз дёрнулся в воздухе, по его гладкой поверхности пошла слабая рябь, и затем вся информация с него исчезла, оставляя в воздухе слабо мерцающую рамку с оранжевым контуром. На некоторое время Макс совсем затих, перестав даже дышать. Поначалу я даже подумал, что его чудо-устройство сломалось, но всё-таки через пару вечностей томительных ожиданий парень на той стороне удалённой связи облегчённо выдохнул.

– Наконец-то! Передо мной только что пронеслась вся моя жизнь, и я вновь пережил наше неприятное знакомство. Поздравляю, по мнению машины, ты теперь Хранитель. Ты ведь всю жизнь мечтал об этом, не так ли? Вот, радуйся, мечты сбываются, пусть и всего на пару

минут. Жаль, что машины не умеют удивляться. – При всём своём саркастическом содержании его голос продолжал оставаться тихим, грустным и угнетённым.

– Так что там с Марией? – с нетерпением спросил я.

Макс задумчиво хмыкнул, изучая только что открытые данные.

– Интересно... здесь в основном отчёты о работе Ищек на месте какого-то Инцидента за номером три. Хм, третий? А, вот, послушай: «...к нам поступало множество обращений от напуганных жителей, которые сообщали о пропаже своих родственников и знакомых на озере святой Марии...»

– Озеро?! – недоумённо переспросил я. – Не помню, чтобы у нас было озеро!

– Вот ещё, подожди. Они пишут: «...когда мы прибыли на место, то обнаружили, что...» – Макс запнулся и замолчал, с недоумением вчитываясь в слова.

– Обнаружили что?

– Что озеро исчезло, – недоверчиво и по слогам произнёс Макс.

– Исчезло? В каком смысле исчезло?

– Откуда я знаю, Стил? Читаю, что написано. Было озеро, а теперь его нет. Пишут, что пропало не только озеро, но и огромные прилегающие территории за городом, вместе со всеми отдыхающими. Техники списали это на непонятный крупный сбой в Системе, но его источник так и не удалось обнаружить.

– Почему я об этом никогда не слышал? Хм, странно.

– Ещё тут сказано, что озеро было любимым детищем одного из Творцов, создавших первоначальную Систему, его личным творением. Ко времени исчезновения это место перестало пользоваться особой популярностью, и уже мало кто помнил о его существовании. Люди предпочитали вдыхать аромат городской жизни, и только откровенные бедняки иногда посещали территорию озера. Так что особой шумихи никто не поднял, большинство даже не заметило потери. Так, подожди, тут есть ещё кое-что...

Макс снова замолчал и с разочарованием громко выдохнул.

– Что такое? – спросил я.

– Очень быстро все эти данные засекретили, озаглавили как «Инцидент номер три» и зарыли в глубинах архива. Всем участвующим в расследовании промыли мозги, помогли им забыть. В базе есть несколько заявлений о пропаже людей в районе озера, но им было отказано в поисках и строго-настрого запрещено приближаться к месту Инцидента. Особо рьяные заявители, очевидно не пожелавшие просто забыть о своих родных и продолжившие поиски, были... отключены?

Когда в мою голову пришло осознание случившегося, я помрачнел сильнее обычного. Одно дело исполнять приказы и долг перед Системой, быть уверенным в своей правоте, а другое дело – знать действительные причины. Неприятно ощущать себя частью ужасных событий, быть одной из пешек, разыгравших эту партию на поле жестокой политики.

– Да, отключены, – подтвердил я, с грустью смотря на старую фотографию в своей руке, и затем стыдливо убрал её обратно во внутренний карман куртки.

– Что будешь делать? – с надеждой спросил Макс.

– Если всем так нужно это озеро, то необходимо побольше разузнать о случившемся и увидеть то, что осталось вместо него. Ты можешь сказать, где оно находится... то есть находилось?

– Точно я не скажу, здесь лишь обрывочные данные из рапортов. Где-то между центральной частью города и спальными районами. На запад от трассы раньше вела просёлочная дорога. Это все упоминания. Теперь её вряд ли удастся найти, если дорогу вообще не стёрли из Системы. Я бы так и сделал на месте Техников.

– Ни разу не видел там... – Я задумался над словами Макса.

– Всё на этом? – хрипя уставшим и замученным голосом, спросил Макс. – Мы сильно рискуем, нужно уходить как можно скорее.

– Нет, подожди, ещё одно. Что ты знаешь об Инциденте Ноль?

– Да ничего особого, какие-то факты из истории Системы. Время больших потрясений, перелома в жизни Системы, создание иерархии Стражей, появление Палачей. А что?

– Мне нужно, чтобы ты нашёл информацию о человеке по имени Сол и его роли во всей этой кутерьме.

– Секунду... – устало ответил Макс и продолжил своё путешествие по бескрайним просторам центральной базы знаний.

Сначала он был даже рад нашей затее, ему хотелось прикоснуться к источнику всех знаний Системы, и только ради этого он согласился помочь, но очень быстро его энтузиазм угас, стоило ему оказаться меж двух огней, что стремились опалить его карающим жаром. К этому времени он совсем забыл, зачем так рвался годами к этой машине, что мечтал здесь увидеть или узнать, теперь ему хотелось лишь одного – побыстрее сбежать от источника судьбоносного огня, что становился всё ближе с каждой минутой. Он стремился сбежать от самой смерти, которая неустанно мчалась к нам навстречу. Макс послужил отличным примером достижения своей мечты. Когда мы всю жизнь стремимся к чему-то, живём одной только мыслью дотронуться до своей мечты, хоть на мгновение оказаться с ней рядом и вдохнуть такой желанный аромат, то зачастую восхождение к ней ломает, уродует, искажает нас самих и поработывает душу. Поэтому, оказавшись на самой вершине этого долгого пути, вымотанные и измученные, истерзанные и ослабшие, мы можем только с ненавистью смотреть на результаты своего труда. Мечта, казавшаяся такой манящей у подножия этой скалы, стала лишь воплощением всей пережитой боли, символом загубленных жизней, которую мы положили на её достижение, она стала источником ненависти и обжигающего огня, от которого мы теперь бежим без оглядки. Нет, некоторые мечты не должны сбываться.

– Так, Стил, послушай, – начал читать Макс. – Здесь написано, что Сол, он же Страж Шквал, непосредственный участник и виновник событий, именуемых ныне «Инцидент Ноль». Так-так, секунду... Стражи Шквал и Гром были одними из лучших оперативных работников, вместе они задержали множество Отступников, раскрыли громкие дела своего времени и даже удостоились кучи наград и почестей, а также личной похвалы Верховного Стража. Ого, вот это да...

– Шквал? Гром? Это их имена? – удивился я и даже немного усмехнулся. – Как странно. Столько детской непосредственности в этих словах, словно читаешь о ребяческой забаве, а не о борьбе с отступничеством.

– Ой, да ладно тебе, Стил, будто в банальнейшем названии вашего отряда меньше такого ребячества?

– Хорошо, давай дальше, – прервал я Макса, немного затаив обиду в душе.

– Тем более случилось это давным-давно, тогда времена были совсем другие – более спокойные, добрые, без этих лишних разглагольствований с серьёзными лицами, да и люди были другие, – никак не успокаивался Макс. – Хорошо, смотрим дальше... Написано, что Шквал и Гром были отличными напарниками, шли рука об руку долгое время. Так, вот тут интереснее. Последним их совместным заданием было поймать Стража-отступника, именовавшего себя Унис, но что-то пошло не так. Хм, а что среди Стражей тоже встречаются Отступники? Ах да, я тоже знаю одного. – От издевательского удовольствия он даже подпрыгнул на месте, но, услышав мой угрюмый вздох, снова вернулся к изучению данных. – Ладно, забудем. В общем, тут не особо понятно, что произошло, данные много раз переписывали, удаляли целые фрагменты. Известно одно: Шквал примкнул к предателю, сменил имя на Сол и затем... ого, ничего себе! Они вместе совершили нападение на башню Стражей, устроили тут настоящую бойню. Более сорока простых сотрудников и Техников было убито при атаке, но Отступникам удалось

добраться до комнаты выброса, и Сол помог сбежать Унису из Системы. Дальнейшая судьба Униса неизвестна и что с ним стало на той стороне. Там ведь тоже должны быть Техники, Стражи? Тут ничего не сказано.

– А Сол, что стало с ним?

– Здесь написано только то, что после выброса Униса из Системы Сол был достигнут и отключён своим бывшим напарником Громом. Дальше информация обрывается.

– То есть как отключён? Странно, он явно не выглядел мёртвым, – задумался я.

– Тут так написано, а кто этот Сол? Я понимаю, что не должен спрашивать, и вообще не хочу лезть, но всё же?

– Так это твой друг, Макс, тот, которому ты сделал «Белый шум» и кого так и не нашёл по моей просьбе. Неужели не признал?

– Сол был тем человеком в капюшоне?! – громко запищал Макс в микрофон. – Но... но как это возможно?

– Значит, у Сола когда-то был напарник, – продолжал размышлять я, игнорируя истерику своего друга по ту сторону удалённой связи. – Что нам известно про этого, как его? Грома?

Макс некоторое время молчал, обдумывая новую информацию, а потом смиренно продолжил читать.

– Так, поиск по Грому. Страж, награды... бла-бла-бла... герой, а, вот, нашёл! После отключения своего бывшего напарника, ставшего предателем для всей Системы, Гром попал под опалу других Стражей, начались гонения, проверки, переполох. Некоторое время он ещё пытался нести службу, но потом ушёл из Стражей. Учитывая его блестящее прошлое, Верховный Страж сделал для него исключение: его очень рано выгнали на пенсию, лишили звания, наград, ну и, по обычаю, промыли мозги и вернули старое имя.

– Какое имя? – я заёрзал на стуле от любопытства.

– Сейчас... хм, Шолохов Дмитрий Иванович... подожди-ка, а это не тот? Чёрт!

– Шолохов?! – я аж подскочил на стуле от неожиданности. – Тот самый?

– Чёрт... – продолжал чертыхаться Макс. – Во что ты меня втянул?

– Шолохов – бывший напарник Сола? Так вот про какое предательство он говорил! Теперь всё стало намного понятнее. Макс, ты можешь посмотреть... – Я запнулся на середине вопроса, заслышав неясный шум за дверью. – Макс, кажется, кто-то идёт...

– Что-о-о?! – завопил взломщик в моём ухе.

Я отчётливо услышал, как приближаются шаги нескольких человек, они медленно двигались по коридору и что-то возбуждённо обсуждали.

– Знаешь что? А иди-ка ты... в следующий раз будешь сам разбираться со своей сестрой, а то я, как всегда, оказываюсь крайним, – раздался разгорячённый голос молодого человека уже почти рядом с дверью, что вела в комнату с Центральной Консолью.

Внутри меня вмиг похолодело. В возбуждённой горячке новый открытый я совсем потерял бдительность, перестал воспринимать окружающий мир и погрузился в мир собственных грёз. Словно и не было вокруг меня сотни и сотни квадратных метров вражеского бетона, толпы Стражей, которые захотят разорвать меня на части. Я будто очутился дома, с упоением изучая новости в своей Консоли и попивая при этом крепко сваренный кофе. Только сейчас меня глодала не горечь дешёвых кофейных зёрен, а горечь за собственное растяпство, поставившее меня на грань поражения. Я мысленно метался по комнате, безуспешно пытаюсь найти выход из сложившейся ситуации, и только годы психологических тренировок помогли мне вспомнить о предупреждениях Макса и не сорваться с места, желая спрятаться в четырёх голых стенах.

– Макс, срочно всё выключай, завершай работу! Сюда кто-то идёт! Прошу, быстрее! – скороговоркой процедил я, стараясь особо не шуметь, но при этом запинался от нахлынувшего на голову потока нервозности и растерянности.

– Только не убирай руку с Консоли, только не убирай! – причитал Макс визгливыми нотками, плавно скатываясь в неожиданную истерику. – Доигрался?! А я говорил, говорил...

В это время уже вплотную за дверью снова зазвучал тот же голос неизвестного посетителя:

– Подожди, меня тут вызывают опять, – рассерженно сказал молодой человек и, по всей видимости, открыл Консоль. – Да, слушаю! Что? Опять? Вы издеваетесь там все? Хорошо... хорошо, подождите, сейчас буду, говорю же, сейчас буду.

Затем голос снова обратился к своему спутнику, с которым стоял у двери:

– В общем, так, Серёж, потом договорим. Ты иди пока проверь, что там с ЦКшкой случилось, а я позже к тебе присоединюсь. Эти кретины без меня совсем не могут ни в чём разобраться.

Получив от своего напарника утвердительный ответ, молодой человек чертыхаясь стал удаляться прочь.

– Макс, ты всё? Я не могу больше ждать, они собираются войти, нужно отключить Консоль! – прошипел я быстро.

– Нет, подожди! – закричал он. – Я ещё не закончил, не успеваю закрыть соединение. Нужно ещё почистить журнал операций, скрыть наше проникновение. Ещё пару секунд, прошу!

Неизвестный посетитель дотронулся до пластины рядом с дверью, после чего она радостно пискнула в ответ и замок с тихим щелчком отворился. К этому моменту хватка разума над силой инстинкта окончательно ослабла, и я рванул с места, на ходу смахивая плавающее окно Консоли и расплывая его из реальности. Всего за секунду до того, как дверь широко распахнулась внутрь помещения, я умудрился бесшумно спрятаться за ней и затаил дыхание. Моё сердце предательски заливалось стуком в груди, и, казалось, его набат был слышен по всей башне. В комнату вошёл невысокий парень в белом халате и с грязными взъерошенными волосами, словом, типичный Техник, никогда не покидающий родные стены технического отдела. Когда он сделал несколько шагов по направлению к столу с Центральной Консолью, я вдруг осознал, что Макс непривычно затих, и это совсем на него не похоже. Я поднял руку к своей голове, ощупал ухо и с ужасом обнаружил, что затычка Макса всё-таки выпала во время моего панического рывка из-за стола. Пока ко мне приходило понимание приближающейся катастрофы, пока я беглым взглядом пытался найти место, где потерял своё переговорное устройство, молодой Техник достиг стола, и в этот же момент под его ногами что-то хрустнуло. Он с удивлением поднял свою ступню и заметил на полу какое-то крошечное устройство телесного цвета, сломавшееся под его весом. Но тут мои рефлексы снова не выдержали напряжения. Не отдавая себе отчёта, я быстрым и бесшумным рывком подскочил к Технику, обхватил его сильным удушающим приёмом, что однажды испытал на мне Вергилий. Я так сильно сдавил его горло, что он не мог ничего сказать, лишь сдавленно хрипел и совершенно нелепо, бесильно сучил руками в воздухе, пытаясь схватиться за меня, но от сильного шока не понимал, что делает. Через некоторое время хрипящий Техник прекратил попытки освободиться, осел вместе со мной на пол, его глаза закатились, и от нехватки кислорода он потерял сознание.

– Прости, Серёжа, так надо, – прошептал я, опуская размякшее тело на холодный пол.

Я медленно разжал смертоносную хватку, и беспомощное тело юного Техника упало к моим ногам. Он всё ещё дышал, издавая прерывистые и короткие хрипы, и с упрёком бессильной злобы смотрел на меня своим бессознательным взглядом, устремлённым в пустоту белизной закатившихся глаз. Я отступил от тела на шаг, посмотрел на свои дрожащие от напряжения ладони и затем схватился ими за голову. Кто я такой и кем был всё это время? Похоже, эти вопросы будут мучить меня до самой смерти, и, учитывая, что я натворил – напал и чуть не убил Техника, ждать мне осталось недолго. Я уже не знал, где скрывается моё истинное лицо. За той ли маской добродетели, что я пытался надевать каждое утро? Через прорези её глаз

я смотрел на мир и на своё отражение в зеркале собственного разума. Каждый день я искал оправдания своих действий в нескольких заученных мантрах, глубоко засевших в моём сознании. Они будто призма, сквозь которую я пытался разглядеть мир и людей вокруг, познать самого себя. Каждый раз я щурился от окружающего света мироздания, прятался за эту призму и радовался всему, что вижу, как ребёнок восторгался каждому новому дню и выполненному заданию. Я видел в этом великое предназначение, и это давало мне сил, чтобы жить и двигаться дальше.

Почему все люди так боятся взглянуть на свет без всяких преломляющих оков? Я думаю, они боятся увидеть бесцельность своих жизней, ощутить всю пустоту мира, которую они пытаются заполнить слепым самопожертвованием, считая, что творят великое. Кто мы без этих масок самооправдания? Кто мы без этих пустых слов, лишённых содержания? Бездумные машины, куклы на службе чужой алчущей прихоти. Нам дали простые роли мелких деталей этого большого механизма, нам дали оправдание нашего положения, жалкого существования, нас снабдили лживыми целями и отпустили на волю. Мы думаем, что свободны, и эта свобода есть наш выбор, который мы совершаем каждый день. Но это иллюзия, наш выбор давно predetermined, мы те, кем нас научили быть, какой путь указали при рождении. Мы свободны только в рамках единственного выбора, отказ от которого равносильен смерти.

Так всё же кто я на самом деле? Тот ли ненормальный человек, что так безрассудно ищет ответы, восстаёт против бывших друзей, совершает безумства и идёт на поводу у новых хозяев? Или моя настоящая суть в тех инстинктах, глубоко заложенных ещё в школе Стражей? А может быть, я простой убийца и психопат, чья личность просыпается во мне каждый раз, когда засыпает мой разум под гнётом сильного страха и тревоги? Кто сидит где-то глубоко внутри и ждёт момента, чтобы накинуться на очередную невинную жертву и свернуть ей шею? Но времени на раздумья оставалось всё меньше. Ещё пара минут – и вернётся напарник этого бедного Техника, и тогда на полу этой комнаты может стать на одно бессознательное тело больше.

Я подхватил раздавленное Техником переговорное устройство и быстро выскочил из комнаты, оставляя позади себя на холодном полу очередное доказательство своего безумия. Я осторожно прикрыл дверь и прислушался к шагам, но, к счастью, кругом царила мёртвая тишина. Тогда я стремглав понёсся в сторону лифта, на ходу открывая Консоль и напрямую вызывая Макса без всяких его чудодейственных творений. Спустя мгновение неуклюжая телефонная трубка появилась из воздуха и упала в мою руку. Стоило мне только поднести её к уху, как Макс заверещал, спотыкаясь на каждом слове:

– Стил, Стил?! Что случилось? Связь резко оборвалась, ты жив?

– Невероятно, но пока ещё жив, – запыхавшись, ответил я, быстро продвигаясь к лифту. – Ты успел стереть все следы?

– Слава богу, я уже не знал, что и думать, куда бежать, я...

– Ты успел или нет? – грубо прервал я его встревоженные причитания.

– Да-да, вроде успел.

– Вроде?!

– Да успел я, успел, но, признаться честно, мы были в секунде от провала. Почему ты пропал? Ты сказал, что кто-то пришёл, а дальше тишина.

– Нагрязнул Техник, твоё устройство сломалось, а Техника пришлось вырубить. Мне нужно скорее покинуть башню, Макс, срочно нужны твои таланты, я уже у лифта.

– Ты сломал переговорник? – спросил Макс, но потом запнулся и закричал: – Ты что сделал?! Кого вырубил?! Ну всё, теперь нам точно конец.

Тем временем я уже достиг дверей лифта и остановился рядом с кнопкой вызова.

– Успокойся! Он не увидел меня, если всё сделаем быстро, то он не поймёт, что случилось. Я у лифта, поторопись, Макс, времени очень мало.

После этих слов я положил два пальца на кнопку лифта, которая ожидаемо отвергла эти знаки внимания и осталась холодна к моим просьбам. Беспреданно ругаясь и ворча себе под нос, Макс начал творить своё маленькое чудо, и в этот раз он сработал неожиданно быстро. За тот краткий миг, что я провёл в очередном тяжёлом ожидании, я даже не успел испугаться или разглядеть в пыльных завесах и тёмных уголках коридора несуществующие силуэты людей, или услышать цокот ревушего табуна Стражей. Безусловно, всего этого не существовало, но в такие моменты израненное постоянным давлением страха сознание начинает порождать невиданных чудовищ и постепенно сводит с ума. Но Макс оказался милосердным к моей психике. Кнопка чуть слышно пискнула, одобрительно отвечая на мой зов, и из шахты лифта за железной дверью послышался равномерный гул поднимающейся кабины.

– Что будем делать, Стил? – взволнованно спросил взломщик тихим и сухим голосом.

– Ничего не будем, – отрезал я, стараясь звучать как можно увереннее, хотя самого терзал образ молодого Техника, лежащего без сознания на полу комнаты с Центральной Консолью, его образ никак не сходил со страниц моей памяти. Бедное, бедное дитя. – Всё, что сейчас от тебя требуется, – это сделать последний рывок, доставить меня на первый этаж и на время залечь на дно. А мне нужно довести дело до конца.

Кабина лифта остановилась на моём этаже, и двери распахнулись. Кнопку первого этажа Макс взломал ещё быстрее, похоже, он приноровился к местной системе безопасности и уже щёлкал такие преграды как орехи. В какой-то момент я даже подумал, что следует донести эту информацию Косте, чтобы они перепрограммировали систему проверки доступа, но я прогнал эти мысли прочь и уже не считал их своими.

– Пойдёшь искать это озеро? – спросил Макс, когда двери лифта сомкнулись и кабина поползла вниз.

– А что ещё мне остаётся? В моей жизни больше нет иных путей и дорог. Меня лишили работы, дома, смысла жизни, мне некуда идти и возвращаться. Наше вероломное турне скоро раскроют, несмотря на все твои попытки замести следы. Не подумай, я не сомневаюсь в твоих силах и уверен, что ты сделал всё правильно, просто я хорошо знаю Стражей, даже слишком хорошо. Скоро мне придётся ответить за всё. Не бойся, я постараюсь тебя защитить, вся вина лежит только на мне, я втянул тебя в это под страхом смерти и заставил помогать. Надеюсь, я смогу их убедить в твоей исключительной полезности, но пока у меня ещё осталось время, я должен закончить то, что начал. До встречи, Макс!

Я не дал юному взломщику ответить на мои слова. До меня долетел лишь обрывок его фразы, перед тем как трубка развеялась в воздухе, навсегда обрывая нашу связь. Чем раньше это случится, тем больше вероятность, что ему сохранят жизнь, хотя бы ещё на какое-то время. Затем я зашёл в Консоль и полностью заблокировал удалённую связь, чтобы уже никто не смог меня побеспокоить. Сейчас мне хотелось побыть одному. Возможно, это попытки сбежать от чего-то, а может, простое желание защитить всех, кого по несчастливой случайности угораздило оказаться рядом со мной. В это время лифт довёз меня до первого этажа, слабо качнулся, и двери распахнулись. Я осторожно выглянул наружу, но зал оказался всё таким же печально пустым, где только стойка с Мариной неукоснительно несла свой тяжкий пост на прежнем месте. Я вышел из кабины лифта и уверенным шагом двинулся к выходу. Увидев меня, Марина сняла очки и привстала со своего места.

– Как прошла встреча с Вергилием? – очень сбивчиво и тихим голосом спросил она.

Похоже, она была чем-то напугана. Я остановился напротив её стойки, натужно улыбнулся и подошёл поближе.

– Всё хорошо, мы славно пообщались. Хранитель, конечно, был зол и раздосадован, но всё обошлось. Спасибо тебе, – весьма неправдоподобно соврал я, при этом криво улыбаясь и косо поглядывая в сторону выхода.

Марина стояла несколько секунд в нерешимости, а её губы слабо дрожали. Выражение её лица стремительно менялось несколько раз, после чего она рухнула обратно на свой стул, а на её глазах выступили первые слёзы. Она смотрела на меня, источая такое разочарование, неуверенность и одновременно некую любовь, что мне стало совсем не по себе. Неужели я в чём-то прокололся?

– Вергилий и «Харон» покинули башню вскоре после твоего прихода, Стил, – произнесла Марина, шмыгая носом и вытирая рукавом слёзы. – Зачем ты так со мной? Я же верила тебе.

Нет, только не это! Что же делать? Так глупо и неумело попасться, какой позор.

– Марина, прости, я...

– Не надо, Стил, прошу. Я не хочу больше ничего слышать и видеть тебя тоже! Не вовлекай меня в свои дела, я не заслужила всего этого.

– Но...

– Уходи, просто уходи, не хочу даже знать, где ты был и что делал. С меня хватит! Меня теперь отключат по твоей вине... – С глаз Марины срывалось всё больше слёз, и появились следы лёгкой истерики.

– Прости, – единственное, что я смог прошептать, ещё больше сгорая во внутреннем карающем огне.

– Уходи, ну же! – ответила Марина, начиная повышать тон.

И я ушёл. Быстрым шагом преодолел весь зал, выскочил на улицу и при этом ни разу не обернулся, чтобы ещё раз посмотреть на последствия своих решений, на борозду из сломленных жизней, которые я оставлял позади себя. Мне было стыдно как никогда раньше, я умудрился сломать всё, что можно, не построив ничего взамен. Но почему-то в тот момент я был уверен, что Марина не выдаст меня до последнего и никогда бы не смогла. Но теперь я догадывался почему, какое чувство она скрывала все эти годы где-то очень глубоко внутри себя, за непрозрачной вуалью деловой женщины и неприступной стеной из холодных приветствий.

* * *

Я быстро удалялся вдаль по улице, оставляя за своей спиной длинную вереницу страхов, переживаний и странных мыслей, следы своих преступлений и невероятно высокую башню собственных сожалений. Я не смотрел назад, потому что боялся встретиться лицом к лицу с самим собой, с той частичкой своего прошлого, что ещё не до конца умерла, подпитываясь угасающими инстинктами. Я лишь мчался вперёд, шлёпая по мокрой мостовой, под равномерное шуршание автомобилей и разномастные разговоры проходящих мимо людей. Они неспешно гуляли по улицам, прикрываясь широкими зонтами, весело о чём-то болтали и совсем не хотели замечать, как мимо них на огромной скорости мчался человек, осуждаемый с головы до ног непрекращающимся дождём и под ужасной маской скорби на задумчивом лице.

Я свернул на соседнюю улицу и залез в первое попавшееся такси, которое стояло на обочине. Спустя несколько минут после того, как мы тронулись с места и поехали дальше по улице, я уже успел пожалеть, что сразу выпалил таксисту все свои планы по поиску таинственной дороги на озеро, располагавшееся где-то между центральной и спальной частями города, прямо на безлюдной части шоссе. Я по привычке сел на заднее сидение автомобиля и мог наблюдать в зеркале заднего вида, как водитель странно посматривал на меня, делал внимательный прищур и настороженный вид. Возможно, он принял меня за какого-то психа или маньяка, кто любил потешить себя видом свежееубиенного таксиста на безлюдном пустыре, а может, с опаской поглядывал на сумасшедшего больного, обожавшего ходить по улицам без зонта и посвятившего свою жизнь бесконечным теориям заговора. Сейчас мой водитель, скорее всего, усиленно размышлял, стоит ли меня сразу сдать Стражам или сначала отвезти бедного больного человека, куда он хочет, страсти с него побольше денег за поездку, припугнув озёрными чудид-

щами, и только потом обрушить на меня кару Основного закона. Боже мой, о чём я только думаю? Уверен, что таксист за свою долгую трудовую жизнь насмотрелся и послушался куда более диких просьб и требований, и его уже ничего не могло поразить или испугать. Похоже, здесь только я один испытывал страх и дискомфорт. Но водитель, выслушав мои объяснения о том, чего я хочу, всё же впал в небольшую прострацию и пару минут соблюдал эту гнетущую и пугающую тишину.

Насколько я успел разглядеть своего извозчика, то им оказался обычный пожилой мужчина в стандартной фуражке таксистов со светоотражающей шахматной полоской, которая немного сползла с макушки набок и грозилась свалиться при каждой тряске. Немного побитый жизнью, морщинистый, с лёгкой небритостью, но, в целом, ничем не примечательный работающий житель города, коих можно встретить превеликое множество в спальных районах. У таких обычно своих забот хватает в жизни, чтобы не обращать внимания на придурковатых и холёных пассажиров из центральной части города; зато на них можно неплохо заработать, чтобы вернуться вечером с работы и отдохнуть от смрада городской жизни со стаканом дешёвого вина. Судя по отёкшим глазам моего водителя, выпить он любил. Но мне ли его судить? Порой даже мне приходили ужасные мысли, желание забыться в плену пьянящего дурмана, залить всё, что я видел, все свои воспоминания очередным стаканом отвратительной горечи. Может, именно так люди пытаются перебить вкус собственной жизни, приглушить ноющее бессознательное, которое мечется как волк в клетке, сердито воет и скребётся изнутри, пытаясь вырваться на свободу. Очень часто мы с нарочитой радостью принимаем такие правила жизни, иногда напиваемся до беспамятства, не понимая, что побег от реальности не способен унять эту непонятную каждодневную боль.

У меня была своя замена такому дурману, особый вид духовной сивухи – вера в непогрешимость Основного закона и в священные догмы нового мира. Я смывал ими кровь со своего лица под громкие овации своих коллег, тешил иллюзиями свою гордость, а перед сном выпивал двойную дозу снотворного, чтобы попробовать уснуть и забыться до самого утра. Я считал, что бездумной покорностью смогу уничтожить Тьму, но на самом деле лишь взращивал её и позволял ей жить. С той самой ночи, как всё это началось, когда Кира разбудила меня и началась погоня за призраками этого мира, Тьма неожиданно дрогнула. Вся моя жизнь тронулась с места, покатила под откос навстречу несущемуся на меня локомотиву, но я был рад сбежать от собственных цепей, чтобы хотя бы на миг протянуть руки к свету, – оно того стоило. Теперь же я смотрю на лицо таксиста, и мне становится очень жаль его. Остаётся только догадываться, от чего безуспешно бежал этот человек и в цепкие лапы какой Тьмы он бросал себя каждую ночь.

– Простите, я немного не понял, так что же мы всё-таки ищем? – внезапно, но осторожно спросил таксист, совершив при этом крутой вираж на очередную улицу, ведущую к трассе между частями города.

– Озеро святой Марии, – безучастно ответил я, всё ещё боясь сболтнуть лишнего, чтобы меня не высадили на обочине или того хуже.

– Это я понял. – Таксист почесал у себя в затылке. – Но не помню, чтобы у нас вообще было озеро.

– Было, – с придыханием ответил я, – на западе от города. Где-то на трассе между спальной и центральной частью должна быть просёлочная дорога, вот её нужно найти.

Водитель недовольно крякнул и даже на секунду повернул голову назад, чтобы напрямую заглянуть в мои глаза и найти там хотя бы тень от шутки, но, на его беду, я был мрачен и серьёзен как никогда.

– Вы меня, конечно, простите, – издали начал мужчина, с каждым словом повышая свой голос и эмоциональный окрас речи, – но я уже два десятка лет работаю водителем такси. Я исколесил каждую улочку не одну сотню раз и знаю здесь каждый закоулок. Вы даже предста-

вить себе не можете, где я бывал и каких мерзостей насмотрелся. В какие дыры приходилось заезжать, куда даже длинные руки Стражей не всегда дотягиваются. Я это к тому, что видел всё и всех, каждый уголок Системы, от самого центра до сточных канав с дешёвыми проститутками и наркоманами, и, уж поверьте мне, я никогда не слышал ни о каком озере или съезде с трассы. Там ничего нет. Поля да леса до самого горизонта, а сама трасса прямая, как извилины тех, кто вдолбил вам подобные глупости!

От такой неожиданной и завуалированной агрессии я пришёл в некоторое замешательство. Теперь я стал побаиваться этого таксиста, уж слишком он оказался неуравновешенным и дерзким. С такими людьми стоит быть настороже. Я догадывался, что подобному поведению может способствовать наркотическая ломка, в том числе от острой алкогольной зависимости, но я пока предостерег себя от дальнейших выводов.

– И всё же я должен хотя бы попытаться его найти, – тихо и спокойно ответил я. – Я должен узнать правду.

Последняя фраза была явно опрометчивой, но я уже пребывал в отстранённой задумчивости и говорил больше сам с собой. Некоторое время после моего ответа водитель такси сидел молча и в странном напряжении, но эта тягостная тишина, словно моль, проедала пространство между нами. Я ощущал, как внутри мужчины что-то росло, огромный ком возмущения и страха, что увеличивался с каждым его вздохом. Мне постоянно чудилось, что он вот-вот выпустит руль из своих рук, резко повернётся ко мне и начнёт избивать. Таксист ёрзал на сидении, переключал скорости и спустя пару минут всё-таки выехал на трассу и помчался прочь от центральной части города.

– Вот здесь помедленнее, пожалуйста, и прижмитесь к правой обочине, попробую обнаружить съезд на просёлочную дорогу, – осторожно попросил я.

Но водитель неожиданно облокотился на спинку соседнего кресла, оставив на руле только одну руку и, активно жестикулируя, снова повернулся ко мне, почти не обращая внимания на дорогу. Тут я понял, в чём причина такого развязного поведения этого человека. Всё, что он пытался донести о своих весёлых рабочих буднях, о дне общества, что он наблюдал каждый день, всё это было правдой, и он прямое тому доказательство. Он как странная и пугающая карикатура, которая явила собой отражение всего того пласта общества, среди кого он был вынужден жить все эти годы. Всё это извращённое нутро некогда великого прошлого находит себя в том числе и в нас самих. Каждый день, встречаясь с тьмой, повсюду окружающей нас, мы постепенно теряем весь свет, что несём в себе с юности. Этот мужчина привык жить среди отбросов, видеть каждый день ужасающие картины тлеющего общества, он слился с ним и незаметно для себя стал с ним единым целым, он перестал отдавать отчёт в своих действиях. Он ругает мир вокруг, людей, порицает их поведение и образы жизни, он с надменным самолюбованием возвышается над всеми, но при этом сам давно превратился в чудовище с чёрной высушенной душой, как печальный памятник своей жизни. И сейчас мне стало немного не по себе сидеть в одной машине с подобным человеком. Он вызывал некоторое омерзение, брезгливость, будто всё моё естество противилось находиться рядом с ним и отчаянно скрывало последние остатки света, за которыми он уже протянул свои жадные лапы. Я больше не хочу смотреть в бездну, я хочу, наконец, увидеть небо!

– Я вот, что тебе скажу, – агрессивно продолжил таксист, немного повышая голос и переходя на ты, окончательно выпуская из своих рук последние остатки напускного этикета. – Знаю я таких, как ты, вечно что-то ищете, постоянно вам что-то нужно, до всего надо докопаться, всё-то вас не устраивает. Хочу это, хочу то. Был у меня однажды такой знакомый, тоже всё бредил похожими идеями, правду он, видите ли, искал. Такой же напыщенный индюк... как индюк и закончил. Пропал он с концами, много лет его не видывал. Доискался этот придурок правды. Наши поговаривали, что это Стражи его забрали, вот так просто, пришли однажды ночью – и не стало этого горе-искателя. Отключили его, одним словом, или из Системы выперли про-

гуляться с голой задницей по радиоактивным пустошам. Кто теперь знает? Вот и тебя туда вытурят за твои глупости, вот увидишь!

– А что в этом плохого? – я старался не реагировать на его оскорбления и излишние фамильярности.

– В том, чтобы по пустыне бегать и светиться, как лампочка? Ха! – водитель грубо усмехнулся.

– Нет, в том, что вы называете глупостями?

Водитель снова бросил на меня свой пренебрежительный взгляд и всеми силами сдерживал в себе желание ударить мне в лицо, которое уже давно стало непреодолимым спутником всей его жизни, источником неиссякаемой ненависти к человечеству и к каждому отдельному пассажиру.

– Вот скажи мне, парень, кем ты работаешь? – надменно спросил таксист, чуть прищурившись хитрым взглядом.

– Я? – несколько растерявшись, переспросил я. – Хм, как бы так сказать... уборщик мусора, в общем. Правда, уже бывший.

– Да ты не стесняйся, уборщик так уборщик, хорошая профессия, да и вообще все профессии хороши, пока ты приносишь пользу обществу. А почему бывший? Что, уже вытурили за эти твои глупости? Ха, а я про что говорил? Это ты ещё мягко отделался. Эх, вот что вы всё лезете в каждую щель, почему вам спокойно-то не живётся? Работай себе уборщиком, приноси пользу городу и бед не знай. Вот из-за таких, как вы, проклятых тунеядцев, паразитов, не желающих просто жить и работать, мы и живём в подобной клоаке с проститутками и бандитами!

Таксист с омерзением сделал вид, что плюнул через левое плечо, а потом посмотрел в зеркало заднего вида, ожидая моей реакции. Но я в ответ только чуть слышно хмыкнул себе под нос, возмущённый в душе его словами, но при этом старательно разглядывал дорогу и пейзаж за окном. Несмотря на буйный нрав и петушиный гонор, водитель оказался сам зажат в тиски собственной идеологии примерного работника. Он злился, ругался, обзывал меня последними словами и всячески нарушал свой незримый кодекс таксиста, предписывающий ему расстилаться перед клиентами в напущенной любезности. Но всё это – бессильная злоба загнанного в угол зверя, придавленного собственной жизнью, которую он так старательно пытался оправдать передо мной. Нет, он не пытался очернить меня, укорить в неведомых грехах перед обществом или воззвать к моей совести, даже если он сам так считал. На самом деле он отчаянно пытался найти оправдание для себя самого, скрыть зловоние гниющей жизни и тот кошмар, от которого он никак не мог проснуться. Поэтому, несмотря на источаемую злобу, он послушно выполнял мои требования и продолжал неспешно вести автомобиль по правому краю трассы между частями города.

Слева и справа от дороги тянулось широкое поле невысокой пожухлой травы, устилающей всё пространство вокруг трассы желтовато-бурым ковром. А где-то там, почти у самого горизонта, виднелась густая полоса непроглядного леса, куда и упиралось это бескрайнее травяное поле. Сейчас, когда небо затянулось огромной серой массой облаков, постоянно генерирующих потоки дождя, холодные струи орошали это мёртвое поле и скрывали горизонт за сизой туманной дымкой, вследствие чего кромка леса совсем расплывалась, превращаясь в трудноразличимое тёмное пятно.

– Как вы думаете, – задумчиво спросил я, продолжая игнорировать потоки желчи в свою сторону и указывая пальцем через боковое окно, – там действительно есть лес? Кто-нибудь пытался до него дойти? Или это всего лишь иллюзия, искусственная граница нашей Системы?

– Ты опять за своё? – Водитель скривился в страшной гримасе и нервно поправил свой головной убор. – Снова тянет до всего докопаться?

– Вот вы сказали, – перебил я таксиста, – что важно исполнять свой долг, работать на общее благо, что из-за таких, как я, Система находится в упадке. А вы не думали, что это

именно ваше молчаливое согласие, послушное выполнение своей работы консервируют текущее положение? Что именно вы, а не я, то связующее звено в огромной цепи послушания, утаскивающей Систему на дно. Вы же не знаете этого?

– Что-о?! – взревел водитель, повернувшись ко мне всем корпусом и бросив презрительный взгляд. Не знаю, что было в нём больше в эту минуту: злости или растерянности. – Ты тоже этого не знаешь!

– Но я хотя бы пытаюсь узнать, – парировал я. – Вы же, напротив, отвергаете всякие поиски, всякое желание достичь правды, а всё потому, что вы боитесь. Да, именно так. Вы ругаете общество, людей вокруг себя, вы ненавидите саму жизнь и хотите перемен, но одновременно вы смертельно боитесь их, любых изменений в вашей жизни. Вы до того задавлены своим текущим положением, что каждый день всё больше разочаровываетесь в людях и в самой жизни. Вы не видите дороги к лучшему, для вас за любым поворотом только новый виток неприятностей, и вы до того привыкли к ним, привыкли уживаться с проблемами, что стали бояться всего нового, страшитесь, что новый виток жизни принесёт ещё худшие страдания. И поэтому вы бежите от перемен, боитесь, что станет только хуже, начинаете придумывать оправдания своему положению и всячески защищать свою унижительную жизнь. Мы ведь пришли сюда, в Систему, чтобы построить новое общество, чтобы стать лучше, чем были когда-то. Вы забыли об этом?

– Ты смотри, как запел, – издевательским тоном ответил таксист. – Старые избитые мантры про светлое будущее, тьфу. Слышали, знаем. Я смотрю, у тебя язык-то подвешен, вон какие речи задвигаешь, надо было тебе в Стражи идти, там любят таких сосунков, летающих в своих грёзах, а нас уже такими словесами не проведёшь. Хлебнули мы достаточно вашего светлого будущего, хватит! Вот скажи мне, парень, ещё кое-что: у тебя есть семья, дети?

Я отрицательно покачал головой.

– Оно и видно, – брезгливо продолжил таксист. – А у меня вот есть, понимаешь? Жена и две маленькие дочки, которых я вынужден всем обеспечивать, кормить, одевать, дать моим дочуркам хоть какое-то будущее...

– Будущее?! – перебил я водителя своим возмущённым саркастическим выдохом.

– Да, будущее! Кто им всё это даст? Ты, уборщик? Стражи с их длинными языками о райских куцах за горизонтом? Может, эти надменные пижоны из клубов? Кто? Я вынужден думать о них, работать изо дня в день, не лезть, куда не следует, а просто выполнять свою работу. Что будет, если у меня отнимут мой единственный заработок? Если бы у тебя была семья, то ты бы меня понял и выбросил из головы всякую блажь. Знаю я таких, как ты, прекрасно знаю.

– То есть всё, как всегда, упирается в деньги? За очередную миску похлёбки вы готовы вытерпеть любые трудности, смириться с надзирателем за своей спиной, с визгом плети, что ежедневно рассекает воздух. Вы даже готовы смириться с тысячами загубленных жизней, что не смогли, как вы, удержаться на месте или не вынесли груза совести за Систему? Всё это ради возможности протянуть ещё один день под дождём?

– Что ты несёшь, парень? Какой дождь, какие надзиратели, ты что, болен? Я тебе про простые проблемы жизни, про выживание, а ты...

– Выживание – отличное слово. – Я покачал головой и снова отвернулся в боковое окно, за которым медленно ползло грязно-бурое поле умирающей травы. – Как я и думал, вы теперь даже не замечаете этого дождя, не пытаетесь понять его, вы теперь просто... выживаете. Нет у ваших детей будущего, этого вы не способны понять. Вы настолько увлеклись днём сегодняшним, настолько втянулись в эту жизнь с её проблемами, что уже принимаете их за данность, за основу любой жизни. Ваше соглашательство и губит Систему. Не я, желающий каких-то изменений, ищущий ответы или мечтающий о будущем, и даже не Стражи, зажавшие свои жизни на алтаре общей судьбы человечества, а именно вы со своим крайне узколобым и мещанским

сознанием уничтожите всё до основания. Даже не вы конкретно, а все вы, толпа одиночек-эгоистов, мечтающих только о своём замкнутом мирке, возвели свою жизнь в культ, в жертву которого готовы положить бесчисленное количество других таких же семей. Вашего ума хватает только на удовлетворения низменных потребностей, а ваши глаза абсолютно слепы и ничего не видят за пределами стен вашего собственного дома.

– Эй, ты чего, совсем офонарел, парень, чего грубишь?! – возмутился таксист, но его голос испуганно дрогнул, потерял дерзкие нотки, а в глазах появилась растерянность.

– Заткнитесь и послушайте! Вы смело заявляете мне о некоем будущем для ваших детей, но не хотите понять, что ваша жизнь невысказана без существования всей Системы, именно в ней будут жить и расти ваши дети, именно она будет воспитывать их в худших традициях бандитских подворотен, именно Система, которую вы так незаслуженно игнорируете, уничтожит, раздавит их впоследствии как людей. Вот вы никогда не задумывались, зачем вы вообще существуете? А? Чтобы кормить своих детей, жену? Безусловно, это важное дело, но вся ваша жизнь сводится исключительно к этому придатку – быть простым рабочим винтиком, где сила вашего разума без остатка поглощается Системой, а взамен вам даются лишь пустые и безликие цифры на вашем счету. Вы идёте домой, наполняете на эти деньги своё брюхо, а затем всё повторяется снова и снова, каждый день. Вы боитесь потерять тёплое место для своих задниц здесь и сейчас, но не способны заглянуть в будущее, хотя бы на пару лет вперёд. Ваших детей ждёт нечто ужаснее, чем голод после временной потери работы, это медленное и мучительное существование в тех же бездушных жерновах жизни. Кто вспомнит о вас через много лет, кто скажет спасибо за то, что вы были в этом мире? Скорее вы будете прокляты вашими внуками за тот мир, что вы оставили после себя. Наша жизнь проходит, моя и ваша, каждую секунду мы теряем её на бесполезные вещи. Вы крутите баранку, ругаете всех вокруг, чтобы потом прийти домой и забыться в пьяном угаре, а я вот пытаюсь что-то сделать, найти хоть какие-то ответы. Пусть у меня никогда не будет семьи, как у вас, пусть меня не поймут при жизни, но следующие поколения вспомнят о таких, как я, пусть и не поимённо, но обязательно вспомнят и скажут спасибо. Скажут, что именно такие люди, которые к чему-то стремились, учились, искали ответы на вопросы жизни, именно они своими маленькими, скромными человеческими шажками двигали это огромное и неповоротливое колесо истории. И когда я сам встречу с неминуемым концом, то хочу быть уверен, что сделал всё возможное для этого и что жизнь не прошла зря...

Я совсем распалился, ушёл в пространные рассуждения, при этом водитель странно притих и уже внимательно слушал мою тираду, которую я произносил очень размеренно, тщательно подбирая слова. Ход моих мыслей прервала странная проплешина, внезапно возникшая посреди монотонной картины бескрайнего поля и пролетевшая перед моим взглядом.

– Стойте! – возбуждённо воскликнул я. – Вот здесь, остановите!

Водитель вышел из глубокого ступора, куда его молотом загнали мои слова, и нажал на тормоза. Когда автомобиль остановился, я расплатился за проезд, поблагодарил водителя, но тот ничего не ответил и больше не желал смотреть в мою сторону. Тогда я выскочил из машины на обочину и поспешил обратно, шлёпая по сырому асфальту трассы. Таксист ещё некоторое время стоял неподвижно на краю дороги, вероятно, размышляя над тем, сообщить ли обо мне ближайшему Наблюдателю или уехать от такого странного пассажира от греха подальше. Но стоит ли винить таких, как он? Люди настолько привыкли к своему размеренному темпу жизни, к повторяющимся однообразным действиям, что любой человек, кто ведёт себя несколько иначе, говорит им, что они живут неправильно, видится для них полным сумасшедшим. Хотя мне ли судить? Возможно, так оно и есть.

Через сто метров прогулки в обратную сторону я всё-таки нашёл то место, мимолётно промчавшееся перед окном автомобиля. Неширокая песчаная дорога прямой стрелой уходила далеко на запад от шоссе и терялась где-то в тумане вместе с тёмной полоской леса на

горизонте. Скорее, это походило на трудноразличимую от времени тропинку, сильно заросшую пожухлой травой вперемешку с бурым слоем глины. Всё это превратило остатки местной дорожки в непроходимую кашу из песка, грязи и погибшей растительности. Почему я раньше не замечал этого? Хотя сложно обнаружить среди бескрайнего монотонного поля слабую проредь старой заросшей тропы, по которой уже много лет никто не ходил.

Позади меня на большой скорости пронеслись автомобили, громко шурша покрышками по мокрому асфальту, и мало кого удивлял одинокий человек, стоящий на обочине и мечтательно смотрящий куда-то вдаль сквозь призрачный горизонт. Центральная часть города осталась уже далеко позади, высокие здания тонули в серой дымке и прятались за шумным покрывалом из надоедливости дождя, а спальные районы только-только начинали стыдливо показывать свои первые грубые очертания сквозь сизый туман. Макс оказался прав: дорога к озеру находилась где-то по центру между частями города или, скорее, немного ближе к спальной части, главному потребителю таких простых семейных развлечений, как поход на природу, пусть и виртуальную.

Я ещё раз оглянулся, проследил за пролетающими мимо меня машинами и осторожно ступил на травяной покров рядом со старой просёлочной дорогой. Я не рискнул идти прямо по тропе, где легко увязнуть в грязи или разбить себе голову о ближайший камень, поскользнувшись на глинистой почве, и предпочёл пойти вдоль неё по более крепкой травяной поверхности. Каждый шаг, отдаляющий меня от трассы и привычной жизни, оказался невероятно тяжёлым. Необъяснимый страх сковывал все движения, мои инстинкты вопили и кололи в висках, но одновременно я испытал невероятное чувство и восторг от чего-то неизведанного, нового и немного пугающего, но неимоверно захватывающего дух. Я как маленький ребёнок, который делает свой первый шаг, мне страшно и тревожно, я ощущаю, будто сошёл не с трассы, а с дороги собственной жизни, разорвал какой-то порочный круг, который властвовал надо мной на протяжении всего времени. Мы день ото дня совершаем одни и те же действия, проезжаем мимо неизведанных мест и не обращаем внимания на кипящую вокруг жизнь. Каждый из нас как белка в колесе впадает в транс и не может выбраться из замкнутой ловушки. И чем больше человек к нему привыкает, чем больше навязывает себе определённый образ жизни, тем тяжелее сойти с этой дороги, сделать свой первый шаг в неизвестность, освободиться от гнёта собственных мыслей и своего бессмысленного существования.

Некоторое время я просто шёл вперёд, подгоняемый суетливым ненастьем. Я оставлял за собой вечно суетливый шум шоссе, и с каждым моим шагом он становился всё тише и тише, пока окончательно не растаял в шорохе холодных капель дождя. Они колотили по мне нескончаемой канонадой хлестких ударов, шуршали по умирающей траве и пузырились в грязно-бурых оттенках глины под ногами. Вскоре незримая программа сотрёт их из этого мира и возродит где-то там наверху, среди печальных дюн серого неба, чтобы снова и снова повторить этот путь, вновь ударить меня по голове и попытаться обжечь мою кожу ледяными каплями.

Станный туман тем временем всё больше сковывал воздух, заполнял всё пространство и с каждым моим шагом всё сильнее властвовал над миром вокруг. Местность становилась всё непрогляднее и гуще, она сдавалась под натиском серо-молочной волны. Теперь шаги давались всё сложнее, воздух делался тягучим, холодным и каким-то безжизненным. Сначала этот туман поглотил тёмную полосу шоссе, что осталось позади меня, затем исчезли последние очертания высоток в центре города, пропал и вечно манящий горизонт из густой кромки леса. Спустя пару минут я ощутил, как в этом зловещем тумане, который обступил меня уже со всех сторон, пропали все звуки, он будто поглотил весь мир вокруг, отрезал меня от остальной Системы. Но я настойчиво продолжал идти вперёд даже тогда, когда видимость сократилась до пары метров перед моим носом; я уже с трудом различал просёлочную дорогу слева от меня и ступал наугад.

С очередным шагом в неизвестность на меня вдруг нахлынули порочные мысли и вязкими корнями начали опутывать мои ноги. Я принялся задавать вопросы самому себе. А что находится на краю Системы? Как далеко простирается симуляция нашего мира, сколько территории вокруг города успели сделать Творцы-основатели? И что будет, когда я найду эту границу, этот своеобразный конец света? Я упрусь в кирпичную стену или, может, сорвусь с обрыва в бездонную пропасть, и прежде, чем мою цифровую оболочку разметает в пыль, я успею укорить себя в ослином упрямстве? Может, та кромка леса, что видна на горизонте, и есть та самая граница, за которой никто не был? А может, её и вовсе не существует, а есть лишь этот туман, который так или иначе вернёт меня обратно, заставит снова выйти к трассе, только с восточной стороны? Наверное, я буду первым, кто совершит подобное «кругоСистемное» путешествие. Я даже усмехнулся своей догадке, но затем снова пришёл в ужас и почувствовал себя таким одиноким, брошенным, единственным человеком в целом мире. Все звуки пропали, растаяли в молочном тумане, но самое удивительное, что он поглотил даже дождь. Я взглянул наверх, туда, где раньше виднелось небо, но впервые за долгое время не почувствовал обжигающий ледяной душ на своём лице. Это было так прекрасно, словно я освободился от чего-то ужасного, что не давало мне жить все последние месяцы. Некоторое время я даже наслаждался этими первыми минутами безмятежности в моей жизни, продолжая смотреть на несуществующее небо. Весь мир вокруг растворился, оставив меня наедине с собой и унося все проблемы и весь тот груз, тяготивший меня день за днём. Я почувствовал, как сам начинаю растворяться в этой тишине. Я поплыл вслед за туманом и ощутил невероятную лёгкость в каждом мускуле своего тела, каждое движение стало таким простым и осмысленным.

Но предание себя тишине не продлилось слишком долго. Неожиданно я услышал какой-то шум позади себя, лёгкий шелест, словно небольшой ветерок, устав от спокойствия, с тревогой пронёсся рядом со мной и разбудил поникшую траву. Вслед за этим пришёл кошмар. Вместе с тихим шелестом до меня донёсся мягкий шёпот в несколько голосов. Он переливался и кружил совсем близко, прямо за спиной. Я обернулся, но никого не обнаружил. Туман стал настолько густым, что ослеплял меня, а вытянутые вперёд руки начинали расплываться в тёмные пятна на молочной пелене. Шёпот кружил вокруг меня, звучал в голове и снова уносился прочь. Моё сердце громко заверещало в груди, ещё больше разрывая ускользящую тишину и спокойствие.

Пространство вокруг меня начало наполняться новыми голосами: мужчины, женщины, плач сотен детей – они все кружили вокруг меня, шептали, но я не понимал, что им было нужно. Их голоса терялись среди шелеста травы, сливались с ней и составляли с кружащим ветром единое целое. Иногда мне начинало казаться, что кто-то кличет меня, призывает идти дальше, я готов был поклясться, что слышал своё имя. Они звали меня, они хотели, чтобы я продолжал идти. И я шёл вперёд или, может быть, назад, я уже плохо понимал, что происходит вокруг, я просто шёл в туман, в неизвестность, где меня опутывали тысячи голосов, они пронзали мой разум, хватили меня за руки своим холодным шипением. Я стал замерзать, всё моё тело пробила дрожь, а в висках раздалась барабанная дробь. Кровь стучалась изнутри моей головы, пронзала её сильнейшей болью, но я уже не мог остановиться. Я заблудился в этом тумане, потерял самого себя, когда отдался на попечение голосам, когда решил сдаться на волю такой манящей тишине и раствориться в её спокойных водах. Теперь я был никем. Я знал, что меня кто-то зовёт, но я забыл своё имя и всех, кого знал, но самое страшное – я забыл, зачем сюда пришёл. Туман забрал меня в свои объятия, и теперь я стану одним из них, обрету, наконец, вечный покой, и только умирающая вместе со мной трава будет моим вечным спутником. Я буду летать над ней, проникать в каждую травинку, я стану шёпотом в тумане, шорохом в ночи, я стану лёгким ветром в дождливый день...

Как же невыносимо болит голова, нет сил больше думать. Я упал на колени, одурманенный хором голосов, их шум заглушал все мои мысли. Я увидел, как в этой завесе начали мель-

кать чуть различимые тени, фигуры давно ушедших в туман людей. Они пронеслись мимо меня, тянули ко мне свои руки, но не решались схватить мою душу. Тёмных силуэтов становилось всё больше, шёпот перерастал в настоящую лавину из голосов, а боль в голове стала совсем невыносимой. В последний момент я успел заметить, как тени ринулись на меня из тумана, после чего я потерял сознание и окончательно рухнул на землю.

* * *

Когда я окунулся в пучины своего сознания, то больше не обнаружил там Тьму, моего давнего попутчика, терзавшего меня, сколько себя помню. Теперь остались только пустота и бездна, куда я неумолимо падал, погружаясь в своё осиротевшее сознание. Я знаю, она была ещё где-то здесь, пряталась, забившись в тёмный угол, Тьма ждала, надеялась, что я одумаюсь, отступлюсь и прыгну обратно в её ежовые объятия. Она страдала и была напугана, боялась меня и того, во что я превратился. Но, покинув чертоги разума, она оставила за собой бескрайнюю бездну моего сознания, которая жадно накинулась на меня, не желая оставаться в одиночестве. Ведь, когда уходит Тьма, а с ней и пытка совестью, то на её место приходят пытки одиночеством и отчаянием. Я остался один даже в собственных мыслях. Тьма хоть и была воплощением всего ужаса, что я неосознанно копил в себе и которым сам стал для остальных, но всё же она удерживала меня над этой бездной, не давала упасть. Кто или что теперь займёт её место? Возможно, что-то более ужасное, более жестокое и отвратительное, а возможно, на увядшей почве взойдёт зерно света, прорастёт сквозь моё заиндевевшее и промёрзшее нутро и расцветёт красками жизни, яркими всполохами счастливых снов. По крайней мере, я не жалел ни о чём. Я там, где должен быть, куда бы ни привела меня эта дорога.

Я не знал, что сейчас происходит с моим телом там, посреди туманного поля, где я его оставил. Вероятно, его раздирают на мелкие кусочки загадочные тени давно ушедших людей, они будто коршуны кружат над источником жизни, они завидуют мне, ненавидят и хотят, чтобы я страдал так же, как они. Что случилось с тем озером, на месте которого поселился этот загадочный туман? Что стало с людьми? Похоже, они точно так же сгнули в нём, их поглотил этот алчущий и вечно голодный туман, оставил от них лишь слабые тени, обречённые вечно звать на помощь и молить о спасении, но у них хватает сил только на сдавленный шёпот. Теперь я стал частью их истории, и на дне этой бездны, в глубинах моей сознания, я найду конец своей жизни, превратившись в жестокую тень некогда хорошего Стража.

Внезапно я почувствовал, как что-то сильное схватило меня, потащило вверх, вытягивая из пустоты. Что это? Оно было таким тёплым, ласковым, я ощутил приятный аромат цветочных духов, после чего меня снова дёрнуло. Надо мной раскрылся красивый цветок света, он распустился прямо над головой, расправил свои лепестки, протянул их ко мне, и я ринулся навстречу его манящему и ослепляющему сиянию. Я услышал ласковый женский голос и увидел, как оттуда на меня смотрит миловидное девичье лицо с тёмными волосами. Оно взволнованно, оно кричит мне что-то, пытается вырвать из жадных рук моей собственной бездны, но я никак не могу разглядеть его точные черты, оно теряется в ярком сиянии. Когда я совсем близко приблизился к свету, мою голову снова пронзила сильная боль, и я опять услышал голоса в своей голове, невыносимый шёпот.

Я на мгновение прикрыл глаза и закричал навстречу свету:

– Кира!

После чего чьи-то сильные руки вытянули меня обратно в то поле с таинственным туманом.

Мои глаза вновь привыкали к такому яркому дневному свету, встретившего меня после долгого падения в чёрную бездну. Я не мог разглядеть лицо девушки, которая склонилась надо мной и изо всех сил тормозила за плечо. В глазах всё плыло, а в голове всё ещё страшно гудела

какофония из стенающего шёпота. Всё, что я смог разглядеть, вернувшись из небытия, – это длинные чёрные волосы моей спасительницы и невероятно зелёные глаза. Даже сейчас, когда моё зрение всё ещё отказывалось признавать старый мир, от которого уже успело отречься, этот зелёный свет пронзал моё сознание, увлекал вглубь этих глаз и не позволял оторваться. Среди этой бесконечной серости, сизого тумана и поблекших красок, среди выцветшей травы, покрытой бурым слоем грязи, её взгляд светил, подобно спасительному солнцу после долгой и холодной ночи. Он будто вобрал в себя все краски мира, и теперь только там, в живом блеске её глаз, сохранилось нечто действительно живое, то, ради чего стоит жить. И я тянулся к этому свету, стремился вырваться из окутавшей меня пустоты, только ради них, только ради неё одной...

Неожиданно девушка размахнулась и изо всех сил ударила ладонью по моей щеке, приводя меня в чувство, и я вдруг ощутил всю живость текущей ситуации, вспомнил, кто я и зачем сюда пришёл. Я резко вынырнул из пленяющего дурмана этого места, почувствовал, как болит всё тело, наливается тяжестью и как горит моя щека от ободряющего приветствия незнакомой дамы. Именно сейчас я наконец-то понял, что женщина, кто так отчаянно борется за мою жизнь, не была моей бывшей напарницей Кирой, как бы мне ни хотелось обратного.

– Вы можете встать? – Девушка изо всех сил тормошила меня за плечо, хватала под руки и пыталась приподнять. – Здесь нельзя оставаться, вы погибнете! Ну же, вставайте! Приходите в себя! Я не смогу вас поднять.

Высокая и стройная молодая девушка, на первый взгляд, выглядела очень хрупкой, но за этим обманчивым первым впечатлением скрывалась очень смелая и уверенная натура. Тем не менее она оказалась достаточно сильной, чтобы почти самостоятельно, одним сильным рывком поставить меня на ноги. Неизвестная гостья в моей обители скорби обхватила меня за плечи весьма крепкой хваткой и с силой потащила куда-то сквозь туман, постоянно подгоняя и заставляя идти всё быстрее. Я молчал и послушно следовал за ней, буквально плыл по местному туманному морю, постепенно возвращая свои заблудшие мысли, всё больше приходил в сознание и понимал весь ужас, что я повстречал на пути своего авантюризма. Мои мысли всё ещё путались, заглушаемые жутким шёпотом в голове, но с каждым нашим шагом голосов становилось всё меньше, они звучали всё тише и неразборчивее, пока их гул окончательно не слился с шумом гуляющего ветра и шуршанием травы под ногами. В мир вокруг меня внезапно вернулись все звуки и запахи, я почувствовал, как снова на мою голову опустились первые холодные капли, а затем дождь хлынул с новой силой. Туман сдавался над уверенным напором сильной девушки. Она безостановочно тащила меня вперёд и всё время поддерживала, чтобы я не свалился в грязь, а я очень часто был близок к этому. Агрессивные тени, обитавшие в этом тумане, высосали из меня все силы и почти обглодали мой дух до костей, поэтому мои ноги передвигались с большим трудом и постоянно грозились бессильно повиснуть под напором моей спутницы.

Спустя пару минут мы, наконец, вышли из густого тумана, поле вокруг нас просветлело, оставляя место лишь для негустой сизой дымки, порождаемой долгими дождями. Вдалеке показались небоскребы центральной части города и очертания домов поменьше. Силы моей спутницы тоже подошли к концу, и она с трудом усадила меня на краю просёлочной дороги, потом достала откуда-то из-за пазухи сложенный зонт, раскрыла его и встала надо мной, защищая от дождя.

– Зачем вы пошли туда? Это же чистое самоубийство! Вам повезло, что я была рядом, – отдышавшись, строго спросила незнакомка.

Её голос был невероятно нежным, бархатным, даже когда ругалась, она произносила слова очень мягко и заботливо, словно отчитывала глупое дитя, за которого очень волновалась, но при этом была невероятно счастлива, что он оказался жив. Я задрал голову, чтобы снова посмотреть в её глубокие зелёные глаза, и немного глупо улыбнулся в ответ. Наконец, придя в себя, я смог хорошо её разглядеть. С осуждением на меня смотрело худоватое, но миловидное

лицо, сияющее ярким взглядом зелёных глаз, встретивших меня первыми из темноты туманной ловушки. У неё был острый орлиный нос и плотно сжатые губы, всё это вкупе со строгим прищуром могло дать ложное впечатление об излишней жестокости и сухости человека, но её мягкий голос говорил об обратном. Ну не мог человек с такими интонациями быть плохим или чёрствым. Она рисковала жизнью, чтобы вытащить меня из этого тумана, и теперь стояла надо мной, вся обессиленная и промокшая, а длинные и прямые чёрные волосы падали на её широкие плечи. Она сама при этом не сводила с меня глаз, внимательно изучала и, наверное, точно так же составляла первые и нелепые выводы, основанные на моей внешности. Её вкус в одежде чем-то напоминал Киру, девушка тоже одевалась в тёмно-синие джинсы, спортивные кеды и в плотную кожаную курточку цвета морской волны, а в руках она удерживала широкий зонт чёрного цвета.

– Спасибо... – улыбаясь, прохрипел я в ответ. – Спасибо, что спасли меня.

– Пожалуйста. – Незнакомка улыбнулась в ответ, и от её серьёзного выражения лица не осталось и следа. – Только в следующий раз постарайтесь избегать этого места, неподготовленному человеку здесь не выжить. Кстати, а как вас зовут? А то я даже не знаю, кого спасла и чьё имя мне теперь вписать в долговую книжку.

– Стил... я, да, Стил, – немного замешкавшись, ответил я. – Простите, у меня немного мозги плывут после всего этого.

– Стил? Какое интересное имя. – Девушка немного усмехнулась и поправила волосы, которые всё время норовили сползти ей на лицо, пока она смотрела на меня сверху вниз. – А я Анири, или можно просто Ани. Будем знакомы!

Ани, широко улыбаясь, задорно протянула ко мне руку, приглашая к знакомству. Я с удовольствием пожал её, и одновременно девушка помогла мне встать на ноги. Это стоило мне значительных усилий. Голова ещё немного кружилась и болела, но годы тренировок на службе Стражей, сотни часов физической подготовки позволяли мне в считанные минуты возвращать себе боевую форму, чтобы продолжать нести свою службу. Ани, безусловно, заметила моё состояние.

– Вы... – Она задумалась, а потом поправилась: – Ты можешь посидеть немного, отдохнуть, я подожду. Я понимаю, как это нелегко.

– Да нет, всё хорошо, Ани, я в порядке. – Я по-дружески улыбнулся в ответ и попытался отряхнуть себя от грязи, которая налипла на меня, пока я валялся в беспомощности на земле, но всё было бесполезно: грязь уже глубоко въелась даже в непромокаемую ткань, и осталось надеяться, что дождь со временем вымоет с меня большую часть. – Пойдём лучше подальше от этого места, а то мне всё ещё кажется, что я слышу их шёпот. Брр, до сих пор всего передрёгивает, как вспоминаю.

Ани с немного недоверчивым и озабоченным взглядом осмотрела меня с головы до ног, потом одобрительно кивнула и заботливо прикрыла меня от дождя своим зонтом. Она старалась держаться рядом со мной на тот случай, если я всё же переоценю способности своего организма. Девушка при разговоре часто сводила брови и морщила лоб, что придавало её лицу серьёзное выражение, и мне начинало чудиться, что она постоянно хмурится или чем-то недовольна. Но на деле она оказалась очень приветливой и милой, что в такое сложное для меня время произвело очень странное, буквально наркотическое воздействие. Под влиянием её таинственных чар я совсем потерял бдительность и осторожность, расплылся в довольной улыбке и радостно перебирал ногами в компании с такой очаровательной спутницей.

Но я не мог понять, что со мной произошло. Нет, я имею в виду не события на месте пропавшего озера среди глубокого тумана, об этом я пока не мог даже помыслить. Любая попытка вспомнить то ужасное место приводила к новому всплеску шёпота в моей голове. Я говорю об этой загадочной девушке, что спасла меня. Она появилась ниоткуда, вихрем ворвалась в мою жизнь и будто околдовала меня. Я чувствовал, что сейчас готов на всё, что бы она ни попро-

сила. Пусть это будет любое безумство, даже если мне придётся перебить половину Системы, чтобы отплатить за её добро, но я сделаю это. Я ничего не мог с собой поделаться, я знал её всего десять минут, мы перекинулись всего парой фраз, но она источала такое тепло среди этого морозного поля, да что там... среди всей этой чёртовой Системы, что я не мог думать ни о чём другом. Каждый раз, когда я смотрел на блеклую траву под ногами, на серые и безликие очертания каменных зданий, то везде на их фоне мне виделись её красивые зелёные глаза. Кажется, они похитили не только все краски этого мира, но и кое-что у меня – небольшую частичку моей личной свободы.

Я понимал, с чем связана такая реакция. После всего безраздельного чувства одиночества, что меня охватило посреди того убийственного тумана, после всей пустоты, где я чуть не погиб, в мою никчёмную жизнь, терзаемую холодом и Тьмой, вдруг ворвался настоящий лучик света. Кроткий ласковый и тёплый лучик обжёг мою умирающую душу, он только прикоснулся ко мне, но уже оставил значительный шрам где-то глубоко внутри меня. Он пришёл именно в тот момент, когда я больше всего в нём нуждался. Когда я почти уже отчаялся, сдался, он вдруг наполнил мою жизнь смыслом и теплом, он напомнил мне о давно забытом чувстве, огне, что бушевал когда-то в моём сердце, пока оно окончательно не остыло и не превратилось в камень. Именно тогда в мою жизнь мимолётом ворвалась она – Ани и протянула руку помощи. И я уцепился за эту спасительную соломинку обеими руками, я нуждался в ней и не хотел отпускать. Мне казалось, что стоит только разжать пальцы – и эта бабочка упорхнёт, взмахнув на прощание крыльями, и тогда я снова останусь один, без друзей, в состоянии войны со всем миром. Осталось только в порыве нахлынувшей на меня одержимости случайно не раздавить этот пригревшийся на груди огонёк. Я всё понимал, но сейчас мог только глупо улыбаться и идти рядом с зеленоглазой девушкой, которая первая за всё время, с того момента, как начался этот дождь, догадалась укрыть меня зонтом, поделиться частичкой себя.

– Так всё же, Стил, что ты тут делал? – нетерпеливо и с небольшим подозрением спросила Ани, а затем снова окрасила своё лицо в солнечную улыбку. – Ты выбрал не лучшее место для прогулок.

В любой другой ситуации я бы замешкался, придумал нелепую отговорку или вовсе холодно ответил отказом, но только не сейчас, когда на растаявшем пепельном снегу отчаяния вырос первый цветок и открыл свой скромный бутон навстречу свету.

– Я искал здесь озеро, – спокойно ответил я.

– Озеро? – Кажется, что ответ её немного удивил.

– Да, один мой хороший знакомый уверял меня, что где-то здесь давным-давно было озеро Святой Марии, представляешь? Я вот решил проверить, насколько он сошёл с ума.

Неожиданно спутница не поддержала мой полушутливый тон и улыбку. Она вдруг нахмурилась, о чём-то задумалась и бросила на меня странный взгляд.

– Твоему другу не следует бросаться такими заявлениями направо и налево. Это может плохо кончиться как для него... – Ани сделала небольшую паузу. – Так и для тебя.

– Что? Почему?

– А тебе я советую сюда больше не приходиться и помалкивать об этом, – перебивая меня, ответила Ани, потом насупилась и замолчала.

– Но ты ведь тоже сюда пришла, – грустно ответил я. – Может, расскажешь, что случилось? Хуже для меня уже всё равно не будет.

– Это личная и долгая история, Стил. Я не думаю, что ты захочешь слушать мои жалобы.

Ани произнесла последние слова очень сухим и чёрствым голосом, словно её задели за самое больное место. Потом она отвернулась от меня в сторону дороги и зашагала быстрее, да так, что я еле поспевал за ней. Такими темпами мы очень быстро вернулись на обочину шоссе, где всё так же безмятежно пролетали тёмные пятна автомобилей, приветливо шурша колёсами и обдавая нас холодным ветром с неприятной изморосью. Каждый из них куда-то

ужасно спешил, торопился сделать нечто важное в своей жизни, будто сегодня его последний день и единственный шанс что-то исправить. Ани на миг замерла у края дороги, наблюдая за мелькающими безразличными тенями, пролетающими мимо нас, а затем посмотрела по сторонам, словно ждала кого-то.

– Может, тебе вызвать такси? – осторожно и смущённо спросил я.

Я прекрасно понимал, что она и сама может это сделать в несколько нажатий на экране Консоли, но в данный момент мне очень хотелось казаться полезным и благодарным за всю её помощь, а может, я старался хоть немного продлить эти случайные, но такие приятные минуты вместе.

– Нет, спасибо. – Ани замотала головой и снова улыбнулась. – Я люблю гулять под дождём и не пользуюсь автомобилями. Это сложно объяснить. Когда идёшь в задумчивой тишине под тихий рокот капелек дождя по зонту и слышишь, как ревет небо над твоей головой, то чувствуешь невероятное чувство единения с самим собой, забываешься на время о своих проблемах, отрешаешься от мира и просто мечтаешь. Вот ты любишь мечтать, Стил? А я вот люблю. И даже люблю этот дождь за то, что он даёт мне силу мечтать о чём-то хорошем, приятном, мечтать о будущем, видеть себя счастливой. Ведь это так прекрасно. Обожаю укутаться потеплее в домашний плед, смотреть, как по окну стекают ручейки дождя, как весело и задорно капельки выбивают чечётку по моему подоконнику, в эти моменты мне хочется улыбаться и плакать одновременно, чувствовать себя невероятно одинокой и несчастной, но в то же время мечтать, что когда-нибудь я тоже буду счастлива. Всё это невозможно без дождя. Я люблю гулять...

Ани скромно и грустно улыбалась, смотря куда-то в небо, она выглядывала из-за края своего широкого зонта и иногда на секунду закрывала глаза, когда с её губ снова и снова слетали слова о мечтах. Ани внезапно прервала свою завораживающую речь, повернулась и зашагала вдоль шоссе. Я нагнал её и как верная дворняжка пристроился рядом под зонтом. Я боялся прикоснуться к ней, мне начинало казаться, что одно лишнее движение – и это странное навязание последнего получаса внезапно рассыплется в прах и исчезнет вместе с девушкой и её зелёными глазами, со всей этой аурой безмятежности и спокойствия, которые я не ощущал уже долгое время, если не сказать, никогда. Я боялся неожиданно очнуться посреди того мёртвого поля, снедаемый густым туманом в окружении множества безликих силуэтов, и понять, что это был всего лишь сон, видение умирающего сознания, что Ани – это только воплощение моих подавленных фантазий, желаний и стремлений. Я бы не смог пережить такое, только не сейчас, только не после всего этого, поэтому я старался держаться как можно ближе к ней, чтобы слышать её дыхание, но недостаточно близко, чтобы развеять эту возможную иллюзию. Лучше погибнуть так, в объятиях сладкой фантазии, чем ещё раз окунуться в мрачный мир моих собственных кошмаров.

Мы направлялись к спальной части города, а путь туда был не близким. Мы долго гуляли по обочине шоссе, подгоняемые шумом и холодным ветром от проезжающих автомобилей, мило улыбались друг другу и много общались на простые темы. Точнее, это Ани стремилась поведать мне обо всём на свете: о бытовых тяготах жизни, дрянной погоде, о странных музыкальных вкусах большинства людей, а иногда мечтательно закатывала глаза и снова говорила о счастливом будущем. Её настроение улучшалось с каждой минутой, она становилась всё более открытой и разговорчивой. Я же большинство времени молчал, любовался её светлой улыбкой, но не переставал думать о самом главном – той важной цели, ради которой я оказался здесь.

В один момент я не выдержал.

– Ани, я знаю, что ты не хочешь мне рассказывать об этом озере, но я прошу, для меня это... – скромно начал я свои мольбы, боясь спугнуть её хорошее настроение и оттолкнуть от себя.

Но она больше не пыталась сопротивляться, она всё понимала и ждала этого момента, поэтому даже не дала мне закончить свою заунывную речь.

– Я плохо помню своё детство, – внезапно произнесла Ани, смущённо уставившись себе под ноги. – Какие-то обрывки воспоминаний, яркие вспышки, образы и почти не помню маму. Папа рассказывал нам, что она долго болела и покинула этот мир сразу после появления второго ребёнка. На тот момент мне было уже семь лет, а моей сестрёнке – пять, но я всё равно не помню лица своей мамы. Иногда всплывают какие-то неясные образы, когда я ложусь спать или вот так мечтаю под дождём. Я словно ощущаю тепло её прикосновений, мягкость её рук на своей щеке, но каждый раз, когда я пытаюсь поймать это чувство, схватиться за него, заглянуть в глаза своим воспоминаниям, надеясь увидеть там лицо моей мамы, тогда это чувство неизменно ускользает от меня, растворяется как мираж. Зато я хорошо помню свою сестрёнку, наши с ней игры, забавы, я помню каждый её смех и каждый день, что мы проводили вместе. С детства я была очень замкнутым ребёнком, тихим, неразговорчивым и даже несколько нелюдимым. Я сторонилась местных детишек, предпочитая их шумные и весёлые компании тихому вечеру в одиночестве за чтением какой-нибудь интересной книги. Папа никогда и ничего не говорил по этому поводу, он с пониманием смотрел на мою кроткую натуру и всё понимал. Может, он видел в моей скромности и замкнутости некую обиду, затаённую из-за смерти мамы, но мы никогда не говорили об этом и уже никогда, наверное, не поговорим. А вот Алиса, моя сестрёнка, была очень весёлым, неутомным ребёнком, настоящей непоседой. Моя полная противоположность. Она вечно куда-то убегала, не слушалась отца и всячески заставляла его нервничать по пустякам и выводила из себя. Он часто ставил в пример меня, и Алиса частенько меня дразнила и всячески подначивала, но я никогда не обижалась на неё, она... она... Лисой Алисой я её звала, такой же хитрющий прохвост.

Ани шмыгнула носом, и мне показалось, что я увидел, как блеснули слёзы на её глазах. Теперь я понимаю, почему она любила долгие прогулки в одиночестве под проливным дождём и вдоль центрального шоссе, где воздух наполнен сыростью и влагой, поднимаемой сотнями проезжающих машин. Только так она могла спокойно поплакать, чтобы никто не заметил её слёз. Ани явно привыкла выглядеть сильной натурой в глазах других людей и предпочитала вот такое уединение вдали от всех, лицом к лицу со своими воспоминаниями и страхами. Девушка всё время смотрела вперёд и старательно прятала свой взгляд, стремясь даже сейчас, во время рассказа о себе, хоть как-то побыть наедине со своей историей. Я не до конца понимал, как связана история её детства с моим вопросом об озере, но боялся спугнуть поток её мыслей, что она закроется от меня, и я уже никогда не найду ответов. Поэтому я держался поближе, затаив дыхание, и надеялся, что витиеватая и долгая дорога её мыслей всё-таки выведет меня к свету.

– Извини, я... – Ани ещё раз шмыгнула носом и потёрла левый глаз кончиками пальцев. – Так вот, в детстве я была очень замкнутой девочкой, мечтательной, вечно витающей в облаках и живущей скорее жизнью выдуманных литературных героев, чем собственной. У меня почти не было друзей, а в школе обходили стороной, считали чудной, да и я особо не искала себе компанию. Но моя сестра стала для меня всем, моим единственным настоящим другом, и когда я выползала из горы прочитанных книг, то мы непременно отправлялись с Алисой во двор, бегали там, играли в прятки и весело проводили время. Алиса была немного младше меня и такой заводной, весёлой, она вечно придумывала какие-нибудь глупости, постоянно её тянуло испытать что-то, нарваться на шалость и похулиганить вдоволь. Нам часто попадало от её выходок, и отец часто злился, кричал на неё, но Алиса в это время обычно сидела на стуле, совершенно безбоязненно болтала ногами и с согласием кивала, выслушивая нравоучения отца, чтобы на следующий день всё повторилось вновь. Я знаю, наш папа вовсе не был злым или жестоким человеком, он нас никогда не бил, не наказывал, но мог достаточно долго и продолжительно кричать. Он любил нас, Стил. Любил больше всех на свете, особенно после того, что случилось с нашей мамой. Ведь мы – это всё, что у него осталось и что напоминало ему о той, кого он любил больше жизни, и кого боялся потерять. Все его страхи воплотились в нас, в возможности потерять последнюю частичку его настоящей любви. И если относительно

меня он был спокоен и всё прекрасно понимал, то вот Алису он любил сильнее всего потому, что чувствовал, как теряет контроль над вторым ребёнком. Он понимал, что если не совладеет с её буйным нравом, то рано или поздно случится беда. Но я не рассказала тебе о главном, об озере, ведь ты этого ждёшь?

Я ошарашено смотрел на Ани, не в силах произнести ни слова и только смог утвердительно покачать головой.

– Я знаю, что, возможно, утомила тебя своими рассказами о детстве...

Я отрицательно замотал головой.

– ...и всё же, – настойчиво продолжила Ани, – я тебя предупреждала, что рассказ будет долгим. Я хочу, чтобы ты понял всё, что я хочу до тебя донести, чтобы не осталось ни одного вопроса, который ты мог бы задать, когда я закончу. Озеро Святой Марии, насколько я помню, было создано одним из первых Творцов-основателей, который решил таким образом почтить память одного из своих любимых мест, где он бывал в детстве ещё до ужасной войны. Он воссоздавал это озеро и территорию вокруг кустик за кустиком, каждую травинку и каждый камушек он доставал из своей памяти, словно краски из заготовленной палитры, рисовал место своих грёз, о котором он мечтал с детства и видел во снах и куда всегда хотел вернуться. Место должно было служить напоминанием о доме, где он вырос, и символом утраченного мира. Так романтично, правда? Символ Мечты, её памятник, прямо в центре Системы, созданной для воплощения подобных грёз. Скорее всего, это просто красивая легенда, что обросла множеством мифов, как это всегда и бывает, но она слишком прекрасна, чтобы в неё не верить, но в то же время слишком прекрасна, чтобы в неё хотелось поверить. Так вот, с этим местом нас познакомил папа. Он как-то раз привёл меня и Алису на это озеро, взял с собой фотоаппарат и хотел запечатлеть нас на фоне природы. Я не любила фотографироваться и всячески пряталась от любых попыток навести на меня объектив, а вот сестрёнка, наоборот, вечно лезла в любой кадр, везде ей хотелось быть первой. Как сейчас помню этот день. Безмятежный солнечный денёк, сейчас уже кажется, что это было в прошлой жизни, на Алисе надето новое розовое платье, которое ей купил папа на последний день рождения. Алисе так понравилось это платье, что она отказывалась его снимать и всегда стремилась нарядиться в него по любому поводу и в любую погоду. Я помню, как нам понравилось на этом озере, там было так прекрасно, тихо, уютно, там я действительно почувствовала себя как дома, в лоне дикой природы. Мы с сестрёнкой буквально влюбились в эту густую поросшую зелень и высокую траву, где так удобно было прятаться. А ещё я помню тот запах. О, чудесный запах, такая свежесть, лёгкость, а гуляющий между деревьями ветер способен был прогнать из любого человека все страхи и тревоги и погружал в безликую безмятежность. Там всегда было малоллюдно, и каждый раз, когда отец приводил нас гулять на это озеро, мы встречали только редких прохожих, влюблённых парочек, гуляющих меж зарослей кустарника. Но стоило занырнуть в ближайший куст, зайти за большое дерево, как тебя снова покидал весь мир, и ты оставался наедине с самим собой. Это было прекрасно, Стил, поистине прекрасно. Как любительница подобных уединений я испытывала дикий восторг от этого места. Почему только озеро Святой Марии не пользовалось особой популярностью? Не понимаю. Может, из-за того, что задавленные тяжёлым трудом жители спальных районов уже не находили в себе сил выбираться в свободное время за город, а жители центра мегаполиса и вовсе потерялись в своих каменных джунглях. А может, люди вовсе оторвались от природы и забыли, что значит быть её частью и радоваться даже таким, казалось бы, незначительным мелочам, как тихий шелест травы и журчание ручейка. Не знаю.

Ани всё-таки сделала волевое усилие и повернулась ко мне, блеснула солёными искорками своих зелёных глаз и с надеждой посмотрела на меня, явно желая найти в ответном взгляде хоть что-то родное, близкое ей, а возможно, она искала хотя бы тень сочувствия или переживания. Но сейчас я был слишком напуган, чтобы источать какие-то положительные эмоции. Алиса... ну конечно! Я прекрасно понимал, о ком шла речь и кто была эта маленькая

сестрёнка в красивом рассказе моей спутницы, и это пугало меня ещё сильнее. Бессмертный образ весёлой девочки в красивом кружевном платье навсегда отпечатался на старой потёртой фотографии, которая лежала сейчас во внутреннем кармане моей куртки. Я знал конец этой печальной истории, и от этого мне стало совсем грустно и страшно. Ани шла рядом со мной, укрывая от дождя убийцу своего отца, и даже не догадывалась, как близко находилась разгадка всех мучавших её вопросов. Стала бы она спасать меня, зная о моей страшной тайне?

– Зря папа тогда показал нам это место, – грустно прошептала Ани и снова уставилась себе под ноги. – Алиса тоже влюбилась в это озеро и каждый выходной умоляла папу сводить её туда, плакала, кричала и всячески обижалась, когда он не мог этого сделать. Он был очень занятым человеком, а после смерти мамы на него разом столько всего свалилось, столько дел и забот, ему приходилось кормить и обеспечивать двух подрастающих дочерей. Но Алиса была ещё не способна понять это. Терзающие её юное сознание детские прихоти стали брать верх над всяким здравым смыслом, она начала придумывать коварные планы и вовлекала меня в свои шалости. Пока папа был на работе, мы начали частенько сбегать из дома, чтобы вдоволь повеселиться на этом озере, и всегда успевали возвращаться до его прихода. Но однажды случилось то, чего мой отец боялся большего всего. Одним будним утром он, как обычно, ушёл на работу и наказал нам с сестрой никуда не выходить из дома и никому не открывать дверь. Но стоило ему переступить порог, как Алиса бросилась ко мне, стала водить вокруг меня хоро-воды и проситься сходить с ней на озеро. Я тогда уже училась в старших классах и на следующий день у меня была важная контрольная, поэтому я попросила Алису потерпеть, когда я закончу подготовку. Но она не послушалась и, ещё немного побродив за моей спиной, незаметно собралась и по-тихому выскочила за дверь.

Ани очень грустно вздохнула и снова посмотрела на меня.

– Больше я её не видела. Что случилось с озером, никто не знает до сих пор. Оно просто исчезло вместе со всеми людьми, кто находился там в этот момент, оставив после себя лишь этот смертоносный туман. Я помню это опустошение внутри себя, помню пустой от боли взгляд отца, когда он узнал о случившемся. Он рвался в этот туман, хотел найти там Алису, но прибывшие Стражи уволокли всех очевидцев в башню и велели молчать обо всём увиденном. После этого я не видела отца несколько дней и не знала, где он и что с ним случилось. Я не получила ни одной весточки и осталась одна в пустой квартире, наедине со своими мыслями. Я несколько раз приходила сюда, смотрела вдаль, в этот непроглядный туман над полем, стояла по несколько часов и ждала, втайне надеясь, что хотя бы в этот раз всё окажется чьей-то глупой шуткой, игрой или временной ошибкой Системы. Я ждала, что туман рассеется и я увижу знакомый силуэт сестрёнки, увижу розовое сияние в этом тумане, из которого появится Алиса, подойдёт ко мне, обнимет, и весь этот ужас, наконец, закончится. Но время шло, и ужасное осознание случившегося начало заполнять мой разум, я много раз корила себя за то, что не уследила за сестрой, за то, что потакала её глупым прихотям, что не рассказала всё отцу, не предупредила. Иногда я жалела о том, что не пошла в тот день вместе с ней и не исчезла из этого мира вместе с тем озером. Возможно, это был бы лучший выход для меня, чем теперь остаться наедине с опустевшим миром и сжигающей меня виной. Отец, к сожалению, так и не смог оправиться от случившегося. Через несколько дней он вернулся домой, бледный, молчаливый, он появился в дверях и словно призрак вошёл в квартиру. От него веяло смертельным холодом. Больше всего я боялась, что он станет обвинять меня во всём, что я не смогу перенести этой ноши, но он не произнёс ни слова. Для меня это оказалось сильнее прямого обвинения, его молчаливый укор и безразличие. Он потерял всякий вкус к жизни, стал немногословным и безэмоциональным, он часто погружался в свои мысли и с пустым взглядом смотрел в одну точку, а затем вставал и уходил в неизвестном направлении. Я думаю, он приходил сюда, на это озеро, и точно так же с надеждой смотрел в туман, ведь надежда – это всё, что у него оставалось. Позволь задать тебе вопрос, Стил? Ты терял кого-нибудь в этой жизни?

– Я? Я... не знаю, – сбивчиво ответил я, пытаюсь судорожно вспомнить хоть один пример и распутать собственные мысли. – Я думаю, что все мы кого-то теряли.

– Нет, ты меня не понял, – склонив голову, сказала Ани. – Если бы ты терял кого-то, то непременно запомнил бы это, поверь. Когда уходит кто-то очень близкий, кого ты любишь больше всей жизни, то в этот момент в тебе что-то обрывается, рушится какая-то частичка тебя самого. Ведь что такое «мы», то есть люди? Ты никогда не думал об этом? Мы не существуем сами по себе в отрыве от других, от их сущности и жизни. Мы – это люди вокруг, это все, кто нас окружает, кого мы любим, они часть нашей жизни, а мы часть их. Когда ты кого-нибудь любишь, то ваши сознания будто сливаются вместе, становятся общим. Ты живёшь ради любимого человека, а он живёт ради тебя, ты меняешь привычки, образ жизни и все свои мысли, и всё, что рождается в твоей голове, проходит через эту психологическую и моральную связь с другими людьми. Понимаешь, Стил? Может быть, это звучит несколько сложно и чужаковато, но я этому научилась у одного очень хорошего человека. Он всегда говорил, что мы – это совокупность других людей, мы отражение их всех. Между мной и Алисой, мной и папой существует неразрывная связь, и такая же связь между всеми людьми: отцом и сыном, любовной парочкой или лучшими друзьями. Даже между мной и тобой теперь существует такая связь. Другой человек замещает часть твоей личности, и вы сливаетесь в единое целое, и вот эта психологическая смычка между разумами – самая сильная и самая великая вещь в человеческой жизни, но в то же время и самая уязвимая часть. Наши достоинства – это продолжения наших недостатков и наоборот. Когда близкий тебе человек погибает или просто уходит из твоей жизни, то в тебе что-то ломается, разрушается та часть тебя, которую он наполнял. Ты начинаешь чувствовать себя неполноценным, полым изнутри, и эта пустота с каждым днём всё больше напоминает о себе, скорбит о потере и разрушает твою психику. И ты никогда не сможешь восполнить эту потерянную часть, тот уголок разума, который был неизменно связан с другим человеком. Ты просто умираешь в этой части своей личности и носишь шрам до конца своей жизни. А вообще, знаешь, что самое страшное и невыносимое? Каждое утро просыпаться и вспоминать о людях, которых ты любил и которые ушли навсегда. Каждый день ты начинаешь ловить себя на мысли, что больше никогда не увидишь любимого человека, не прикоснёшься к нему, что вы никогда больше не посмеётесь вместе и не погуляете в солнечную погоду. И вот это слово «никогда» становится твоим неизменным спутником на всю оставшуюся жизнь. Меня пугает эта вечность, пугает своей неотвратимостью и бессердечием. «Никогда» когда-нибудь поглотит мой разум, как это уже случилось с моим отцом. Когда начинаю вспоминать те деньки, что я провела с Алисой, её улыбку, её смех и слёзы, когда вспоминаю обо всех её обидах и радостях, то неизменно в моё сознание врывается эта вечность и внемлет раз за разом, что это больше не повторится никогда, никогда... никогда! В такие минуты хочется сесть под дождём на этой серой мостовой, смотреть в туман, куда ушла Алиса, и просто ждать своей смерти.

Ани шмыгнула носом и вытерла слёзы рукавом, а затем посмотрела на меня и как-то грустно улыбнулась. За весь этот рассказ, куда она с таким упоением погрузилась, доверяя мне самое сокровенное, я стал для неё почти родным. Долгое время Ани была одинока в своём горе, держала эти слова за стальными засовами своего характера, но тут плотина прорвалась, омывая меня солёными водами чужой судьбы. Она мечтала об этой минуте с тех самых пор, как её отец ушёл в своей бессловесности, оставив маленькую девочку наедине со своим горем и целым миром.

– Извини, мне грустно всё это вспоминать, но мне уже легче, – сказала Ани и снова попыталась улыбнуться сквозь слёзы.

Ей действительно становилось легче от того, что её слова нашли выход и от чувства сопричастности к её горю.

– Ничего, я понимаю, спасибо, что поделилась со мной, – неловко ответил я и осторожно погладил её по спине. – А где теперь твой отец?

– Он пропал, и уже давно. Но теперь ты должен понять моего отца, как поняла его я, когда повзрослела и осознала всё это. Смерть любимой жены, потом потеря дочери – всё это dokonало его окончательно. Со временем он всё больше сторонился меня, всё чаще и дольше пропадал из дома и почти перестал со мной разговаривать. Вот это самое «никогда» постепенно свело его с ума. Однажды он вернулся с этого поля и начал твердить о том, что теряет образ своей дочери, что постепенно забывает Алису, воспоминания как бы начали улетучиваться из его сознания. Он постоянно ходил к месту, где было озеро, пытался ухватить исчезающей образ Алисы и жаловался, что у него всё чаще начинает болеть голова, когда он изо всех сил пытался сохранить хоть что-то в своей памяти. Для этого он всегда хранил при себе фотографию Алисы, ту самую, что он сделал в тот счастливый солнечный день на озере Святой Марии. Но однажды он просто исчез, и я его больше не видела. Он, как обычно, не говоря ни слова, ушёл из дома и больше не вернулся. Я думаю, что Стражи всё-таки добрались до него, ведь его постоянные походы к этому месту не остались незамеченными. Я не знаю, где он и что с ним случилось, до сих пор, но надеюсь, он хотя бы обрёл заслуженный покой с самим собой и, может быть, встретил Алису, с которой, наконец, обрёл своё счастье.

Ани ещё раз шмыгнула носом и прильнула к моему правому плечу. В эту минуту ощутить чьё-то живое присутствие и поддержку было её самым страстным желанием.

– Сколько же тебе было лет, когда отец пропал, и кто тогда тебя воспитывал?

– Мне стукнуло уже пятнадцать, когда он ушёл, но потом меня приютил один хороший друг нашей семьи и оформил на меня опеку. Теперь я тоже иногда прихожу к этому озеру или к тому, что от него осталось, смотрю в этот туман и всё так же жду, когда из него выйдет Алиса в своём милом розовом платице. А может, даже увижу их вместе с отцом, как весело играют друг с другом и радуются жизни.

– А ты не боишься, что Стражи могут также забрать и тебя?

– Кто, я? – Ани даже усмехнулась. – После всего моего рассказа о жизни и о том, что я пережила, ты спрашиваешь, боюсь ли я? Нет, не боюсь, иногда я даже мечтаю о смерти, думаю о том, как бы прервать этот долгий спуск в бездну и встретить там единственных людей, кого я любила в своей жизни. Но тебе я бы всё же не советовала сюда больше приходить, не нужно так рисковать, я совершенно не шутила. Стражи многих забрали, кто особенно ретиво пытался добиться справедливости или поднимал много шума вокруг этого случая. И всё же, Стил, мне тоже интересно, а что ты искал здесь?

– Наверное, то же, что и все остальные, кто приходят сюда. Правду, ответы, решение всех проблем.

– И как, нашёл, что искал? – Ани мило улыбнулась, всеми силами стараясь как можно скорее перевести тему, отогнать от себя грустные мысли и скинуть тяжкий груз внимания к своей персоне.

– Нашёл, – несколько замешкавшись, ответил я. – И даже, наверное, нечто большее.

– А ты немногословен, – ответила Ани, смущённо пряча глаза, а затем тихо хихикнула и добавила: – Одна я тут трещу без умолку уже полчаса. Прости, в жизни мне не часто доводилось с кем-то вот так просто пообщаться, а когда даётся такой шанс, то уже не могу остановиться. Ой, тогда давай сменим тему на менее грустную, а? А то и так тошно, так мы ещё нагнетаем. Позволь тогда задать вот такой глупый вопрос, а где твой зонтик, потерял в том тумане?

– Почему же глупый? Я не ношу зонты, принципиально, – ответил я и попытался приветливо улыбнуться в ответ.

– Ой, а почему так? Что случилось? Чешуйки на одежде ведь не сильно помогают, или ты любишь, когда дождик капает с ушей? – хихикнула Ани, а потом немного опомнилась и шлёпнула себя по губам. – Ой, прости, глупая шутка.

– Да ничего, – успокоил я девушку. – Это мой личный выбор, моя жизненная позиция, если так угодно. Понимаешь, вот этот бесконечный дождь, что заливает улицы, это вечно угрюмое серое небо... не могу я так. Не могу и не хочу подчиняться этому дождю, всей этой ситуации с погодным модулем. Для меня взять в руки зонт – это как смириться с дождём и со всей этой ситуацией, это будто бы сдать на волю стихии.

Лицо Ани вытянулось от удивления, и она посмотрела на меня застывшим взглядом. Она явно не ожидала нечто подобного от такого невинного вопроса.

– Не стоит так удивляться, – улыбнулся я. – Я каждый день выхожу на улицу и вижу людей, которые смирились с этим ливнем, вижу, что каждый день зонтов над их головами становится всё больше, а желания что-то изменить – всё меньше. Весь мир из царства мечтателей с чистыми устремлениями превращается в царство подчинения и покорности. Люди сдались на милость непокорной стихии, приняли её как данность. Зонт – это не просто кусок брезента, это символ, белый флаг, который человек водрузил над своей головой. Тебе, вероятно, смешно всё это слышать. Скажешь, вот дурачок, развязал такую трагедию из бытовой ситуации, но мне это важно. Пока этот ливень барабанит по моей голове, я продолжаю бороться, чувствовать, что живу, чувствовать свою цель и ни в коем случае не мириться с проблемами.

– Вот ты и правда дурачок. – Ани расплылась в улыбке, источая поток симпатии. – Извини за прямоту. Но какое же это смирение? Какая борьба? Что за ребячество, право слово? Я вижу здесь лишь бегство от проблем, а не борьбу с ними, нежелание признать действительность такой, какая она есть. Зонт – это не смирение, а ровно наоборот, признание проблемы, осознание того, что мешает нам жить, подчинение неизбежному и устранение его последствий.

– Но я не хочу устранять последствия, я хочу устранить причину! – возмутился я.

– Всему своё время, Стил. Идя на таран головой о стену, многого не добьёшься. Для начала нужно признать проблему. Да, если хочешь, то смириться с её наличием, научиться с ней жить, устранить её вредное воздействие и только после этого, когда все преграды сняты, начинать решать первопричину. А отказываясь принять этот дождь, ты не борешься с ним, точнее пытаешься ударить палкой воздух и в этой бессмысленной войне тратишь все силы. Вот так! Забавный ты, я не ожидала такой реакции на вполне безобидный вопрос. Похоже, мы с тобой оба ненормальные и не умеем нормально общаться.

Ани снова тихо хихикнула себе под нос и посмотрела с глубоким пониманием. Но мне нечего было ответить на её доводы, я только пожалел, что завёл этот разговор с неизвестным мне человеком. Всё-таки это было что-то личное, нечто из моих глубоких тёмных кладовых, где днём ютилась Тьма, смиренно дожидаясь ночи. Я не хотел, чтобы Ани когда-нибудь заглядывала за эту преграду и увидела моё истинное лицо. Мне стало жутко неловко перед этой милой и невероятно умной девушкой за всю свою лживость и лицемерность, за то, что внушаю ей обманчивый образ светлого человека. Она столь невинна в своей доверчивости, но в то же время перенесла столько бед и страданий за свою недолгую жизнь, что её нутро давно должно было превратиться в один большой колючий комок, источающий только мизантропию и ненависть. Но она продолжала светить, и это притягивало к ней сильнее всего. Вопреки всему, что она пережила, вопреки бесконечно глубокой боли утраты, что преследует всю её жизнь, она осталась необычайно сильной и смелой. Её внутренняя сила оказалась направлена не на разрушение и ненависть к окружающим, а к непреодолимому стремлению жить и дарить свет другим людям, кому повезло меньше и чей свет давно угас, сдавшись под тяжестью проблем. Таким, как я. Но заслуживаю ли я быть рядом с ней, вот так идти по краю шоссе под одним зонтом и весело щебетать о жизни, заслуживаю ли я её внимания и дружбы? Я тот, кто частично виновен в разрушении её жизни, кто отнял у неё самое дорогое. Смогла бы она когда-нибудь понять меня и простить? Я давно уже запутался в этих бескрайних дебрях тернового куста и давно не верю в самого себя.

Всё это время, пока я с восхищением слушал длинный и завораживающий монолог Ани, пока спорили о глупостях и о погоде, мы медленно шли по окраине местного шоссе в сторону спальной части города, провожали взглядами проезжающие мимо машины и были счастливы. Простое человеческое счастье – быть услышанным, почувствовать себя частью другой жизни, ощущать свою вовлечённость и духовную близость. В своей вечной погоне за более далёкими целями я совсем разучился видеть прекрасное в окружающих меня людях, позабыл, ради кого я рисковал жизнью.

Но наша совместная прогулка не оказалась слишком долгой, бессердечная Система решила лишний раз напомнить мне, к какому миру я принадлежу. Она вернула меня с небес на грязную землю и ещё сильнее втоптала в ту лужу, откуда я так отчаянно пытался сбежать в своих мыслях последние полчаса и что так сильно хотел забыть, утонув в паре чарующих зелёных глаз. Всё разом закончилось, когда из сизой дымки над дорогой, по другую от нас сторону, показалась одинокая фигура в длинном плаще. Она привычно мялась у самого края шоссе и приплясывала от холода. В тот самый момент меня пронзило невидимой стрелой, я встал как вкопанный, смотря в сторону этого человека, а мои мысли будто окаменели под взглядом бессердечной Горгоны. Павел? Но как? Он уже не должен здесь быть! Ани заметила моё странное поведение и тоже остановилась, встала рядом и проследила за направлением моего взгляда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.